

В
ОПРОСЫ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
БОРЬБЫ
НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ

ЕРЕВАН

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐՏԱՍԱՀՄԱՆՅԱՆ ԳԱՂԱՓԱՐԱԿԱՆ ՀՈՍԱՆՔՆԵՐԻ
ՊՐՈՔԼԵՄՆԵՐԻ ԳԻՏԱԿԱՆ ԽՈՐՀՈՒՐԳ

ԳԱՂԱՓԱՐԱԽՈՍԱԿԱՆ ՊԱՅՔԱՐԻ
ՀԱՐՑԵՐԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԷՏԱՊՈՒՄ

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՒԵԳԻԱ՝

Ղարիբջանյան Գ. Բ. (պատ. խմբագիր), Էկմալյան Ա. Մ. (պատ. խմբ.
տեղակալ), Թովմալյան Ա. Ա., Սարգսյան Ս. Ա., Սիմոնյան Ա. Վ.
(պատ. քարտուղար)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
Ե Ր Ե Վ Ա Ն 1988

1
15-270
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ ЗАРУБЕЖНЫХ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

11795
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарибджанян Г. Б. (отв. редактор), Саркисян С. А.,
Симонян А. В. (отв. секретарь), Товмасян С. С.,
Экмялян А. М. (зам. отв. ред.).

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
БРЕВАН 1988

Печатается по решению Научного совета
по проблемам зарубежных идеологических течений
АН Армянской ССР

Ответственный редактор:
академик АН АрмССР Г. Б. ГАРИБДЖАНИЯН

Рецензенты:

кандидаты философских наук В. Г. Осипова, Э. Л. Мелконян

Вопросы идеологической борьбы на со-
В748 временном этапе. /АН АрмССР. Научный со-
вет по проблемам зарубежных идеологиче-
ских течений; Ред. колл.: Саркисян С. А. и
др.: Отв. ред. Гарибджаниян Г. Б.—Ереван:
Изд-во АН АрмССР. 1988—149 с.

Сборник посвящен актуальным вопросам современной идеологической борьбы. В свете решений XXVII съезда КПСС и последующих партийных документов дается критический анализ некоторых направлений идеологической экспансии империализма.

Книга рассчитана на научных работников и широкий круг специалистов в области идеологических и общественных наук.

0302030900

В ————— 9—88

703(02)—88

ББК 66.019

© Издательство АН Армянской ССР, 1988.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В статьях, включенных в очередной, третий сборник «Вопросы идеологической борьбы на современном этапе», подготовленный Научным советом по проблемам зарубежных идеологических течений АН Армянской ССР, рассматривается ряд актуальных социально-политических и социально-философских проблем, вокруг которых сегодня развернулась острая идеологическая борьба.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивалось, что в мире современного капитализма под влиянием НТР конфликт между гигантски выросшими производительными силами и частнособственническим характером общественных отношений стал еще острее. И хотя нынешний этап общего кризиса не несет с собой абсолютного застоя капитализма, более того, как отмечалось в докладе, не исключает для него на каких-то участках даже социального рванша, тем не менее капитализм, не располагая позитивными целями и ориентирами, выражающими интересы трудящихся масс, сталкивается ныне с небывалым переплетением и взаимоусилением всех присущих ему противоречий. Именно поэтому ни в один другой период своего существования буржуазная пропаганда не обрушивала на людей во всем мире такого количества лжи, как сейчас, пытаясь любыми приемами приукрасить капитализм, навязать миру свои стандарты жизни, стереотипы поведения, стараясь всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких ценностей, как демократия, свобода, равенство, социальная справедливость, социальный прогресс¹.

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 13, 19.

Следующая группа статей выпуска посвящена критическому анализу буржуазных интерпретаций некоторых социальных последствий НТР, ставших объектом острой идеологической борьбы.

Приведенные материалы показывают, что НТР придает новое качество процессу социально-классовой дифференциации и имущественного расслоения капиталистического общества, ускоряет его, порождая новые проблемы и противоречия политического характера. Вместе с тем эти процессы социально-классовой дифференциации наглядно опровергают модные на Западе теории о том, что «рабочий класс исчезает, будто он уже совсем растворился в «среднем слое», социально переродился» и т. д. и т. п.

«Рабочий класс,—подчеркнул тов. М. С. Горбачев в Докладе о 70-летии Великой Октябрьской социалистической революции,—представляя теперь в своих новых социальных границах численно преобладающую силу, обладает потенциалом сыграть решающую роль, тем более на крутых поворотах истории»³.

Своеобразным выражением кризиса политической системы империализма являются критикуемые в сборнике элитаристские концепции буржуазных идеологов, обосновывающие необходимость бюрократии и свертывания демократии, отказа от традиционных либерально-демократических идеалов и принципов.

В процессе критического анализа феномена «массовой культуры» и тенденций ее развития выдвигается идея о появлении в буржуазном общественном сознании совершенно нового течения, представляющего собой специфическую разновидность апологетического направления современной буржуазной социологии. Это течение характеризуется как «поп-философия» или «масс-философия», т. е. такая разновидность философии, которая обладает основными признаками популярной массовой «поп-культуры». Анализ основных черт причин возникновения этого нового детища современного буржуазного общественно-научного приводит к тезису о том, что для современной буржуазной апологетической социологии характерны поиски новых идеологических форм приспособления к негативным явлениям и противоречиям, порож-

³ Правда, 1987, 3 ноября.

даемым современным империализмом в условиях научно-технической революции. Специфической формой этого приспособления и является создание концепций, непосредственно направленных на манипуляцию идеологическим сознанием масс путем трансформации социально-философских абстракций в формы «массовой культуры».

Острая идеологическая борьба развернулась и вокруг такой сферы социальных последствий НТР, как современное образование. Буржуазная философская и социологическая мысль упорно пытается найти новую образовательную парадигму, которая одновременно привела бы и к «обновлению» социальных систем. Особенно привлекательной, на их взгляд, в этом отношении, является концепция непрерывного образования, которая якобы не только может быть реализована в условиях антагонистического общества, но и служить средством разрешения классовых противоречий. Однако, как показано в книге, игнорирование социально-политических и экономических реалий неизбежно обуславливает теоретическую несостоятельность и методологическую непоследовательность буржуазных интерпретаций этой концепции и ее практическую неосуществимость.

Значительное место в сборнике отведено опровержению буржуазных фальсификаций марксистско-ленинской теории и практики социалистического государства. На большом фактическом материале разоблачаются измышления советологов о механизме формирования органов государственной власти СССР, ложная их трактовка принципов советской избирательной системы.

Одновременно убедительной критике подвергаются принципы избирательных систем капиталистических стран, принципы формирования их органов государственной власти, истинный смысл которых — отстранить народ от участия в управлении буржуазным государством. Показывается несостоятельность буржуазных теорий политического плюрализма, их утверждений о демократическом характере буржуазной политической системы, о единстве интересов государства и личности в буржуазном обществе.

Книга завершается рассмотрением идеологических аспектов буржуазных спекуляций на проблеме соотношения традиции и новаторства в философии и искусстве.

В. Ф. БОРЗУНОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Отличительной чертой современной эпохи является острое противоборство социалистической и буржуазной идеологий. «Буржуазная идеология, — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — идеология обслуживания капитала и прибылей монополий, авантюризма и социального реванша, идеология общества без будущего. Ее установки очевидны: любыми приемами приукрасить капитализм, прикрыть его природную античеловечность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни и культуры; всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких ценностей, как демократия, свобода, равенство, социальный прогресс»¹. Борьба социалистической и буржуазной идеологий отражает непримиримость коренных классовых позиций пролетариата и буржуазии, противоположность двух социальных систем. Эта непримиримость объективно обусловлена, поскольку вытекает из классовой природы идеологии, ее партийности, противоположного отношения антагонистических классов к научному осмыслению общественного развития и к революционно-преобразующей деятельности².

К концу XX в. усиление идеологического противоборства между социализмом и капитализмом вполне определилось как закон общественной жизни. Истори-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 87.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 279; т. 8, с. 145. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 340 — 341; т. 6, с. 39 — 40, 362 — 363; т. 8, с. 145; т. 34, с. 39 — 40; т. 36, с. 382.

ческое противоборство двух непримиримых мировоззрений охватывает все направления общественного развития, все классы и социальные слои капиталистического общества³. Противоборство капитализма и социализма пронизывает экономическую, политическую и идеологическую сферы. Но если в первых двух сферах оно приобретает форму компромиссов, то третья сфера полностью исключает их. Марксизм выступает против распространения идеологической борьбы на сферу межгосударственных отношений, против придания идеологической борьбе статуса межгосударственной психологической войны — главного средства идеологического противоборства, используемого империализмом.

Важнейшие отличительные черты социалистической и буржуазной идеологий раскрываются через различие их связи с наукой и практикой, отношение к рабочему классу. Социалистическая идеология «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью... соединяет в самой теории внутренне и неразрывно»⁴. Социалистическая идеология органически связана с общественно-исторической практикой, способствует социальному прогрессу человечества, обобщает исторический опыт, изменяющиеся объективные условия и тенденции развития, постоянно творчески обогащается. Буржуазная идеология противостоит прогрессивному направлению общественно-исторической практики человечества, не способна адекватно учитывать ее, обогащаться и развиваться на основе ее научного отражения, хотя и в состоянии приспосабливаться к изменяющимся условиям исторического прогресса с позиций буржуазии, что является важной закономерностью ее развития⁵. Действие этой закономерности позволяет буржуазии ловко маскировать свою идеологию под марксизм, избегая

³ См.: Красин Ю. Современный мир и проблемы социального прогресса. — Политическое самообразование, 1986, № 8, с. 37 — 39.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 341.

⁵ См.: Галочкин В. И., Коваленко В. И., Костин А. И. Идеологическая борьба в современном мире. — Вестник Московского университета, сер. 12. Теория научного коммунизма, № 2, 1986, с. 70 — 72.

метода голого отрицания его значения. Буржуазный политолог А. Мейер метко заметил, что «сопротивление, оказываемое американскими идеологами марксизму, может быть объяснено как коллективный отказ от того, чтобы прямо посмотреть в лицо тревожной реальности»⁶. Заимствования из марксизма буржуазной идеологии порождены быстрым ростом авторитета марксистского учения, объективными изменениями общественного сознания, вынуждающими врагов марксизма «переодеваться марксистами»⁷.

Возрастание авторитета марксистско-ленинского мировоззрения, научной теории, успешно реализуемой в революционной практике, оказывает мощное влияние на современную идеологическую ситуацию в целом. Буржуазные идеологи условием признания марксизма считают его «развитие», освобождение от «догматических форм» (например, «марксизма Энгельса», «восточного марксизма»), замену его «западным марксизмом», идущим якобы от К. Маркса, творчески развитыми «гуманистическими традициями», заложенными реформистскими лидерами II Интернационала. «Сегодня есть марксисты, которые защищают дело Маркса, как оно есть,—пишет американский буржуазный марксолог, «неолиберал» Р. Хейлбронер,—и марксисты, которые хотели бы изменить в нем почти все... Марксисты, которые хотят дотянуться до религии и психоанализа, и марксисты, которые воспринимают это как чисто буржуазную диверсию; марксисты, которые громко объявляют себя ортодоксами, и другие, думающие, что марксизм выродился в идеологию и что это—главное препятствие для достижения гуманного социализма»⁸.

Критики марксизма стараются исподволь заменить

его фундаментальные принципы и категории совокупностью частнонаучных понятий, набором эмпирических фактов и обобщений, такой его универсализацией, которая доходит до уровня общефилософских, политэкономических и социологических закономерностей. В центре критических нападок—преемственность и развитие в марксизме. Буржуазные идеологи не прочь признать первое (и то в закостенелой форме), но решительно выступают против второго. Они готовы признать, например, историческую ценность марксизма как экономического анализа классического капитализма, ленинизма как отражения специфического опыта и истории России, учения Маркса как системы этических воззрений⁹. Однако буржуазные идеологи отрицают практическую значимость марксизма, отвергают действительную цельность и всеобщность коммунистического мировоззрения, отождествляют преемственность с традиционализмом, основанным на догматическом мышлении, чуть ли не на религиозной вере в истинность постулатов. Для них характерен субъективистский и абсолютистский подход к новому, отгороженному от старого. Буржуазные идеологи подчас пытаются к марксизму «присоединить» фрейдизм и даже фашизм¹⁰. Стремление «дополнить» марксизм философскими и методологическими идеями, заимствованными из буржуазного естествознания—другая черта «обновления» этого учения. Буржуазные идеологи, например, стараются «обогащать» марксизм структурализмом (К. Леви-Стросс), «философской антропологией» и фактором научно-технической революции; эклектически соединить их, отбросить принципы материалистической диалектики, интерпретировать марксизм с идеалистических фихтеанских позиций¹¹.

Субъективистские трактовки, абсолютизация понятия отчуждения становятся у буржуазных исследовате-

⁶ Meyer A. The Aufhebung of Marxism.—Social Research. 1976, vol. 43, № 2, p. 202. См.: Skolimovski H. Power: Myth and Reality.—Alternatives A. Journal of World Policy. Summer 1984, vol. 9, 1, p. 46—47.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 3.

⁸ Heilbroner R. Marxism: For Against. N. Y., London, 1980, p. 19. См.: Walzer M. Spheres of Justice. A. Defence of Pluralism and Equality. N. Y., 1983, p. 175—176, 321.

⁹ См.: Hook S. Revolution, Reform and Social Justice. Studies in the Theory and Practice of Marxism. N. Y., 1975, p. 1.

¹⁰ См.: Aronowitz S. The Crisis in Historical Materialism, Class, Politics and Culture in Marxist Theory. N. Y., 1981, p. 1, 4.

¹¹ См.: Kolakowski L. Main Currents of Marxism, vol. 1, Oxford, 1978, p. 50, 180, Ср.: Schiffenbauer H. Joann Gottlieb Fichte. Leipzig, Jena, Berlin, Urania—Verlag, 1985.

лей другим удобным средством соединения взглядов Маркса с концепциями философов Франкфуртской школы, христианства, анархо-синдикализма. Колеблясь между утверждениями о «старении» марксизма-ленинизма и соблазном его теоретической и методологической ревизии, буржуазные идеологи по существу заняты укреплением своих релятивистских и субъективистских позиций, стремлением прикрыть абстрактными рассуждениями дискредитацию и подрыв основ великого революционного учения, выхолостить его классовый смысл.

На международной арене современная идеологическая борьба нередко принимает драматические формы. «Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы»,—говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС¹². Выдвижение идеологической борьбы на передний план объективно обусловлено изменением соотношения сил в пользу мира, демократии и социализма, сокращением исторических возможностей прогрессивного развития империализма, вынуждающем его пользоваться идеологической борьбой в целях ослабления социализма, подрыва его внутреннего единства, разобщения антиимпериалистических сил, наконец, значительным повышением роли субъективного фактора¹³.

В целях спасения капитализма, кризис которого все углубляется, империалистические идеологи развернули идеологическую агрессию и психологическую войны, принявшие всеобщий характер. Закономерностью стали глобализация духовного производства вообще и идеологической борьбы в частности, их диверсификация и усиление влияния на жизнедеятельность человечества. Сформировались всемирные узловые пункты идеологической борьбы—вопросы будущего человечества, вой-

¹² Пленум Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. Стенографический отчет. М., 1983, с. 113.

¹³ См.: Развитие марксизма и его современные «критики». Коллективное интервью.— Проблемы мира и социализма, 1986, № 3, с. 70—76.

ны и мира, о путях развития и прогрессе человечества, сложный комплекс глобальных проблем. Возросло значение защиты марксизма-ленинизма, разоблачения буржуазной идеологии, разъяснения марксистско-ленинской теории как единственно верного руководства к действию.

Увеличение роли субъективного фактора в развитии цивилизации нашло конкретное проявление в заметном повышении уровня образования, культуры, информированности, в еще слабо осознанном стремлении к переменам, в углублении противоречивости и неравномерности развития этих процессов. Социальный реванш в идеологии империализма приобретает формы усиления антикоммунизма и антисоветизма, подрывных пропагандистских акций и диверсий, скоординированных в международном масштабе. При этом происходят глубокие внутренние перестройки структуры буржуазной идеологии, изменяются взаимосвязи и взаимовлияния основных составляющих ее элементов—либерализма, консерватизма и радикализма (левого и правого). Общая закономерность смены элементов буржуазной идеологии такова, что «рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей»¹⁴.

Классический либерализм был знаменем революционной буржуазии, штурмовавшей бастилии феодализма, либерализму противостоял «традиционный консерватизм» феодальной аристократии, а затем консерватизм реакционной монополистической буржуазии. Развитие противоречий капитализма, смена его исторических форм заставляли буржуазию менять свои идеологические позиции, искать иные пути приспособления к новым реальностям, заимствовать прежде чуждые ей представления, по-новому расставлять акценты, отказываться от некоторых устаревших схем. Классический либерализм был направлен против средневековой теологии. Становление буржуазного мировоззрения в рамках Реформации в трудах Т. Гоббса и Дж. Локка и других происходило на основе концепции естественного права и общественного договора¹⁵. Буржуазный конституциона-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 445.

¹⁵ См.: Koerner K. Liberalism and it's Critics, London and Sydney, 1985, p. 3—4.

лизм—политический венец деятельности классического либерализма. Переход к империализму нанес сокрушительный удар по классическому либерализму. Рост социального неравенства и распространение идей социализма, по мнению канадского либерала К. Кернера, заставило большинство либералов признать необходимость и правомерность вмешательства государства в стихию рынка и осуществления минимума социальных реформ. Неолиберализм взял на вооружение политическую практику государственно-монополистического капитализма для укрепления пошатнувшихся основ буржуазного общества. В 40-х — середине 70-х гг. ресурсы неолиберализма были в основном исчерпаны. Государственно-монополистический капитализм одержал полную победу над всеми иными формами капитализма и явственно обнаружил исторические пределы государственного вмешательства в экономическую и социальную жизнь буржуазного общества¹⁶.

Кризис 70-х гг. поразил всю мировую систему государственно-монополистического капитализма. Его отражением стало усиление натиска на господствующие позиции либерализма со стороны консерватизма, правого и левого радикализма. Американский историк, консерватор Л. Страус предупреждает либерализм в разрыве с великой философской традицией античности и средневековья, провозглашавшей достижение добродетели высшей целью политики, а господство мудрых—образом правления, определенным законами природы¹⁷. Философия и наука подчинены ныне узкопрагматическим целям. Человек лишился нравственности, ориентиров, сбился с пути. Чрезмерный рационализм, по мнению другого консерватора, английского политолога, М. Оукшота, забвение богатства человеческого опыта, увлечение административно-техническими методами решения социальных и политических проблем, игнорирование политических и семейных традиций привели либералов к краху¹⁸.

¹⁶ См.: *Никифорова Л. З.* Критика либерализма и неоконсерватизма в США.— *Вопросы философии*, 1971, № 3, с. 174 — 176.

¹⁷ См.: *Koerner K.* *Op. cit.*, p. 199 — 201.

¹⁸ См.: там же, с 193, 276. *Rekonstruktion des konservatismus* Hrsg. von Gerd—Klaus Kaltenbrunner. Freiburg, 1972.

Критики либерализма слева атакуют приверженность его индивидуализму, частной собственности, социальному, политическому и экономическому неравенству. В работах канадского политолога леволиберальной ориентации К. Макферсона и идеолога «новых левых» Г. Маркузе выдвигается программа централизованного государственного контроля над экономикой и создания политической системы, сочетающей принципы демократии участия на местах и представительной демократии на общенациональном уровне, опоры на студенчество и маргинальные слои общества в борьбе с существующей системой¹⁹.

Критика либерализма справа и слева—серьезный симптом кризиса существующей системы государственно-монополистического капитализма и буржуазной идеологии в целом. Либерализм расслоился на правое (умеренное), центристское и левое течения²⁰. Дж. Чэмпен, либерал левой ориентации, выход из кризиса капитализма ищет в развитии государственной системы социальной помощи, ликвидации всех форм монополий, учете интересов потребителей. Центрист-либерал К. Кернер предлагает, чтобы буржуазное государство регулировало деятельность монополий во имя сохранения «экономической и политической свободы», развивало систему социальной помощи, активизировало участие граждан в политической жизни, ограничивало функции административной власти, расширило влияние правительства, подкрепило деятельность «заинтересованных групп» давления, проявляло большую терпимость в воспитательной работе с массами трудящихся. Во внешней политике, по мнению К. Кернера, государство должно отказаться от практики империализма и национализма, увеличить помощь развивающимся странам, способствовать созданию нового мирового порядка на основе «идеалов свободы и равенства»²¹. Автор придерживается центристских либеральных позиций, стремясь сохранить прежние методы и цели государственно-монополистического регулирования и социальной политики, при-

²⁰ *Никифорова Л.* Указ. соч., с. 176.

²¹ *Koerner K.* *Op. cit.*, p. 323 — 325, 329 — 330.

способив их к новой международной обстановке. Неолиберализм развил концепцию классического либерализма за счет включения в свое учение элементов эгалитаризма и «позитивной свободы», теории «модернизации» (структурной перестройки экономики, расширения централизованного планирования и регулирования, конструктивного сотрудничества с профсоюзами). Он противопоставит консервативной программе жесткой экономии и в области социальных программ, «реиндустриализации» силами преимущественно частного сектора экономики и «реидеологизации»²².

На примере развития американского либерализма и консерватизма политолог, либерал А. Хэмби показывает истоки рождения и упадка «эры деидеологизации», появление «эры реидеологизации»²³. С 30-х гг. в США шла ожесточенная борьба либерализма и консерватизма. До 30-х гг. господствовали консерваторы, делавшие акцент на частном предпринимательстве, свободном рынке, индивидуализме и свободной конкуренции. «Новый курс», провозглашенный Рузвельтом, «сделал коллективистский демократический либерализм нормой американской политики» — расширилась регулирующая роль государства в сфере экономики и социальных отношений, официально были узаконены профсоюзы, ослаблены позиции большого бизнеса. На этой основе удалось спасти и усилить американский капитализм, укрепить его государственно-монополистическую базу. Но уже в 1946 г. началось контрнаступление консерватизма с целью добиться полной ревизии либерализма и демонстрации институтов и реформ «нового курса». Внутри это означало наступление реакции на права трудящихся масс, вовне — «холодную войну» против Советского Союза. Законы Тафта-Хартли и Смита-Маккарти нанесли жестокие удары по левым силам. В такой атмосфере ли-

²² Reformieren, manipulieren integrieren — Imperialistische Klassenpolitik unter Anpassungszwang, Berlin, 1973, s. 61, 169. Галкин А. А. Новая «консервативная волна» как порождение идеалистического кризиса капитализма. — Вопросы философии, 1977, № 12, с. 89—92.

²³ См.: Hamby A. L. Liberalism and it's Challengers: FDR to Reagan. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1985, p. 13 — 22.

берально-реформистский лагерь перешел на оборонительные позиции от наступавших на него сил консерватизма и правого радикализма, в нем стали преобладать конформистские, ограничительные и антикоммунистические тенденции. 60-е гг. были последними в господстве либерализма. Уже в программе «новых рубежей» Дж. Ф. Кеннеди, наряду со многими положениями либеральных идей 30—50-х гг., появились «посткейнсианские» концепции экономического роста, либеральные традиции во внешней политике, одобренные идеями «американской миссии» и неокOLONIALИЗМА²⁴. В программе «великого общества» Л. Джонсона либерализм вступил в стадию глубокого кризиса. Вьетнамская авантюра окончательно его похоронила. Позиции либерализма переплелись с идеями «республиканского консерватизма» Р. Тафта и Дж. Маккарти. Под знаменем антикоммунизма либерализм объединился с консерватизмом, открыв «эру деидеологизации». Наиболее видные представители консерватизма, однако, на практике вскоре убедились в невозможности возврата к принципам свободного рынка и свободной конкуренции. Они сравнительно мирно восприняли исторические уроки либерализма и сформулировали в 70-х гг. концепцию «жизнеспособного консерватизма», выступившего под знаменем «реидеологизации», прикрытой словесной риторикой в духе старого консерватизма²⁵. Синтез элементов либерализма и консерватизма образовал неоконсерватизм 60—70-х гг., взятый на вооружение Р. Никсоном, который пытался следовать по «среднему пути» между старым консерватизмом и либерализмом «великого общества». Крах сочетания «прагматического» консерватизма внутри страны и грубого геополитизма в сфере внешней политики привел к исчерпанию либерализма²⁶. В

²⁴ См.: Мельвилль А. Ю. Идеология американского консерватизма: традиции и современные формы. — Вопросы философии, 1979, № 5, с. 146 — 148.

²⁵ См.: Щелкин А. Г. Неуправляемая сложность: генезис технократического консерватизма. — Вопросы философии, 1979, № 5, с. 101 — 102.

²⁶ См.: Мигранян А. М. В поисках модели «улучшаемого общества». — Рабочий класс и современный мир, 1986, № 4, 119 — 126, 130.

трактовке важнейших сторон современного капитализма неоконсерваторы серьезно разошлись с либеральной буржуазно-реформистской традицией. Их сближение на почве крайнего антикоммунизма и антисоветизма произошло за счет либеральных традиций и выдвижения на передний план родственной, но не тождественной неоконсерватизму, идеологии «новых правых» — комплекса идей и концепций свободного рынка, социокультурного традиционализма и религиозного фундаментализма. Неоконсерватизм и идеология «новых правых» — два вполне самостоятельных новейших течения современной буржуазной идеологии, отличающиеся друг от друга по своей социальной базе и подходу к решению проблем буржуазного общества. На них покоится деятельность администрации Р. Рейгана, жестко проводящего реакционную внутреннюю и силовую, агрессивную внешнюю политику. В других развитых капиталистических странах неоконсерватизм приобретает иные формы (тэтчеризм в Великобритании, неоконсерватизм в ФРГ). Однако принципиальные его позиции социально одинаковы²⁷.

Нынешний идеологический фон капитализма более или менее однороден, чрезвычайно широк и сложен. Идеологическая борьба разворачивается по всему фронту буржуазной общественной мысли. Задача марксистов состоит в том, чтобы вести эту борьбу умело, с большим запасом прочности, принципиальности и видением перспективы, с учетом важнейших ее узловых пунктов, позиций, партийно-политических и профессиональных представителей, сдвигов в общественном сознании масс. Самое важное в идеологической борьбе сегодня — это строгое соблюдение принципов партийности, классовости, народности, гуманизма, выдвижение на передний план общечеловеческих глобальных проблем — и прежде всего проблемы войны и мира. «Являясь продолжением классовой политики победившего пролетариата, — отметил М. С. Горбачев, — мирное сосуществование в дальнейшем и особенно в ядерный век превратилось в условиях выживания всего человечества»²⁸.

²⁷ См.: Elm L. Der "neue" Konservatismus. Zur Ideologie und Politik einer reaktionären Strömung in der BRD. Zur Kritik der bürgerlichen Ideologie. Berlin, 1974.

²⁸ Правда, 1987, 3 ноября.

Т. А. АЛЕКСЕЕВА

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА

Борьба идей между двумя мирами — социализмом и капитализмом, — еще никогда не была столь многогранной и сложной, как в середине 80-х годов. Сегодня она ведется практически во всех сферах, во всех социальных слоях общества, с помощью самых разнообразных средств массовой информации и пропаганды, в том числе и новых, родившихся в результате научно-технической революции.

В то же время возникла острая потребность в ограничении идеологической борьбы сферой только собственной идеологии, с тем, чтобы не позволить ей, перекинувшись на другие области взаимоотношений двух систем, заслонить вставшие сегодня в результате угрозы ядерной войны и обострившихся глобальных проблем общечеловеческие ценности и задачи.

XXVII съезд КПСС и январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС четко обозначили новые черты и особенности нынешней полосы развития, переломный характер современного периода истории, выявили диалектику новой политической реальности, поставили вопрос о необходимости новой философии мира, нового политического мышления.

Императивы сегодняшней ситуации привели к определенным изменениям и в буржуазной идеологии и политике, потребовав приспособления и развития средств и методов апологетики буржуазного общества, идеологической борьбы, использования достижений НТР ради противопоставления социализму некоей иной альтернативы.

Современная научно-техническая революция оказывает воздействие по существу на все без исключения аспекты жизни человечества. При этом в условиях различных социально-экономических систем НТР развивается по-разному, приводя к качественно иным последствиям. Если в социалистическом обществе НТР ускоряет использование колоссального потенциала, заложенного в самом социалистическом строе, то при капитализме научно-технический прогресс, говоря словами В. И. Ленина, «сопровождается, как и все другие процессы капитализма, также и «прогрессом» противоречий, то есть обострением и расширением их»¹.

НТР оказывает мощное трансформирующее воздействие на всю систему международных отношений, значительно расширяя круг проблем, определяющих внешнеполитическую стратегию каждого отдельного государства на международной арене. В значительной степени под влиянием НТР происходит также изменение традиционных представлений о силе и мощи государств, методологии оценки соотношения сил в мире, в том числе и на внутрисистемном уровне—при капитализме.

Сдвиг вправо в политической жизни и идеологии наиболее развитых капиталистических государств, начавшийся с конца 70-х годов, находит свое выражение и в формулировании определенной внешнеполитической философии, в основе которой лежат всевозможные обоснования «политики силы» на международной арене, достижения решающего военного превосходства и слом стратегического ракетно-ядерного паритета—если речь идет о странах социалистического содружества; и доказательств права на вмешательство во внутренние дела и эксплуатацию стран развивающегося мира.

В буржуазной политологии доминирует положение о том, что детерминантой общественного развития выступает борьба за «силу». Эта идея, «теоретически» обоснованная одним из «отцов-основателей» школы «политического реализма» в США Гансом Моргентау, а также другими теоретиками международных отношений в США, например, Г. Лассуэлом—А. Капланом, Г. Саймоном, Р. Далем, Дж. Нагелом, Р. Кэганом, Дж. Найем,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 180.

К. Норром и др.²; в Англии—И. Кэлвокоресси, Ф. Норсиджем, Дж. Френкелом³; во Франции—Р. Ароном⁴; в Японии—Х. Ханаи. Сегодня это положение приспосабливается к специфическим потребностям данного исторического момента, к политической практике, национальным интересам, однако оно «красной нитью» проходит в работах и «неоконсерваторов», и либералов, став, таким образом, почти общим местом буржуазного внешнеполитического мировоззрения. Тем самым межгосударственные отношения рассматриваются сквозь призму «силовой» политики. Спектр подходов буржуазных теоретиков к категории «силы» весьма широк—от отождествления ее с военной силой до выделения многочисленных элементов, таких, как географическое положение страны, активность во внешней политике, наличие или отсутствие «национальной воли» и т. д.

Классики марксизма-ленинизма дали определение понятий «силы» и «мощи» государства, развитое советскими теоретиками-международниками. Мощь, под которой понимается совокупный экономический потенциал государства, уровень которого зависит как от естественных факторов, (население, площадь территории, природно-географические условия и т. д.), так и от социально-экономических отношений в стране,—категория экономическая, базисная. А сила, измеряющаяся, говоря словами Ф. Энгельса, ее проявлением⁵,—категория надстроечная, функционально-политическая. Дихотомия силы («мощь»+политика) обнаруживается, например, в таком надстроечном явлении как идеологическая си-

² H. D. Lasswell and A. Kaplan. Power and Society, New Haven: Yale University Press, 1950; H. A. Simon. Models of Man, New-York: Wiley, 1957; R. Dahl. The Concept of Power, "Behavioral Science", July 1957, pp. 201—215; J. Nagel. The Descriptive Analysis of Power, New Haven: Yale University Press, 1975; R. Keohane and J. Nye. Power and Interdependence: World Politics in Transition, Boston: Little Brown, 1977.

³ P. Colvocoressi. International Policy since 1945. New—York—Wash., 1968; F. Northedge. The Foreign Policy of the Powers, London 1969; J. Frankel. International Relations, New—York—London, 1969.

⁴ R. Aron. Paix et guerre les nations, Paris, 1962.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 595.

ла государства. С одной стороны, она зависит от материального потенциала пропагандистско-идеологического аппарата, связанного с экономической мощью государства. А с другой—важнейшее значение имеет характер самой господствующей идеологии, тех идей, которые она несет. Определяет же силу идеологии реакция масс⁶.

Научно-техническая революция оказывает воздействие и на пропагандистско-идеологический аппарат, технические средства его деятельности, и на политику, и на саму буржуазную идеологию. По мере развития научно-технического потенциала государства, его внешняя политика становится все в большей степени идеологизированной, характеризуется также и степенью воздействия на общественное мнение, причем не только в своей стране, но и за рубежом. Интуитивно осознавая, что идеологическая сила—один из важнейших показателей силы государства на международной арене, правящие круги США, буржуазные идеологи стремятся увеличить ее потенциал посредством использования достижений научно-технической революции.

Развитие техники и технологии коммуникации дает возможность все более широко распространять информацию и идеи за пределами государственных границ, создает предпосылки для явления, названного бывшим президентом Финляндии У. К. Кекконеном «информационным империализмом»⁷.

США последовательно превращают пропагандистские диверсии, идеологическую агрессию за рубежом в широкомасштабную «психологическую войну» против стран социалистического содружества, марксистско-ленинской идеологии, национально-освободительного движения. Операции «психологической войны» империализм США осуществляет с помощью мощного, опирающегося на новейшие научно-технические достижения в области коммуникаций информационно-пропагандистского разведывательного комплекса. Средствами воздействия на население развивающихся стран служит экспортируемая из

⁶ См.: Алиев Р.-И. А. Мощь государства и глобальное соотношение сил.— В сб.: Государство и общество, под ред. Д. А. Керимова. М., 1985, с. 176.

⁷ Международная жизнь, 1985, № 12, с. 61.

США и ряда других империалистических государств продукция «массовой культуры», радиовещание, телевидение (кабельное и через спутниковую подсистему «Амнет»), кино и аудиовизуальные средства. Если принять во внимание, что в ряде районов развивающегося мира основным источником информации является телевидение (например, в Латинской Америке, которая по числу телевизоров на душу населения обогнала даже Западную Европу⁸), то очевидно, что контроль над содержанием телепрограмм и засилье американской продукции—важнейший канал пропагандистского воздействия.

При нынешнем уровне развития техники коммуникации процесс ее превращения в важнейший инструмент идеологического и политического влияния за границами государств носит всемирный характер, и по мере внедрения все более совершенных систем он становится все более острой международной проблемой, особенно для развивающихся стран, имеющих, как правило, весьма низкий уровень технического потенциала. Причем если распространение печатной продукции в значительной степени сдерживается государственными границами, то в силу физической природы распространения информации с помощью электромагнитных волн по существу превращает целые районы развивающегося мира в незащищенные перед лицом империалистической идеологической агрессии.

Однако было бы неверным сводить весь феномен возрастания роли информации в жизни мирового сообщества только к следствию научно-технической революции. В основе этого процесса лежит также целый ряд объективных факторов, связанных с ростом социальной активности и повышением образовательного уровня населения, интенсификацией мирохозяйственных и культурных связей между народами, углублением мирового революционного процесса и т. д.

В то же время, поскольку информационная политика каждого государства предопределяется господствующей политической структурой, носит классовый характер, диктуется общими внешнеполитическими и идеологическими установками данной страны, в условиях им-

⁸ См. там же.

периализма «коммуникационный взрыв» несет в себе ярко выраженные негативные моменты, способствуя проведению буржуазной идеологии.

Количественная сторона проиходящего процесса характеризуется крайней неравномерностью распространения информационных средств—концентрация их в одних районах (преимущественно в высокоразвитых капиталистических государствах) при острой нехватке их в других, в первую очередь развивающихся. Его качественная сторона определяется постоянным появлением все новых и новых средств и инструментов получения, хранения и передачи информации, что опять-таки способствует расширению разрыва в уровне информационной обеспеченности между различными районами. Поэтому уже сегодня можно говорить об информационно-техническом прогрессе в этой сфере, по прогнозам специалистов, приведет к еще большему возрастанию влияния информационных средств на характер международных отношений и изменение соотношения сил в мире в 1990—2000 гг.

«Коммуникационный взрыв» оказывает также важнейшее воздействие на общественное сознание человечества, способствует формированию планетарного сознания. Поэтому уже сегодня можно говорить об информации как одной из глобальных проблем, стоящих перед мировым сообществом. Следует иметь в виду, что было бы неверным сводить проблему информации только к средствам массовой информации, к «новостям». При всей важности идеологической борьбы на этом уровне нужно помнить, что она составляет лишь вершину айсберга информационных проблем, в подводной части которого лежит информационное обеспечение государств в экономической, производственной, торгово-коммерческой и научно-технической сферах, без чего невозможно обеспечение нужд социально-экономического развития развивающихся стран. Причем именно эта область информационной деятельности приобретает в последнее время особо важное значение и играет все более значительную роль в стратегии идеологической экспансии империализма.

Сложность современной ситуации в этой сфере информации также связана с тем, что империализм стре-

мится поставить на службу своим внешнеполитическим и идеологическим интересам достижения научно-технической революции. После кризиса 70-х годов империалистические государства, в том числе США, действуют в новой для себя среде. Эта среда характеризуется новым соотношением сил, последовательно меняющимся в пользу социализма, ростом и активизацией борьбы развивающихся стран за обеспечение подлинной национальной независимости, против всевозможных проявлений неокOLONиализма, а также сдвигами внутри самой капиталистической системы—появлением и укреплением новых центров империалистического соперничества. Претензии США на роль лидера капиталистической системы претерпели даже по сравнению с 70-ми годами существенные модификации. В этих условиях американский империализм стремится повысить «силу» США на международной арене не только за счет военных, но и невоенных факторов силы, в том числе «новой информационной технологии», т. е. создания электронно-вычислительных информационных «суперсетей» глобального уровня.

Подавляющее большинство буржуазных идеологов в США и других странах НАТО сходятся во мнении, что именно опережающее развитие американского научно-технического потенциала, отрыв от конкурентов в сфере науки и техники становится главным козырем в борьбе за роль лидера в капиталистическом мире. Уже сегодня на Соединенные Штаты приходится свыше половины научно-технического потенциала капиталистического мира⁹. По существу рынки, формируемые передовой технологией, уже сейчас поделены между США и Японией. Как показывают результаты проведенного исследования, из 37 технологических проектов первостепенной важности Западная Европа, например, доминирует только в двух (разработка электронных коммутирующих устройств и программного обеспечения), в остальных же случаях приоритет принадлежит США и Японии¹⁰. И поскольку США несоизмеримо более активны в идеологической сфере, то по существу они домини-

⁹ См.: США: экономика, политика, идеология, 1985, № 5, с. 50.

¹⁰ Futuribles, 1984, № 77, p. 19.

нируют в тех аспектах достижений НТР, где они имеют непосредственный выход на формирование общественного сознания, в том числе и в развивающихся странах. Поэтому, как считается, превосходство США в научно-технической сфере способно создать рычаги воздействия на внешнюю и внутреннюю политику других государств. А это, в свою очередь, должно сказаться на формировании международной среды, благоприятной для США. Отсюда последовательное стремление представить Соединенные Штаты в качестве модели для развивающихся стран, своего рода «социальной лабораторией мира», как писал в свое время Зб. Бжезинский¹¹.

В части, относящейся к «третьему миру», здесь отчетливо прослеживается мессианский акцент, традиционный для американского политического сознания. Так, профессор социологии Нью-Йоркского университета Дж. Конкрофт утверждает, что большинство американцев, в том числе и политиков разного профиля, согласны с «широко распространенным утверждением, что Соединенные Штаты во внешнеполитических отношениях всегда руководствовались сознанием своей гуманной миссии»¹². Иными словами, по-прежнему сохраняется приверженность мессианскому мифу, согласно которому на США лежит историческая миссия «распространять по всему миру ценности свободы, демократии и гуманности»¹³. Фактически же речь идет об идеологическом обосновании интервенционизма и вмешательства во внутренние дела других государств. Сегодня традиционное мессианство все чаще выступает в облике «технического мессианства» — распространения по всему миру достижений НТР американского образца как основы современной цивилизации.

В работах буржуазных политологов и социологов настойчиво проводится мысль о том, что развитие науки и техники позволяет по-новому поставить проблему социального развития развивающихся стран. Средством решения проблемы отсталости называют технизацию,

¹¹ Foreign Policy, 1976, № 23, p. 92.

¹² Amerika — der riskante Partner, Hrgb. vob Guha A. A., Parcke S., Königstein—Athenäum, 1984, S. 11.

¹³ Там же, с. 12.

которая якобы уже сама по себе в состоянии уничтожить разрыв между высокоразвитыми индустриальными государствами и «третьим миром».

Е последние годы буржуазные идеологи выдвинули тезис о приоритете развития информационного потенциала по отношению к экономическому. По их утверждениям, широкое применение развивающимися странами «новой информационной технологии» позволит им перескочить через некоторые стадии традиционного индустриального развития, в том числе связанные с большой энергоемкостью. Тем самым задачи экономического развития как бы подменяются распространением компьютеров, что якобы позволит также решить кадровую проблему, ибо компьютеризация снижает требования к организации производства и уровню квалификации работников. Присоединение к глобальным сетям, по их мнению, также будет способствовать ускорению научно-технического прогресса.

Безусловно, овладение и широкое внедрение электронно-вычислительной техники, современных методов сбора, обработки и передачи информации имеет для развивающихся стран все возрастающее значение в связи с их выходом на мировой рынок и участием в международном разделении труда, тем более, что хозяйственные связи транснациональных корпораций (ТНК), действующих в этих странах, в основном компьютеризированы. Однако связь между компьютеризацией и развитием оказалась несравненно сложнее.

Глобальная «суперсеть» обслуживает, как правило, с одной стороны, интересы своей ТНК, а с другой — на коммерческой основе другие фирмы, а сплошь и рядом — также правительства и правительственные ведомства зарубежных государств. Так, например, информационно-вычислительная сеть «Марк—III» (компания «Дженерал электрик») обслуживает более 5 тысяч фирм и организаций примерно в 400 городах США, Западной Европы, Азии и Южной Америки (в том числе правительства США, Австралии, Австрии, Бельгии, Великобритании, Нидерландов, Норвегии, Швеции и Швейцарии)¹⁴.

¹⁴ Современная внешняя политика США, под ред. Г. А. Трофименко, т. 2, М., 1984, с. 65.

При этом подобная сеть предлагает своим клиентам не только широкий спектр прикладных программ, но и самую различную информацию статистического или фактологического характера. Вот здесь и открывается возможность не только для определенных манипуляций с клиентами, но и для сбора самой различной информации о положении в странах, пользующихся их услугами. Таким образом, США по существу сдают в аренду свой электронно-вычислительный потенциал, подменяя компьютеризацию той или иной страны распространением своей собственной техники. Информация, хранящаяся в памяти электронно-вычислительных сетей, позволяет американским компаниям укреплять свои позиции на мировом рынке, оказывать экономическое и политическое давление на конкурентов. Возможности для этого велики. Например, по данным специалистов Калифорнийского университета, в США в электронной памяти вычислительных центров сосредоточено около 80% данных о состоянии мировой торговли¹⁵. Иными словами, имеет место процесс, о котором Р. Сарноф, президент «Радио корпорейшн оф Америка», говорил еще в конце 60-х годов, а именно, что информация «станет товаром первой необходимости, равным по важности энергии», и что она «будет функционировать как разновидность валюты в мировой торговле и будет повсеместно конвертироваться в другие товары и услуги»¹⁶.

Нехватка квалифицированных кадров в развивающихся странах, отсутствие комплексности, использование ЭВМ только в отраслях анклавного типа приводит к тому, что потенциал «новой информационной технологии» используется лишь частично, а обслуживают ЭВМ в основном лица иностранного происхождения. С импортом компьютерной информации одновременно импортируются и капиталистические методы хозяйствования, и буржуазная идеология. Таким образом, «но-

вая информационная технология» превращается в политический фактор.

США, Япония, страны Западной Европы проявляют большой интерес к экспорту «новой информационной технологии» в зону «третьего мира», в частности включая эти аспекты в программы помощи развивающимся странам или же через международные организации, например ООН. Советские специалисты, оценивая эту деятельность, неоднократно подчеркивали, что «капиталистический рынок технологии—это не нечто абстрактное, а налаженный механизм воспроизводства экономической зависимости развивающихся стран на более высоком уровне развития производительных сил»¹⁷. Информация превратилась в товар и вслед за ней следуют капиталистические производственные отношения.

«Новая информационная технология» уже сегодня оказывает определенное воздействие на общественное сознание и, очевидно, в будущем роль ее будет возрастать. В прошлом различные информационные технологии соответствовали разным видам восприятия и передачи информации: печатание являлось продолжением письма; телефон и радио—продолжением разговорной речи; телевидение и кино—визуальных способностей восприятия. Особенность современной информационной технологии заключается в том, что она может использоваться для передачи и восприятия и визуальной, и письменной, и слуховой информации одинаково хорошо и в разных комбинациях. Тем самым значительно увеличивается и информационная насыщенность, и степень воздействия.

Современная информационная технология уже начала оказывать влияние на появление в разных частях света неформальных объединений людей в соответствии с их интересами или возможностью доступа к определенной информации, которые и ориентируются на определенные, и зачастую крайне обособленные источники информации. Разумеется, выделить конкретные формы влияния «новой информационной технологии» на общественное сознание, по-видимому, на данном этапе еще

¹⁵ См.: Kistner H., Kleinwächter W., Odermann H. Neue Internationale Informationsordnung und Ideologischer Kampf. Potsdam—Babelsberg, 1983.

¹⁶ Цит. по: Schiller H. J. Mass Communications and American Empire, Now—York: Kitley, 1970, p. 7.

¹⁷ См.: США: экономика, политика, идеология, 1982, № 2, с. 47.

довольно трудно, поскольку процесс ее интенсивного внедрения находится еще в самом начале. Но уже сейчас ясно, что это влияние будет исключительно велико. «Новые аспекты влияния информационной технологии на развитие цивилизации существуют, но они существуют пока только как возможности, и от нашего выбора будет зависеть, какая из возможностей будет преобладать», — утверждает директор Центра по исследованию мировых институтов Пенсильванского университета в США Г. В. Перлмуттер¹⁸. Однако уже сегодня ясно, что «новая информационная технология» в условиях эксплуатации общества начала использоваться в интересах идеологической экспансии империализма.

С середины 70-х годов развивающиеся страны резко активизировали свою борьбу за экономическую независимость. В рамках движения неприсоединения была сформулирована программа нового мирового экономического порядка. Одним из важных аспектов этой программы является решение проблемы компьютеризации. Речь идет о преодолении «информационной зависимости», прежде всего от США. Почти монопольное положение империалистических государств в сфере сбора, переработки и распространения информации, которое обеспечивается контролем над глобальными и региональными электронно-вычислительными «суперсетями», рассматривается развивающимися странами в качестве сдерживания их экономической независимости, блокирования развития, как «информационный империализм (колониализм)».

С программой нового мирового экономического порядка тесно связана программа нового мирового информационного порядка, целью которого является деколонизация движения информации (в том числе и «новой информационной технологии») в отношениях между капиталистическими и развивающимися странами. Несмотря на некоторую незавершенность, расплывчатость ряда положений этой концепции, на попытки включить в нее некоторые элементы типа деления мира на «богатый Север» и «бедный Юг» без учета классовых разли-

¹⁸ См.: *Perlmutter H. V. Building the Symbiotic Society, Enterprise: A Social Architecture for Future: — "World Futures" New—York, 1984, Vol. 19, № 3—4, p. 295.*

чий между двумя общественно-политическими системами — капитализмом и социализмом, программа борьбы за новый мировой информационный порядок носит в целом позитивный характер и пользуется поддержкой со стороны значительного числа развивающихся государств. Социалистические страны поддерживают справедливую борьбу государств «третьего мира» против «информационного империализма», за демократизацию информационного порядка.

Разумеется, углубление кризиса капиталистической системы, интернационализация всемирного хозяйственного механизма привели к тому, что социально-экономическое развитие большой группы государств «третьего мира», сохраняющих по многим направлениям экономическую зависимость от империалистических государств, происходит в крайне неблагоприятных условиях. Система социально-экономических отношений при капитализме не создает объективных предпосылок для преодоления экономической отсталости развивающихся стран. Разочарование в «догоняющем развитии», означаящем попытку с теми или иными модификациями повторять путь индустриального Запада, приводит к другой крайности, когда в ряде стран под сомнение ставится индустриализация, техническая цивилизация как таковая. Появляются различные концепции «альтернативного развития». Однако это также не решает проблем «третьего мира», которые не могут в принципе быть решены без создания современных производительных сил, включая промышленность и технологию.

Развертывание НТР углубляет противоречие между растущими нуждами молодых государств в использовании новой техники и собственностью на нее частных монополистических объединений. В условиях экстенсивного характера развития экономики, крайне низкой производительности труда в развивающихся странах НТР не избавляет эти государства от слаборазвитости. В отсталости развивающихся стран повинна капиталистическая система. Стремясь сохранить статус-кво, империализм, как подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «сумел создать и отладить самую изощренную систему неоколониалистской эксплуатации, теснее привязать к себе значитель-

ное число освободившихся государств»¹⁹. Возможности мобилизовать средства для использования достижений НТР для блага развития, в том числе и для обеспечения информационной независимости и суверенитета, открывает социалистическая ориентация развивающихся государств. Решение этих проблем связано с дальнейшим упрочением позиций научного социализма в идеологии развивающихся стран по мере поступательного общественного развития внутри этих государств и укрепления позиций мирового социализма.

¹⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 16 — 17.

Б. Г. ГАРИБДЖАНЯН

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ДЕМОКРАТИИ

Научный анализ основных проблем, противоречий и тенденций современного мирового развития показывает необратимый характер общего кризиса капитализма. Углубляясь и обостряясь под воздействием научно-технической революции, этот кризис охватывает все основные сферы буржуазного общества—экономику, социальные отношения, политику, идеологию. «Проблемы и кризисы, переживаемые миром капитала,—отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду,—возникают в его собственных недрах, представляют собой закономерный результат внутренних антагонистических противоречий старого общества. В этом смысле капитализм, развиваясь, отрицает себя сам»¹.

На фоне обострения основного конфликта—между гигантски выросшими производительными силами и частнособственническим характером общественных отношений—происходит созревание социально-политических предпосылок для замены старого общества новым, обостряется весь комплекс социальных проблем. Не располагая позитивными целями и ориентирами, выражающими интересы трудящихся масс, империализм с новой силой разжигает антикоммунизм и антисоветизм, в своей внутренней и внешней политике пытается перейти в контрастступление против социализма, рабочего и национально-освободительных движений. Попытки социального реванша, курс на милитаризацию и подго-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 12.

товку войны ставят под угрозу не только социальные и демократические завоевания трудящихся масс, но и саму тенденцию общественного прогресса, будущее цивилизации.

Характерной чертой современных сдвигов в политико-идеологической стратегии империализма, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, является давление реакции по всем линиям, замена традиционных форм управления, социально-политического маневрирования открыто авторитарными тенденциями². Последние находят свое выражение в идеологии неоконсерватизма, отражающей тенденцию к консолидации наиболее реакционных сил монополистической буржуазии. Такой поворот вправо произошел вследствие кризиса буржуазно-демократических институтов и ценностей, либерально-реформистской идеологии и политики.

Процесс формирования и наступления неоконсерватизма с середины 1970-х годов нашел своеобразное отражение в социально-политических концепциях буржуазных идеологов, в центре внимания которых оказалась проблема кризиса буржуазной демократии и путей выхода из него. При этом особую актуальность приобрели вопросы о характере государственной власти в развитых капиталистических странах, главным образом в США, о ее функциях, структуре и динамике социально-политических сил, о взаимоотношении государства и общества.

Основные направления эволюции буржуазной идеологии, внутренняя дифференциация и поляризация буржуазного сознания, причины и механизмы (идеологические и социально-психологические) формирования неоконсерватизма обстоятельно исследованы советскими обществоведами-историками, философами, социологами, экономистами, юристами³. Различные аспекты этих

² См. там же, с. 13.

³ См.: Юлина Н. С. Буржуазные идеологические течения в США: проблемы и противоречия «американского сознания». М., 1971; Кузьмин Э. Л. Идеологическое банкротство буржуазной демократии. — В кн.: Вопросы демократии в политико-правовой доктрине империализма. М., 1977; Американское общественное мнение и политика. М., 1978; Ашин Г. К. Критика современных буржуаз-

явлений, однако, требуют дальнейшего уточнения и разностороннего, углубленного изучения, что очень важно как с теоретической, так и с практической, политической точек зрения. Ведь в современной обстановке сложились такие объективные условия, когда противоборство между капитализмом и социализмом может протекать исключительно в формах мирного соревнования. Военное решение основного противоречия эпохи грозит катастрофой для человечества. Поэтому социальные противоречия будут разрешаться самими народами в своих странах. Отсюда и значение проблем демократии. Капитализм, который исторически себя исчерпал, стремится на основе использования новейших научно-технических достижений создать гигантский аппарат самосохранения, укрепления своего господства. На базе неоконсервативной идеологии в США создан, а в других странах капитализма пытаются создать широкий фронт крайне правых сил. Существенной же частью неоконсервативной идеологии является широко дискутируемая в буржуазной социологии и политологии концепция демократии. Целью данной статьи является анализ некоторых важных, на наш взгляд, аспектов этой дискуссии, имманентная критическая оценка новейших буржуазных прогнозов развития политических процессов в капиталистическом обществе.

ных концепций лидерства. М., 1978; Шахназаров Г. Х. Фиаско футурологии: Критический очерк немарксистских теорий общественного развития. М., 1979; Гарибджанян Б. Г. Кризис буржуазного общества и футурология в США. (Критика «олтимистического» направления). Ереван, 1980; Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980; Мельвиль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980; «Современное политическое сознание в США». М., 1980; Социально-политические теории современной буржуазной идеологии. М., 1981; Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981; Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии, 50—70-е гг. М., 1982; Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. М., 1982; США: консервативная волна. Пер. с англ. Введение и общ. ред. А. Ю. Мельвиля. М., 1984; Демченко Э. В. Современная технократическая идеология в США. М., 1984, и др.

Для современных буржуазных исследований проблем демократии характерны в основном три подхода: а) апология политической системы государственно-монополистического капитализма с помощью переосмысленных традиционных либерально-демократических принципов; б) попытки критической переоценки традиционного демократического идеала с целью его приспособления к новым общественно-историческим условиям; в) критика традиционных буржуазно-демократических принципов справа, обоснование необходимости авторитарных методов политического руководства «сильной власти». Несмотря на различие в позициях, для большинства западных социологов и политологов, занимающихся социально-философскими проблемами политических процессов, в той или иной форме характерно признание факта кризиса современной буржуазной демократии. Это относится как к приверженцам «плюралистических» теорий, так и к «элитаристам», как к либералам по своим политико-философским убеждениям, так и к консерваторам.

Каковы же причины и проявления кризиса буржуазной демократии? Буржуазные идеологи по разному отвечают на эти вопросы. Узкие рамки их классового мышления не позволяют им вскрыть сущность явлений, подлинные причины кризиса политической надстройки капитализма. Тем не менее в их работах часто можно встретить интересные замечания, иллюстрации, которые свидетельствуют также об усилении внутренней борьбы в западной общественно-политической мысли. Эти противоречивые тенденции, отражая объективные социально-политические процессы, еще раз подтверждают ленинскую мысль о том, что «...империализм не останавливает развитие капитализма и роста демократических тенденций в массе населения, а *обостряет* антагонизм между этими демократическими стремлениями и антидемократической тенденцией трестов»⁴.

«Сегодня,—пишет известный американский социолог О. Тоффлер,—мы являемся свидетелями глубокого кризиса не политики того или иного правительства, а кризиса самой представительной демократии во всех ее

формах»⁵. Говоря о кризисе буржуазной представительной или, как ее часто называют, «плюралистической» демократии, известный американский политолог, основоположник американской политической социологии С. Липсет, признается, что «...в этой демократии общий интерес никогда не был представлен и что капитализм вступил в фазу «заката своей демократической эры»⁶. В 1980 г., накануне президентских выборов, экономическую политику правительства осуждали 83% американцев. Они, по существу, не доверяли программам основных буржуазных партий. В день выборов к избирательным урнам пришли лишь 52,3% имевших право голоса. Это означает, что 76 миллионов американцев предпочли не участвовать в президентских выборах. Рейган стал президентом, получив лишь 26,8% голосов. Симптоматично, продолжает по этому поводу С. Липсет, что если раньше это явление объяснялось пассивностью избирателей, то сейчас—кризисом самой политической системы США. Исследования общественного мнения показали, что если в начале 1970-х годов свое недоверие к основным буржуазно-демократическим институтам выражали 17% американцев, то к началу 1980-х—40%⁷.

В связи с отмеченным выше буржуазные социологи задают вопрос: насколько адекватно отражает социально-политические реальности современного капитализма концепция «плюралистической демократии», которая употребляется в качестве синонима буржуазной представительной демократии»⁸.

В буржуазной социологии и политической науке самыми распространенными являются «плюралистическая» и «элитарная» концепции, между которыми идет борьба, отражающая партикулярные интересы групп монополистической буржуазии. В 1950—60-х годах в буржуазной общественно-политической мысли господствовала «плюралистическая» концепция. В марксист-

⁵ О. Toffler. The Third Wave. N. Y., 1981, p. 402.

⁶ Setting National Priorities: Agenda for the 1980's. Wash., 1980, p.p., 54, 531.

⁷ См. там же, с. 531.

⁸ См. Heilbroner R. Does Capitalism Have a Future?—New York Times Magazine, 1982, August 15.

ской критике отмечалось, что положения о «либеральном», «бесклассовом» и «деидеологизированном» государстве, лежащие в основе этой концепции, не объясняют реальные социально-политические процессы государственно-монополистического капитализма, а постулат «дисперсии» власти противоречит тенденции концентрации экономической и политической власти в современном буржуазном государстве. Эта концепция выполняла и продолжает выполнять (в контексте идеологической борьбы на международной арене) апологетическую идеологическую функцию, идеализирует и романтизирует буржуазную демократию эпохи домонополистического капитализма. Она изображает социально-политические процессы в капиталистических странах как конкуренцию, сделку и компромисс между множеством «заинтересованных» групп и партий на основе определенных «правил игры», которые обеспечивают им «равные возможности» в разделе благ и преимуществ «индустриального общества». Их конкуренция якобы гарантирует общество от того, что одна из групп станет доминирующей элитой. Что касается индивида, то он через формальные организации может принимать неограниченное участие в процессе принятия политических решений, оказывать давление на правительство⁹.

С помощью «плюралистических» представлений правящий класс пытался создать видимость вечности и неизбежности либерально-буржуазных идей индивидуализма, свободы и равенства, камуфлировать все углубляющийся разрыв между «идеальной» демократией, как она понималась ее отцами-основателями (эту демократию часто называют «джефферсоновской»), и той, которая является собой политическую надстройку государственно-монополистического капитализма.

Для нас, марксистов-ленинцев, истинные причины кризиса современной буржуазной демократии, несостоятельности «плюралистической» концепции очевидны. Ленинская теория империализма, идея о двух фазах развития капитализма, тенденциях развития его политической надстройки, дают научные ответы на те вопросы, над которыми бьются буржуазные ученые. Симптома-

⁹ См.: *Hamilton R. Class and politics in the United States*. N. Y., a. o., 1972, p. 34—35.

тично признание Д. Белла, который одним из первых обосновывал «плюрализм» и его «правила игры», выступал в 50-е годы с «опровержением» ленинизма: «Несмотря на тот факт,— пишет Д. Белл,— что капитализм и демократия исторически возникли одновременно, сегодня ни в теории, ни в практике ничего общего между ними нет»¹⁰. Из этого, согласно Д. Беллу, следует, что развеян также миф об «американской исключительности», миф, согласно которому политическая система в США обладает «исключительной» способностью интеграции всех оппозиционных сил, способностью достижения «демократического консенсуса» (согласия) между ними, что противопоставлялось тенденции формирования антимонополистического фронта.

С середины 1970-х годов в буржуазной социологии и политической науке заметно активизируется крыло приверженцев «элитаристских», откровенно бюрократических концепций, которые предлагают свои пути выхода из тупика, «возрождения истинно капиталистических ценностей», от которых якобы отказались либералы. Демократия, согласно известному политологу-антикоммунисту С. Хантингтону, была основной американской ценностью. Однако «максимизация позитивных ценностей не ведет к их оптимизации, как думают те социологи, которые предлагают путь дальнейшего расширения демократии в качестве рецепта ее излечения»¹¹. Ссылаясь на научно-техническую революцию, этот профессор из Гарварда считает, что не все сферы современной общественной жизни, не все социальные институты могут быть объектом демократического управления. Кроме того, «...эффективность функционирования демократической системы требует определенной степени политической апатии, гражданской незаинтересованности некоторых групп»¹². (Под «некоторыми группами», как видно из контекста, этот политолог имеет в виду трудящихся). Демократия, если она не хочет быть «само-

¹⁰ *Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism*. N. Y., 1976, p. 15.

¹¹ *Huntington S. P. Democratic Distemper*.— In: *Public Interest*, N. Y., 1975, 41, p. 17.

¹² Там же, с. 36—37.

убийцей», должна быть гарантированной «сверху», «элитой». Другой буржуазный профессор, Б. Бланк, в своей книге «Американское правительство и политика» пишет, что «преданность рядового американца демократическому идеалу чревата раздвоенностью сознания», поскольку «наша способность или неспособность понимания политических процессов в значительной степени влияет на тот мир, в котором мы живем»¹³. Пытаясь найти противоречия между идеалами равенства и свободы, он продолжает: «До тех пор, пока люди имеют равные возможности, то должно иметь место их неравенство, если не в смысле доходов, то в смысле статусов и стилей жизни». Оставим на совести американского профессора его утверждение о «равенстве доходов» в стране, где один процент семей владеет богатствами, почти в полтора раза превышающими совокупное богатство 80 процентов семей, находящихся в нижней части имущественной пирамиды¹⁵. Его утверждение о том, что научно-техническая революция, решая проблему «равенства доходов», обостряет якобы проблему свободы—новое свидетельство идейного вырождения буржуазной социологии, обосновывающей необходимость «элитарного» подхода.

Формулируя альтернативу «централизм-плюрализм» в связи с «необходимостью» дальнейшей бюрократизации общества буржуазные социологи-элитаристы выступают за централизм, поскольку этот принцип «обеспечивает эффективность действий, их быстроту и исключает дублирование». Тем самым отвергается другое основоположение «плюралистов»—тезис о прогрессирующей децентрализации собственности и власти¹⁶. Элитаристские концепции, таким образом, отражают объективные тенденции бюрократизации политической

системы, капитализма, всей его общественной жизни. Факты, которые приводят американские исследователи, показывают, что темпы роста бюрократии, т. е. лиц, профессионально выполняющих функции контроля и надзора в широком смысле слова, опережают темпы роста численности населения, объема производства, числа социально-значимых проблем. «Бюрократизация управления,—отмечают Мейер, Стивенсон и Уэбстер,—это требование времени», а рост бюрократических связей перед обществом, сколько особыми внутренними закономерностями развития самой бюрократии¹⁷.

Что до элиты, то для нее существуют одни только те «правила игры», которые диктует она сама, а не «правила игры» «плюралистов». Эти «правила» монополистическая буржуазия всегда топтала, когда видела угрозу своему безраздельному господству.

В условиях государственно-монополистического капитализма «плюрализм», конечно, является средством раскола единства трудящихся масс, средством обеспечения политических условий для функционирования системы эксплуатации. И как таковая эта концепция призвана отвлечь внимание трудящихся масс от социально-классовых проблем политической борьбы. Вместе с тем формально провозглашенные «плюралистические» идеи с их пропагандистской направленностью и оторванностью от реальности обеспечивают сравнительно более благоприятные политические условия для деятельности оппозиционных монополистическому капиталу сил. Эти идеи в известной мере отражают также результаты общедемократической борьбы народных масс, в условиях подъема которой монополистический капитал часто прибегает к социальной демагогии и маневрированию, провозглашает «правила политической игры», создает иллюзии «демократии участия». Поэтому не случайно, что активизация элитаристских социально-политических концепций совпадает с новым, более откровенным проявлением реакционно-бюрократических, авторитарных тенденций во внутренней и внешней политике империализма. «Элитаризм», по существу, обосновывает необ-

¹³ *Blank B. D. American Government and Politics. A Critical Introduction, Chicago, 1973, p. 1.*

¹⁴ *Blank B. D. American Government and Politics, p. 45.*

¹⁵ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 14.

¹⁶ *Meyer M., Stevenson W., Webster S. Limits to bureaucratic growth. B. (West W. de Gruyter, 1985, p. 192.*

¹⁷ *Meyer M., etc., Limits to bureaucratic growth, p. 128, 148.*

ходимость именно такой политики, когда народные массы все больше отстраняются от процесса принятия решений.

Часть западных социологов и политологов, размышляя о причинах кризиса буржуазной демократии, перспективах ее развития, пытается найти среднюю между «плюрализмом» и «элитаризмом» линию, опираясь при этом на концепцию известного буржуазного социолога Н. Шумпетера, изложенную в его книге «Капитализм, социализм и демократия», концепцию, согласно которой лучшей формой демократии является «элитарная», но с условием «плюрализма» элит и с учетом «правил игры». С этой точки зрения характерными являются взгляды известного итальянского социального философа, избранного пожизненным сенатором, Норберто Боббио. Несмотря на абстрактно-идеалистический, эклектический характер, эти взгляды представляют определенный интерес, проливают свет на тенденции развития буржуазной общественно-политической мысли.

В своей недавно вышедшей книге под характерным названием «Будущее демократии. В защиту правил игры» Н. Боббио пишет: «Я предпочитаю говорить о трансформации, а не о кризисе, потому что кризис заставляет думать о неминуемом крахе. Демократия в мире не обладает завидным здоровьем и никогда не обладала им в прошлом...»¹⁸. Причина такого состояния буржуазной демократии—в разрыве между идеальной демократией, как она понималась ее отцами—основателями, и реально существующей. Этот разрыв, согласно итальянскому исследователю, можно рассматривать с точки зрения «невыполненных обещаний», о которых свидетельствуют сохранение невидимой, закулисной власти, существование олигархий, социальная поляризация, прерываемое участие, низкая степень гражданственности. Боббио отмечает, что некоторые из этих обещаний носили с самого начала декларативный характер, а остальные встречали на своем пути непредвиденные препятствия. Во всех этих случаях, отмечает в предисловии автор, речь идет о «вырождении демократии... вынужден-

ной подчиняться требованиям практики». Власть олигархий или элит, бесспорно, противоречит демократическому идеалу. Однако допустимо, согласно Н. Боббио, существование «нескольких элит», конкурирующих между собой, в качестве меньшего зла¹⁹. Хотя «элитаризм» стремится превратить западное «плюралистическое» в своей основе общество в «монистическое», что ведет к «трансформациям демократии».

Н. Боббио констатирует, что власть олигархии в буржуазном обществе реально существует, что противоречит основополагающему принципу демократической мысли—принципу свободы, понимаемой как автономия, «способность давать законы себе самим», как ее определял Руссо. Это должно было привести к ликвидации традиционного различия между теми, кто правит, и теми, кем правят. С этой точки зрения Боббио выступает против расширения представительной демократии, которая, являясь единственной формой ныне действующей демократии, означает отказ от принципа свободы как автономии. Он выступает также против гипотезы, согласно которой микроэлектронная революция, «будущая компьютерократия» позволит осуществить прямую демократию, т. е. представит индивиду возможность передать свой голос в электронный мозг. Такой точки зрения придерживаются, в частности, О. Тоффлер, Зб. Бжезинский, Р. Дарендорф и др. Однако такой «избыток демократии», согласно Боббио, ведет к ее «уничтожению», поскольку порождает «тотальную апатию»²⁰.

В книге Н. Боббио много противоречивых положений, «дуалистических» решений. С одной стороны, он выступает против расширения участия, а с другой за. Об этом свидетельствуют его высказывания относительно превращения «политической демократии» в «социальную». Это означает, что показателем развития демократии является не увеличение числа лиц, кто имеет право участвовать в принятии решений, а увеличение «политического пространства», в рамках которого это право может осуществляться. В промышленно развитых странах, вынужден констатировать итальянский фи-

¹⁸ *Bobbio N. Il futuro della democrazia. Una difesa delle regole del gioco*—Torino, 1985, p. VII.

¹⁹ См. там же, с. 18.

²⁰ См. там же, с. 13.

лософ, процесс демократизации не затронул производство и административный аппарат, где имеют место бюрократические тенденции.

«Невыполненным обещанием» демократической теории является также, согласно Н. Боббио, существование невидимой власти в виде мафий, масонских лож, тайных клубов, неконтролируемых секретных служб и т. д. Если в Италии особую опасность представляет мафия, то в других промышленно развитых странах—правительственные секретные службы. Принятие крупных политических решений в тайных кабинетах по принципу «властью тайно» в корне противоречит принципу видимой власти, «власти без маскировки»²¹.

Надо отметить, что проблема публичного контроля над властью приобрела особую остроту в связи с последними достижениями научно-технической революции. Технические средства, которыми обладают власть имущие, предоставляют им возможность знать о гражданах все. «Компьютерократия» приблизила «идеал власти имущего, всегда заключающийся в возможности видеть каждый жест и слышать каждое слово своих подчиненных»²².

Интересными являются рассуждения Н. Боббио о причинах самих «невыполненных обещаний». В самой общей форме эти причины кроются, согласно итальянскому философу, в «трансформации гражданского общества». Первой такой «трансформацией» является появление технократии вследствие развития экономики. Возрастание числа политических проблем, требующих технической компетенции,—следствие усложнения общественных структур. Но технократия и демократия противоположны, поскольку демократия основывается на гипотезе, что «все могут решать все», а технократия, напротив, представляет эту возможность немногим. Отсюда и рост бюрократического аппарата, в котором власть распределяется иерархически сверху вниз, что противоречит системе демократической власти, где осуществление власти идет снизу вверх²³.

²¹ Там же, с. 17.

²² Там же, с. 18.

²³ См. там же, с. 20—22.

Н. Боббио формулирует противоречие, которое является основным в споре либералов и консерваторов: когда право голоса получили те, кто не имеет никакой собственности и не обладает ничем, кроме собственной рабочей силы, они потребовали от государства защиты против безработицы, выдвинули требования о социальном обеспечении. Так возникло «государство услуг», «социальное государство», которое явилось ответом на «запрос снизу—демократический запрос в полном смысле этого слова». Это, однако, противоречило либеральному принципу «государства как ночного сторожа», не допускающего вмешательства государства в дела «гражданского общества». А результатом такого прогрессирующего вмешательства оказалось «противоречие между равенством и свободой», кризис «замаскированного капиталистического государства» и усиление консерватизма, который выступает за сведение к минимуму роли государства как организации²⁴. С этих позиций итальянский философ критикует взгляды Рейгана и Тэтчер, их «циклическую и недетерминистскую концепцию истории», которая попирает «правила игры», противопоставляет «правлению законов правлению людей»²⁵. Его предостережения строятся не на пустом месте.

В послевоенные десятилетия трудящиеся капиталистических стран добились определенных успехов, особенно в социальной сфере. Уступки со стороны буржуазии были продиктованы, однако, не «гуманистическими» соображениями. Был пример социализма, о котором молчит Боббио. Заботясь о путях и возможностях дальнейшего развития капитализма, буржуазные идеологи и здравомыслящие политики продолжали идти «новым курсом» Рузвельта, курсом государственно-монополистического развития с помощью программирования, планирования, осуществления определенных социально-экономических программ. Цель этого курса—сохранить господство капитала. Буржуазные ученые не могут не знать, и история тому свидетель, что единственной альтернативой этому курсу в рамках капитализма может быть откровенная диктатура фашистского типа.

²⁴ См. там же, с. 110—115.

²⁵ Там же, с. 116.

Ведь фашизм тоже явился результатом кризиса, своеобразной попыткой выхода из кризиса. И если неоллиберальные мероприятия «нового курса» Рузвельта способствовали выходу из кризиса во многом благодаря улучшению социально-экономического положения трудящихся, то известно, к чему привел фашистский эксперимент. Ведь тогда тоже под флагом «сильной власти» топтались «правила игры».

Обсуждению проблем кризиса «государства благоденствия», кризиса буржуазной демократии, альтернативе либерализм—неоконсерватизм была посвящена состоявшаяся в Париже в 1980 г. международная конференция ведущих западных социологов и политических деятелей либерального толка, которую имеет в виду Н. Боббио. Материалы этой конференции опубликованы отдельной книгой под названием «Кризис государства благоденствия»²⁶. В ней содержится призыв к господствующему классу отказаться от грубого давления на трудящихся, рабочий класс, вернуться к методам «социальной терапии», а не «хирургии», отказаться от односторонне-элитаристских представлений о характере политических процессов. Как отмечают участники конференции, необходимо формулировать наиболее приемлемую альтернативу политике грубого давления и насилия, элитаристскому пониманию необходимости «сильной власти». Да, констатируют либералы, «западная» демократия вступила в фазу своего кризисного развития, которая напоминает 1930-е годы. Но из этого следует сделать такие выводы, которые соответствовали бы долгосрочным интересам капитализма.

Таковы в общей форме новейшие тенденции развития буржуазной общественно-политической мысли. По какому пути пойдет развитие буржуазной демократии? Какие силы внутри правящего класса возьмут верх? Ответы на эти вопросы в меньшей мере зависят от концепций буржуазных идеологов. Решающее слово, конечно, за трудящимися. От их идейно-политической зрелости, организованности будет зависеть та форма демократии, которая, как писал В. И. Ленин, является переходной

²⁶ The Welfare State in Crisis: An Account of the Conference in Social Policies in the 1980's*, 1981.

между капитализмом монополистическим и социализмом. Что касается буржуазных концепций, то они, по своему отражая углубляющийся кризис политической надстройки государственно-монополистического капитализма, подтверждают непреходящую ценность, актуальность ленинской оценки основных течений буржуазной общественно-политической мысли, ленинской концепции демократии. Важно отметить также, что неоконсерватизм как идейно-политическое течение не только является современной формой антикоммунизма, но и, как таковая, есть глубоко антилиберальное течение, не имеющее ничего общего с лозунгами и ценностями восходящей буржуазии.

На XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что проблема демократии—центральная в современной идеологической борьбе, что буржуазные идеологи извращают суть таких понятий, как демократия, равенство, свобода, социальный прогресс²⁷.

Радикальная демократизация всех сфер общественной жизни—экономической, социальной, политической и духовной—суть перестройки, гарантия претворения в жизнь решений XXVII съезда КПСС. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул необходимость серьезной демократизации советского общества, принятия конкретных, действенных мер, указав, что перестройка и ускорение возможны лишь в том случае, если главное действующее лицо—народ будет активно участвовать в общественном процессе. В книге М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» подчеркивается, что перестройка соединяет социализм и демократию, восстанавливая ленинскую концепцию социалистического строительства. Вопросы идеологической борьбы по проблемам демократии, критика лежащих в основе империалистической пропаганды концепций демократии должны находиться в центре внимания советских обществоведов.

²⁷ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 87.

Ю. Г. КУЛЬЧИК

ДВЕ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Достижения в области развития экономики, науки, культуры наций и народностей бывших отсталых окраин Российской империи являются одним из важнейших средств в арсенале нашей идеологической борьбы с империализмом на мировой арене. Так, процесс освобождения колониальных и полуколониальных стран имел успех не только потому, что существовала система социалистических государств, которая с консолидацией своих сил предоставляла экономическую, а порой и военную поддержку освободительным движениям, но и потому, что оказала на них мощное идеологическое влияние, продемонстрировав на практике преимущества социалистической модели общественного развития.

Пропаганда философии социалистического развития приобретает особо актуальное значение в связи с тем, что у миллионов людей в капиталистическом мире возникает осознание кризиса фундаментальнейших принципов развития капиталистического «общества безудержного индустриального роста»: «западная цивилизация, интерпретирующая себя как «прогресс»; попала в период сомнений и отрезвления»¹, — констатируется во многих зарубежных исследованиях. «Так называемый прогресс, не поддающийся планированию, страдает от собственной сложности... Сегодня мы растерянно стоим перед грудой развалин, ставших плодом наше-

¹ Brand K.—W., Büssel D., Rucht D. Aufbruch in eine andere Gesellschaft. Neue soziale Bewegungen in der Bundesrepublik, Frankfurt am Main—New York, 1984. S. 32, 18.

го развития»². «Мы живем в эпоху кризиса представленного развития как третьего мира, так и индустриального Запада»³.

Вскрывая порождаемые капиталистическим способом производства экономические, социальные и культурные аномалии в современном мире, не следует допускать, как указывал В. И. Ленин, методологической «ошибки» — механического перехода «от противоречий капитализма к отрицанию в нем высшей формы общечеловечности»⁴, забывая, что капитализм как всякое общество — это прежде всего модель развития, «живой, находящийся в постоянном развитии организм»⁵, что это безусловное движение человечества вперед, и вопрос лишь в том, какой ценой последнему приходится платить за каждый шаг, сделанный посредством ставших столь архаичными общественных отношений.

Марксизм неизменно рассматривает капитализм как исторически закономерный способ движения, развития человечества. «То, что выше всего ценит в капитализме научная теория, — писал В. И. Ленин, — присущее ему стремление вперед, невозможность остановиться или производить хозяйственные процессы в прежних неизменных размерах»⁶. В самом развитии капитализма марксизм видит, однако, не только «необходимое условие его существования», но и его «уязвимое место», «ахиллесову пята»⁷, поскольку не только постоянное производственное расширение его становится невозможным, но и потому, что каждодневное «социальное убийство» (Ф. Энгельс)⁸ живой природы и миллионов людей, обеспечивающее это развитие, становится очевидным. Именно цена прогресса и приводит, как предвиде-

² Löbsack T. Die letzten Jahre Menschheit: Von Anfang und Ende des Homo sapiens. München, 1983. S. 123, 125.

³ Buisson J., Mols M. (Hrsg.). [Entwicklungsstrategien in Lateinamerika in Vergangenheit und Gegenwart. Paderborn, e. a., 1983. S. 24.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 207.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 165.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 208.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 337 — 338.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 265.

ли еще основоположники марксизма, миллиарды мужчин и женщин, молодых и старых, «к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения»⁹.

«Верно, что и нынешний этап общего кризиса не несет с собой абсолютного застоя капитализма, не исключает возможностей роста его экономики, освоения новых научно-технических направлений,— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС,— ... Но капитализм, не располагая позитивными целями и ориентирами, выражающими интересы трудящихся масс, сталкивается ныне с небывалым переплетением, взаимоусилением всех его противоречий. С таким количеством социальных и прочих тупиков, какого он не знал за все века своего развития»¹⁰.

Исходя из сказанного, целесообразно сопоставить достижения советских, ранее отсталых наций и народностей, успехи социалистических государств с островками капиталистического процветания в развивающихся странах. Кое-кто на Западе сейчас пытается рассматривать экономические и социальные индикаторы развития двух мировых систем, сравнивать законодательные нормы отдельных стран с различным общественным строем, определять преимущества той или иной модели развития для государств третьего мира¹¹. Однако, на наш взгляд, магия статистических данных и нормативистская казуистика не могут быть решающими в сопоставлении двух путей социального развития. Важнейшим критерием может являться лишь социальная цена развития, социальная эффективность тех или иных преобразований и их позитивное воздействие на трудящиеся массы.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 427.

¹⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 13.

¹¹ Cassel D. (Hrsg.). *Wirtschaftspolitik in Systemvergleich. Konzeptionen und Praxis der Wirtschaftspolitik in kapitalistischen und sozialistischen Wirtschaftssystemen.* München, 1984.; *Bilshausen—Koreng Ch.* *Wirtschaft und Demokratie des Ostens und des Westens als Model für die Dritte Welt.* München, 1984.

Возьмем к примеру Индонезию, вставшую в середине 60-х годов на путь интенсивного капиталистического развития. Казалось бы, сбываются самые дерзновенные мечты. «Когда-то говорили, что если превратить озеро Тоба и водопад на реке Асахан в гидроэнергетический комплекс, это будет мир грез»,— пишет высокопоставленный индонезийский чиновник об Асаханском алюминиевом проекте на Северной Суматре. Теперь электростанции уже построены, и прекрасные новые дороги связывают их с прибрежным городом Куала-Танджунг, где японцами сооружен большой современный завод по выплавке алюминия. Электроэнергия дешевая, поступает в изобилии, алюминиевые слитки вывозятся в Японию через порт при заводе, а государственная казна получает столь необходимую ей иностранную валюту. Асахан рекламируется на Западе как самый замечательный успех среди всех крупномасштабных проектов Индонезии, и, вероятно, во многих отношениях с этим можно согласиться. Однако это лишь одна сторона медали капиталистического прогресса. Как вынужден констатировать тот же самый чиновник, «несмотря на прогресс, район в непосредственной близости к предприятию не освоен. Болота не осушены, народ по-прежнему беден и живет в тех же условиях, что и до начала работ в области развития». Проект, на который затрачено 2 млрд. долларов, не принес ни малейшей пользы местному населению. Таков социальный эффект и других дорогостоящих плодов модернизации Индонезии. Поразительнее всего, указывают исследователи С. Аванхарой и М. Хабир, что получаемые из различных источников фонды помощи бедным сосредотачиваются на территориях, богатых ресурсами, развивающихся в промышленном отношении, где по статистике имеется более высокий доход на душу населения¹².

Но может быть столь неблагоприятная картина имеет место лишь в промышленности идущих по капиталистическому пути развивающихся государств. Взглянем

¹² *Awanohaca S. S., Habir M.* Jakarta aims to spread development's Benefits throughout the Nation.— *Far Eastern Economic Review.* Hongkong, 1985. Vol. 127, № 5 (Feb.), p. 48.

на положение, сложившееся в сельском хозяйстве одной из них. В Бразилии, развитие которой еще в 70-х годах преподносилось буржуазной прессой как «чудо южно-американского региона», если не всего третьего мира, миллионы крестьян лишаются своих наделов и вынуждены блуждать в поисках клочка земли. В стране осуществляются крупномасштабные сельскохозяйственные программы под контролем транснациональных компаний, международных финансовых организаций и аграрной бразильской олигархии. Им принадлежит 400 млн. га из 560 млн. га пригодной для возделывания площади; именно они определяют общее направление развития. Две цифры дают представление о драматизме складывающейся в результате их стратегии модернизации сельского хозяйства положения: 1,1 млн. крестьян ежегодно покидают свои деревни при общей численности населения страны в 130 млн.: количество безземельных и малоземельных крестьян составляет 12 млн. человек из 16 млн. всех трудоспособных в аграрном секторе.

По признанию недавно скончавшегося президента страны Танкреду Невиса, аграрная проблема «заливает сейчас Бразилию кровью. Она породила настоящую войну в лесах и саваннах: запад и север государства превратились в нечто вроде американского «дикого Запада». Идет необъявленная война между миллионами мелких крестьян, с одной стороны, и крупными землевладельцами и компаниями, которые пытаются согнать их с земли,— с другой». Подобное положение, утверждает французский эксперт Шарль Ванэкке, «свойственно не только одной Бразилии, но именно здесь оно обрело драматические масштабы из-за прихода капитализма в сельское хозяйство». Бразильский случай как раз не единичен потому, что капиталистическая модернизация охватила многие развивающиеся страны¹³.

«Неразвитость не является константной,— заключает бельгийский политолог Б. Лиетер,— она представляет собой процесс, происходящий, как это ни парадоксально, сам по себе помимо определенного процесса

¹³ Chonchol J. Une nouvelle politique agraire ou l'expansion sociale.— Le Monde diplomatique. Paris, 1982, № 342 (Sept.), p. 15—17.

развития, причем по восходящей. Это — особый пример неразвитости через развитие»¹⁴. Когда на улицах городов-мегаполисов развивающихся стран, по всем показателям статистики относящихся к «преуспевающим», встречаются худые, как скелеты, уродливые дети, вымаливающие мелочь на фоне телевизоров, передающих последние известия или рекламирующих достижения научно-технического прогресса, приходит осознание того, с тревогой пишет французский журнал «Революсьон», что сложившаяся ситуация «это не сон, это реальность, которую не предвидел даже Оруэлл»¹⁵.

Существуют страны, которые относятся к развивающимся, где, казалось бы, подавляющая масса населения пользуется благами капиталистического развития. В конце 1984 г. в Сингапуре, например, на правительственном уровне был опубликован доклад «Совершенный город: каким мне представляется Сингапур к 1999 году». Нарисована радужная картина будущего: доход на душу населения составит 15 тыс. долл., т. е. превысит нынешний уровень Швейцарии. Поднимется новый порт, где будут спокойные лагуны, аллеи, окаймленные деревьями, и площади, располагающие к отдыху. На экранах телевизоров и личных компьютеров будут мелькать последние парижские моды, иностранные книги и новейшие сообщения о положении дел в мире и на бирже. Повседневная жизнь большинства граждан будет культурной и творческой, это будет «общество идей». Комментируя доклад, обозреватель американского журнала «Ньюсуик» С. Райс признает, что значительная часть предсказаний, возможно, сбудется. Если проанализировать показатели экономического роста этого островного государства за последнее десятилетие и составить на их основе прогноз на будущее, можно предположить, что в начале следующего столетия сингапурцы будут «самым богатым народом на Земле». В самом деле, более половины из 2,5-миллионного на-

¹⁴ Lietaer B. A. Europe, Latin America the Multinationals. A Positive Sum Game for the Exchange of Raw Materials and Technology in the 1980s. Parnborough—Brussels, 1980. p. 97.

¹⁵ Umbrecht B. Brestlien Profession Esperance.— Revolution, Paris, 1985. № 261. (7 mars). p. 60.

седения страны имеет собственные дома; четверть всех выпускников школ продолжает образование в высших учебных заведениях; каждый пятый сингапурец ежегодно совершает зарубежную поездку и т. д. И все же С. Райс представляет этот остров благоденствия как «пример растущего недовольства»: несмотря на свои впечатляющие успехи, Сингапур сегодня озабочен, причем не своим прошлым, а своим настоящим и будущим». У тысяч людей стремительно разрушаются традиционные связи, вдруг возникает склонность к самоанализу, зарождаются сомнения в ценностях общества, в его моральных и этических постулатах, появилась опасность отчуждения молодежи. Появляется какой-то неосознанный, спонтанно выражаемый протест, «иногда это доходит до смешного, например, проводятся массовые кампании с призывами вести себя вежливее»¹⁶. За «смешным», однако, скрываются весьма серьезные глубинные процессы: капиталистическое развитие ставит граждан Сингапура вровень с передовыми государствами Запада не только по индикаторам дохода на душу населения, но порождает в их сознании те мучительные сомнения в идеалах «индустриальной цивилизации», какие сейчас испытывают миллионы граждан в США, ФРГ, Японии, сомнения, выливающиеся в стихийный, неосознанный, и потому столь экзотический по форме общественный протест. Сингапур перестал быть развивающейся страной, и поэтому его нельзя сравнивать, скажем, с Малайзией или Таиландом, он «представляет собой индустриальное государство даже при том, что многие его жители этого пока не сознают»¹⁷. Сингапурцы начинают страдать от следствий высокого индустриального капиталистического развития и интуитивно реагируют на это: перестав испытывать страх перед возможностью утраты хлеба насущного, они подошли к проблеме качества жизни, проблеме, которая опять-таки возникает как результат архаичной модели общественного развития, как цена капиталистического прогресса,

¹⁶ Reis S. Singapore: A Case of growing Pains.— *Newsweek*, New York, 1985. Vol. CV, № 6, Feb. 11. p. 34.

¹⁷ Povey T. Economic Paragon with no Time for Friedman.— *Financial Times*. London, 1984. (12 Dec.), p. 3.

который, даже наполняя быт людей материальным изобилием, не в состоянии наполнить их жизнь духовно.

Научно-технический прогресс неизменно находится в центре внимания участников современного гражданского протеста в индустриально-развитых капиталистических странах. «Страх перед техникой является общественным феноменом, который будет определять все политические и экономические решения последующих лет», — утверждает западногерманский исследователь В. Бюль¹⁸. Хотя критика техники и других яв «индустриализма» не составляет ничего нового, она — один из главных мотивов философии, литературы, искусства, всего буржуазного сознания в целом приблизительно с конца XVIII в.¹⁹ — именно эта проблематика сегодня — камень преткновения самых различных политических течений, тема оживленных идейных споров, она «поляризовала политическую культуру» многих государств Запада²⁰. И это не удивительно, люди не могут более удовлетворяться прогрессом, который в столь многих отношениях означает регресс: промышленное капиталистическое производство требует все нарастающего физического и психологического напряжения человечества, громадной социальной цены, экологического опустошения планеты, принося вместе с тем все меньше видимой пользы; гигантская часть усилий вследствие этого тратится на создание целой «социальной индустрии», занимающейся исключительно «устранением недостатков развития», или, что еще хуже и опаснее, — на накопление средств массового уничтожения. «Технический прогресс и вера в разрешимость всех социальных проблем посредством технических иннова-

¹⁸ Bühl W. Die Angst des Menschen vor der Technik. Alternativen im technologischen Wandel. Düsseldorf—Wien, 1983. S. 7.

¹⁹ См.: Nisbet R. History of the Idea of Progress. London, 1980; Steiferle R. P. Fortschrittsfeinde?: Opposition gegen Technik und Industrie von der Romantik bis zur Gegenwart. München, 1984.

²⁰ Ulrich O. Vor falschen Herausforderungen an das Bildungssystem wird gewarnt.— In: O. Ulrich (Hrsg.) Die Informationsgesellschaft als Herausforderung an den Menschen. Frankfurt am Main, 1984. S. 154.

ций утратили свою прежнюю силу в сознании подавляющей части населения,— констатируют социологи К.-В. Бранд, Д. Бюссель и Д. Рухт.— Доверие к научно-инструментальному разуму нарушено, и новые социальные движения представляют собой прямое выражение, а также катализатор данного крушения»²¹.

«Микропроцессорная революция»—внедрение в производство роботов и манипуляторов, станков с числовым управлением, вычислительной техники, обеспечивающей создание «гибких» технологических систем, автоматизированного проектирования и т. д.—привнесло за кратчайший период времени фундаментальнейшие изменения в промышленное производство, оказала глубочайшее влияние на все социальные и духовные сферы жизни общества: «микрокомпьютеризация» означает «не просто начало интенсивного взаимодействия человеческого труда с роботами, а представляет собой сложнейший феномен тотальной реорганизации производственного процесса и создание новой системы ценностей»²². Вот почему «микроэлектроника—это не только организационно-технологический, но и общественно-политический вызов» всему человечеству²³.

Можно, бесспорно, восхищаться действительными достижениями человеческого разума, стремительности, с какой они входят в повседневную жизнь цивилизации: если в 1975 г., к примеру, в ФРГ на производство компьютеров было затрачено 3,5 млн. марок, то в 1983—уже более десяти миллиардов. Претерпи автомобилестроение такие изменения в столь короткие сроки, как микроэлектроника, пишет английский исследователь К. Эванс, стоимость ролсеройса упала бы до 1,35 ф. ст.,

²¹ Brand K.—W., Büssel D., Rucht D. Aufbruch in eine andere Gesellschaft. Neue soziale Bewegungen in der Bundesrepublik. Frankfurt am Main—New York, 1984. S. 11.

²² Lamborghini B. The Impact on the Enterprise.— In: G. Friedrichs, A. Schaff (Eds.) Microelectronics and Society: For better or for worse. A Report to the Club of Rome. Oxford—New York—Toronto—Sydney—Paris—Frankfurt, 1982. p. 146.

²³ Ulrich O. Telematik—ein gesellschaftspolitisches Integrationsproblem.— In: O. Ulrich (Eds.) Op. cit., S. 7.

на три миллиона миль машине хватало бы 1 галлона (4,5 л) горючего, а мощность мотора равнялась мощности двигателя океанского лайнера²⁴. Однако само движение научно-технического прогресса определяется прежде всего *человеческим фактором*—ключевым фактором всех перемен. Столь стремительный поток технологических инноваций не является для человека чем-то естественным, он влияет на него много сильнее, а подчас разрушительнее, чем на природу²⁵.

Симбиоз человека и машины представляет собой феномен, проходящий через всю историю развития цивилизации: происходит двухсторонний процесс приспособления, в котором человек, безусловно, играет первичную роль. Создавая машины, чтобы преодолеть или частично покрыть свою недостаточность в освоении внешнего мира, он неизменно вынужден возмещать, компенсировать их несовершенство специфическими человеческими средствами²⁶. За качественной трансформацией характера участия человека в сфере общественного производства, переходом от исполнительски-технологических функций воздействия на предмет труда к творческому, более содержательному, а следовательно, и более продуктивному труду, скрывается *беспрецедентная мобилизация духовных сил индивидуума*. «Новая технология,—пишет западногерманский исследователь У. Брифс,—привлекает именно своей невиданной доселе динамикой и универсальностью. Она изменяет с не встречающимся еще в истории динамизмом ключевые аспекты жизни, саму сущность бытия, особенно форму и смысл человеческого труда ... проникает в специфический процесс интеллектуального взаимодействия человека с природой... трансформирует работу человеческого интеллекта ... формирует его, подчиняет натиску машины, проникает в самые глубины естественной челове-

²⁴ Evans C. The mighty Micro: The Impact of the Computer Revolution. London, 1982. p. 76.

²⁵ Polanyi M. Tacit Knowing: Its bearing on some Problems of Philosophy.— In: M. Polanyi. Knowing and Being: Essays by Michael Polanyi. London, 1969. p. 159—180.

²⁶ Клайс Г. Кибернетика и общество. М., 1967, с. 162.

ской функции — мышление. Через влияние на интеллект она изменяет саму субстанцию человека»²⁷.

Этот процесс происходит в глобальном масштабе, в условиях двух мировых общественных систем. С точки зрения марксизма, несовершенство симбиоза «человек — машина» — диалектическое противоречие неизменно выступает моментом развития производительных сил, оно разрешается как посредством совершенствования орудий труда, так и, главным образом, путем совершенствования отношений между людьми, общественных отношений. Если господствует стихия различных, порой взаимоисключающих интересов, если «разумное и естественно необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее средство»²⁸, т. е. не происходит сознательного вмешательства общества в отношении человека и машины в пользу непосредственного производителя, то машина по имманентным законам регулирования будет оказывать обратное действие на регулирующего ее человека. Можно даже говорить об уродовании человека машиной. Последняя посылает определенную информацию, ее потоки совершенствуют некоторые способности человека, но уродуют и разрушают большинство других²⁹.

Ныне становится все более очевидным, что чем совершеннее социальная организация человечества, тем сильнее проявляются демонические силы техники: введение компьютерной техники столь интенсивно и «одномерно», утверждает социолог Г. Розе, исследовавший с группой специалистов 57 крупных западноевропейских предприятий, угрожает не только «биологическому окружению человека», но и «биологическому способу существования» человечества, результату эволюции всего живого в течение миллионов лет»³⁰. «Человек — господин техник. Это положение эффектно звучит, однако, боюсь, что оно не только поверхностно, но скорее полностью ложно, — пишет публицист Ст. М. Гергели. — Че-

²⁷ *Briefs U. Arbeiten ohne Sinn und Perspektive? Gewerkschaften und "Neue Technologien"*. Köln, 1980. S. 18, 19.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 461.

²⁹ Клайс Г. Кибернетика и общество, с. 167.

³⁰ Rose H. — In: *Der Spiegel* 1982, № 37, S. 104.

ловек включается и выключается компьютером в процессе производства. Чтобы он функционировал, человек должен приноравливаться к его законам — вынужден изъясняться машинным языком, ограничиваться лишь теми желаниями, которые можно формализовать, аспектами проблем, задаваемыми машинной программой. Навязывание человеку информо-техникой собственной динамики не только в сфере производства, но и в социальной жизни означало бы полное приспособление человека к компьютерным свойствам, означало бы зарождение искусственного мира... Человек все больше программируется системой компьютеров, а не наоборот, компьютеры — человеком»³¹.

Динамика современного научно-технического прогресса диктует необходимость достижения качественно нового состояния общества, соединяющего воедино научно-технические и социальные индикаторы развития, рассматривающего проблему совершенствования человека как важнейшее условие общественного развития, его самоцель. Важнейшим показателем прогрессивности социально-культурной общности выступает не только количество ее материальных и духовных завоеваний, но и то, как эта совокупность достижений влияет на положение каждой личности, способствует раскрытию ее духовных, интеллектуальных и физических способностей³².

Буржуазная общественная наука ныне осознает необходимость совершенствования человеческого фактора. «Остается, пожалуй, лишь одна стратегия — стратегия расширения социального горизонта, систематического и терпеливого формирования способности совершенствования нашей социальной организации», — пишет В. Бюль³³. «Новые автоматизированные процессы производства без эффективной реорганизации предприятий и без согласования с теми, кто непосредственно будет на них работать, — предупреждает представитель итальянских деловых кругов Б. Ламборджини, — могут иметь

³¹ *Gergely St. M. Mikroelektronik. Computer, Roboter und neue Medien erobern die Welt*. München—Zürich, 1983. S. 290—291.

³² Цивилизация в современном мире. М., 1983, с. 66.

³³ *Fühl W. Op. Cit.*, S. 33, 99, 85.

разрушительные последствия как для качества труда, так и для перспектив развития бизнеса»³⁴. Решение она видит не в ликвидации архаичных общественных отношений, а в «повышении организаторской гибкости», на основе «онаучивания техники». (*Verwissenschaftlichung der Technik*)³⁵. Эти попытки «диалога между наукой и политикой»³⁶ являются по существу ничем иным как scientистским вариантом буржуазной теории социального технократизма³⁷. Они отражают готовность монополистического капитала совершенствовать средства производства, социальные отношения, действовать рационально, планомерно, но лишь на основе слепой стихии частнособственнического предпринимательства³⁸.

В условиях капиталистической действительности подобные теоретические построения в конечном счете обрачиваются *беспрецедентным, искусственным повышением интенсификации труда*: симбиоз «человек—машина», где человеческий фактор бросается на поток ради достижения прибыли, превращается в нечто антигуманное в социальном плане, и как таковое воспринимается тысячами людей. По словам западногерманского эксперта К. Хэфнера, автономно действующий, отвечающий сам за самого себя человек «как цель традиционного гуманизма давно погиб... Многие чувствуют себя в этой ситуации потерянными, потерявшими статус свободного индивидуума в собственном жизненном пространстве, погруженными в какую-то невидимую электронную сеть»³⁹.

³⁴ *Lamborghini B.* Op. cit., p. 147.

³⁵ *Bühl W.* Op. cit., S. 85.

³⁶ *Herbig J.* Die Furcht von der Technik.—*Süddeutsche Zeitung* 28/29 August 1982. S. 83.

³⁷ См.: *A. M. Weinberg.* Can Technology replace social Engineering?—In: A. H. Teich (Ed.) *Technology and Man's Future*. New York, 1977. p. 22—31.

³⁸ См.: *Графский В. Г.* К критике технократических концепций общества и государства.—Советская ассоциация политических наук. Государство и общество. М., 1985.

³⁹ *Haefner K.* Mensch und Computer im Jahre 2000. *Ökonomie und Politik für eine human computerisierte Gesellschaft*. Basel—Boston—Stuttgart, 1984. S. 84.

Микрокомпьютерная техника ведет при искусственной интенсификации производственных процессов к глобальному изменению материального аспекта труда. Если с механизацией и автоматизацией промышленного производства в условиях капиталистического менеджмента (тейлоризм) у тысяч людей возникало перенапряжение физических сил, происходила утрата ощущения целостности объекта труда, то с микрокомпьютеризацией экономики, осуществляемой на тех же принципах, сюда добавляется еще чувство дематериализации предмета труда: «контроль людьми механических станков все больше уступает место нематериальным информационным процессам компьютерной техники», именно это является «новой технологической реальностью»⁴⁰. В «бумажных» и «безактовых» бюро происходит «возрастающее отчуждение трудящихся от «материала», «сырья труда», осуществляется «замена материальных и физически осязаемых объектов труда электронными сигналами» в рамках в высшей степени формализованного процесса машинной обработки. «В то время как сущность труда до сих пор заключалась в понятном обращении занятого объектом труда, теперь она состоит в наблюдении за трудовым процессом, каким его создает машина». «Электронизация ведет к формализующей абстрактизации содержания и условий труда»⁴¹. «Рабочая жизнь,— пишет бельгийский эксперт Д. Эванс,— сосредотачивается в наблюдении и взаимодействии с картинкой реальности больше, чем с самой реальностью. Это ведет ко многим социальным и психологическим проблемам»⁴².

Инженер концерна «Сименс», испытывающий в работе с компьютером «прессинг времени», перестает ценить общение с другими людьми, считает беседы с коллегами бесцельными, пустыми и банальными, коль скоро они не несут «сжатой», ясной информации. Комментируя это состояние, эту «насильственную утрату реаль-

⁴⁰ *Ulrich O.* Perspektiven der Sozialpartnerschaft in der Informationsgesellschaft.—In: O. Ulrich (Hrsg.) Op. cit., S. 197.

⁴¹ *Briefs U.* Op. cit., S. 58.

⁴² *Evans J.* The Worker and the Workplace.—In: G. Friederichs, A. Schaff (Eds.), Op. cit., p. 178.

ности на рабочем месте», подчеркивая, что она является типичной для тысяч людей самых различных: «компьютеризированных» профессий и сфер производства, обозреватель журнала «Шпигель» П. Брюгге заключает, что «освобождающая от труда микроэлектроника порождает новую, более изощренную бесчеловечность. Она освобождает труд от содержания»⁴³.

Полтора столетия назад основоположники марксизма впервые научно представили процесс формирования цивилизации в виде предметно-преобразующей деятельности человека—труда, который не только изменяет окружающий мир, но изменяет и его, человека, собственную сущность. «Производственная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, продолжающая жизнь. В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой характер». «Предмет труда есть поэтому опредмечивание родовой жизни человека... Человек удваивает себя... и созерцает самого себя в созданном им мире»⁴⁴. Ныне, в создаваемых капитализмом условиях искусственного перенапряжения физических и духовных сил индивидуума, труд перестает быть для человека естественным связующим звеном между ним и окружающим миром: «...сколько работать необходимо человеку для жизни? Ровно столько, чтобы не потерять контакт с реальностью»⁴⁵. Сказанное, при всей кажущейся парадоксальности, не игра слов, а проблема, обретающая зловещие очертания в «технотронный век» капитализма.

Труд большинства людей становится под воздействием по-капиталистически организованной «микропроцессорной» перестройки промышленного производства, сферы обслуживания, научной деятельности все

⁴³ Brügge P. Sagen wir lieber nicht Humanität. Report über Auswirkungen der Microelectronik auf westdeutsche Arbeitnehmer.— Der Spiegel. Hamburg, 1982. № 36, S. 78—88 (Teil 1); № 37, S. 92—112 (Teil 2). — № 36, S. 74, 77; № 37, S. 104.

⁴⁴ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г.— В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 565.

⁴⁵ Gesellschaft: über Arbeit, keine Arbeit und Freizeit. Düsseldorf, 1985. S. 17.

менее квалифицированным. Новейшую технологию в индустриально-развитых странах Запада рассматривают даже как «важнейший инструмент эрозии качества профессии»⁴⁶. Уже само закодирование конкретных знаний в компьютерную технику приводит к тому, что «отчуждение превращается в возрастающий фактор человеческого труда. Программирование вызывает у людей утрату чувства внутренней удовлетворенности собой, порождает отрицание действительности, вселяет страх»⁴⁷. Что стоит квалификация специалиста, подготовка которого обходится в 60 тысяч марок, если можно приобрести и использовать почти за ту же цену робот, не требующий в дальнейшем никакой оплаты? Что стоит умение орфографически правильно писать, когда использование диктофона с огромным словарным запасом и банком грамматических правил обеспечивает неизменно правильное формирование не только слов, но и текста? Что значит теперь способность решать дифференцированные уравнения, когда математическая экспертная система с большей надежностью обеспечивает их решение?⁴⁸ «Источником современной профессионализации,— констатирует К. Эванс,— является лишь информация, профессиональная эрудиция сводится к знанию элементарных правил ее машинного получения и обработки», т. е. к доведенному до автоматизма умению обращаться с конкретным электронным блоком⁴⁹. «Механизация и автоматизация ведет к чудовищному обесцениванию всех существующих занятий и целых профессий, ведет

⁴⁶ Child J., Loveridge R., Harvey J., Spencer A. Microelectronics and the Quality of Employment in Services.— In: P. Marstrand (Ed.) New Technology and the Future of Work and Skills. London, 1984. p. 163.

⁴⁷ Ulrich O. Perspektiven der Sozialpartnerschaft in der Informationsgesellschaft.— In: O. Ulrich (Hrsg.) Die Informationsgesellschaft als Herausforderung an den Menschen. Frankfurt am Main, 1984. S. 196.

⁴⁸ Haefner K. Op. cit., S. 84.

⁴⁹ Evans C. The mighty Micro, p. 112.

к низведению специалистов до уровня машинной при-
слуги»⁵⁰.

У человека сокращается сфера приложения в про-
цессе труда своих духовных сил, природных дарований
и обретенных в процессе длительного обучения знаний,
навыков и умений. Парадоксально, однако, — это социо-
логически выверенный факт, — что именно в «компьюте-
ризованных» отраслях производства труд большин-
ства трудящихся характеризуется бессодержательной
стостью, однообразием, наиболее низким уровнем инициа-
тивы, самостоятельного воздействия на производственный
процесс⁵¹. В такой ситуации образование многих
работников оказывается в разительном несоответствии
с их частичными, измельчавшими трудовыми функци-
ями: возникает противоречие между характером трудо-
вых операций и более высокой общей и профессиональ-
ной подготовкой людей, что в конечном счете выливает-
ся в неудовлетворенность трудом. Отчужденность содер-
жания труда от интересов и способностей работника
ощущается с тем большей остротой, чем меньше трудо-
вые функции соответствуют уровню профессиональной
подготовки.

Казалось бы, компьютерная техника должна уси-
лить потенциальные возможности архитекторов в созда-
нии совершенных, не имеющих аналогов в мировой
практике по смелости замысла и фантазии проектов.
Однако, как констатирует Д. Эванс, в условиях капита-
листической действительности «распространение проек-
тирования на базе ЭВМ уже сейчас приводит к деквал-
ификации, к нарастающему творческому отчуждению,
потере чувства удовлетворения при производственном
проектировании в результате подчинения проектиров-
щика компьютеру»⁵².

⁵⁰ Haase P. Neue Techniken erfordern neue Führungsstruktu-
ren.— In: W. Schaffke, H. Winter (Hrsg.) Technik kennt keinen
Rückschritt. Köln, 1984. S. 151—152.

⁵¹ Verret M. L'ouvrier français. Le travail ouvrier. Paris, 1982.
p. 103.

⁵² Evans J. The Worker and the Workplace.— In: Friederichs,
A. Schaff (Eds.). Op. cit., p. 174.

Можно бесконечно приводить примеры того, как
частнообственнический интерес «минирует» самые ос-
новы жизни цивилизации, как разрушительные послед-
ствия капиталистического «процветания» незримо, но
решительно проникают в плоть и кровь, мозг всех поко-
лений, ныне живущих на Западе. Однако и сказанного
достаточно для вывода общего порядка: человечество
устало, оно физически не может более платить столь
высокую социальную цену за архаизм своей обществен-
ной организации, за капиталистический способ общест-
венного развития.

Сознают ли на Западе всю сложность создавшегося
положения, противоречивость развития капиталистиче-
ской системы, грозящей гибелью ей самой, цивилизации
в целом? Безусловно, да. Социально-политическая бур-
жуазная мысль в начале 80-х годов признала полную
неспособность капитализма решить проблему развития
за счет чисто материальных, экономических и научно-
технических средств. Все существующие до сих пор
концепции развития, констатирует, к примеру, западно-
германский политолог Р. Ханиш, «не достигли ни коим
образом своих целей, и не могли достигнуть, поскольку
это связано с совершенно невыносимой, невыносимой со-
циальной ценой»⁵³. Был поставлен вопрос об имеющих-
ся «социальных пределах роста»⁵⁴ и даже о «социома-
разме» капиталистической системы⁵⁵. Вот почему мно-
гие, наиболее дальновидные буржуазные ученые-общес-
твоведы договариваются сейчас до того, что «развитие
без непосредственного участия масс населения невоз-
можно, в противном случае прогресс не заслуживает на-
звания «развития», что единственным приемлемым ло-
зунгом может быть тезис: «развитие должно исходить
от базиса, а не пронестекать сверху». Отнюдь не скры-

⁵³ Hanisch R. Einführung: Soziale Bewegungen und Entwick-
lungspolitik.— in: R. Hanisch (Hrsg.) Soziale Bewegungen [In Ent-
wicklungsländern. Baden—Baden, 1983. S. 3.

⁵⁴ Hirsch E. Die soziale Grenzen des achtums. Die ökonomische
Analyse der Wachstumskrise. Hamburg, 1980.

⁵⁵ Bachmann H. Soziomarasmus.— In: Küng E. (Hrsg.) and lun-
gen in Wirtschaft und Gesellschaft. Die Wirtschafts— und Sozial-
wissenschaften vor neuen Aufgaben Tübingen, 1980. S. 215—224.

ваются, что «мобилизация, политическая организация беднейших слоев населения повышает конфликтный потенциал и ожесточает общественные противоречия», однако признается «абсурдным» отказ от них, поскольку «репрессивный контроль» может обойтись «дороже», если вообще будет иметь какой-либо результат. Правящие круги призываются к готовности идти на компромиссы»⁵⁶.

В «Манифесте Коммунистической партии» основоположники марксизма указывали, что «буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, и всей совокупности общественных отношений»⁵⁷. В сложившейся ситуации буржуазия вновь пытается при помощи мобилизации масс, средства, правда, очень и очень для нее опасного, «подтянуть» ставшими архаичными социальные структуры. Может быть и на сей раз ей удастся добиться частичной стабилизации разваливающейся общественной системы, однако в исторической перспективе, и это главное, она может быть лишь кратковременной. Как подчеркивал В. И. Ленин, «в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать ее преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории»⁵⁸. «Подтянутые» демократизацией, либерализацией социальные структуры вновь оживят экономику, которая в условиях частнособственнических общественных отношений с абсолютной неизбежностью вновь породит новые гигантские катаклизмы, вновь будет на краю гибели. Закономерно при капитализме, отмечал Ф. Энгельс, что «классовое» разделение общества... становится все резче, и все промышленное развитие нации гигантскими шагами движется к неизбежному кризису»⁵⁹.

Однако с того, за что буржуазия хватается с отчаяния, что осуществляет робко, нерешительно и никогда

⁵⁶ Hanisch R. Op. cit., S. 4, 6—7.

⁵⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 427.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 79.

⁵⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 433.

до конца, с мобилизации масс как раз и начинается социалистическое развитие. Социализм развивается не только планомерно на основе общественной собственности на средства производства, он в своем развитии неизменно опирается на громадную социальную базу, на каждого социально свободного индивидуума. Развитие отсталых национальных окраин Российской империи было достигнуто в столь краткий исторический период за счет несравнимо более совершенной организации экономики, за счет интенсивной помощи русского народа нациям и народностям колониальной периферии, а также посредством того, что в ходе становления социалистических общественных отношений был поднят на невиданную высоту человеческий фактор: все трудящиеся слои общества были привлечены к созидательному труду во имя самих себя, собственного развития и процветания.

Экономические показатели строящего социализм государства могут быть порой и скромнее, чем у какой-то использующей благоприятную мировую конъюнктуру по-капиталистически развивающейся страны. Однако у первого рост будет сбалансированным, стабильным, опирающимся на внутренние и внешние факторы с большей надежностью, наконец, достигим неизмеримо другой социальной ценю.

Развитие при социализме и при коммунизме в будущем, как и прежде в истории человечества, будет осуществляться «в противоречиях и путем противоречий»⁶⁰, однако впервые оно не сопровождается огромными экономическими диспропорциями и страшными социальными катаклизмами. Обретя контроль над собственным развитием, человечество в условиях социализма исключило саму возможность «разрыва между собственно гражданским обществом, громадным большинством населения с его экономическими, социальными и культурными интересами и общественной надстройкой: при социалистическом общественном строе «диалектика живой истории» осуществляется при участии масс, и потому развитие экономики и общественных отношений не представляют собой циклически надвигающийся катаклизм,

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 65.

грозящий гибелью всей общественной организации, сопровождаемый невыносимыми человеческими страданиями, лишениями, жертвами. Человечество в условиях социализма идет «диалектическим путем, путем противоречий» *осознанно*, основываясь на знании законов общественного развития, опираясь на каждодневную активность широких масс.

Именно в процессе такого контролируемого Коммунистической партией и государством, осознаваемого развития ранее отсталые, разрозненные, враждующие между собой народы России смогли при Советской власти за кратчайший исторический срок превратиться в социалистические нации. Их опыт, опыт развития, накопленный другими народами стран социалистической системы, имеет, как подчеркивается в новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, «непреходящее значение», ибо «все новые и новые народы отказывают капитализму в доверии, не хотят связывать с ним перспективы своего развития, настойчиво ищут и находят пути к социалистическому преобразованию своих стран»⁶¹.

⁶¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза.— Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 128.

Л. Н. ДЖРНАЗЯН

ЭМПИРИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ И ИНДИКАТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На современном переломном этапе развития советского общества особо повышается ответственность социологической и психологической наук. Подлинное осознание этой ответственности проявляется, в частности, во все более правдивых и объективных оценках роли и функций человеческого фактора и стремлении преодолеть определенные нормативно-декларативные тенденции. Вместо претенциозных идеологических клише и маневрирования среди айсбергов различного рода табу-проблем, все чаще появляются попытки реалистической оценки сложившегося положения. Разумеется, наличие подобных табу, что в известной степени было обусловлено объективными предпосылками всей макроструктуры нашего общества, не могло не отразиться на исследовании (в особенности эмпирическое) такой идеологически насыщенной проблемы, как проблема критериев эффективности идеологической деятельности. В этом плане повышается роль конкретных социологических и социально-психологических исследований, поскольку подлинный принцип изучения эффективности пропагандистской и агитационной работы заключается в актуальном идейно-политическом статусе реципиентов пропагандистской коммуникации, т. е. в реальном состоянии и тенденциях развития общественного мнения. Однако эмпирическая разработка проблемы в социологии все еще явно отстает от ее теоретического осмысления. Это, в частности, касается таких кардинальных аспектов вопроса эффективности, как критерии и конкретные эмпирические пока-

затели продуктивности идеологической деятельности, социально-психологические механизмы пропагандистского воздействия, методика и техника идеологической работы и т. д. Сформировавшаяся диспропорция между уровнем теоретической и эмпирической разработки проблемы, по-видимому, обуславливается тем, что предлагаемые варианты решения проблемы эффективности идеологической работы зачастую ограничиваются нормативной констатацией какого-либо частного параметра проблемы, т. е. недостаточно учитываются принципы комплексности и системности анализа проблемы эффективности и идеологической деятельности в целом. А это, в свою очередь, сказывается на характере и общем уровне эмпирических исследований в этом направлении.

Учитывая известную научно-практическую ценность первой из вышеперечисленных проблем, а также некоторые эвристические соображения дальнейших научных изысканий, необходимо прежде всего рассмотреть аспект критериев и индикаторов оценки эффективности идеологической деятельности. Другими словами, в первую очередь необходимо ответить на вопрос: как определить эффективность идеологической работы, посредством каких конкретных критериев и показателей? Помимо своей известной практической значимости в деятельности органов пропаганды, проблема критериев и показателей имеет и большую теоретическую ценность. Дело в том, что для целенаправленного обогащения и совершенствования общей теории идеологической работы необходимо последовательно верифицировать и апробировать частные теоретические схемы с тем, чтобы обеспечить гармоничную связь теории с практикой. Между тем сложившаяся ситуация не позволяет обеспечить даже достаточно надежную обратную связь. Отсюда и вытекает некоторый субъективизм теоретического анализа проблемы, поскольку многое остается на «интуицию» и специфику концептуального аппарата конкретного исследователя. Из этого следует, что проблема критериев и показателей эффективности идеологической работы может послужить своего рода исходным пунктом общего анализа эффективности. На основе теоретического анализа проблемы, а также данных других исследователей во-

проса¹ можно предложить следующую общую систему эмпирических критериев и показателей эффективности идеологической работы.

1. *Относительное соответствие актуальных тенденций и направлений развития пропагандистской коммуникации общественному мнению.* Последнее — «показатель того, достигаются ли и насколько достигаются цели, которые преследует пропаганда»². Будучи одним из главных критериев эффективности идеологической деятельности, данный параметр вовсе не может претендовать на полную характеристику эффективности, по крайней мере по трем причинам.

Во-первых, полное соответствие содержания идеологической коммуникации общественному мнению является научной абстракцией, поскольку не считается с фактом обязательного наличия индивидуально-психологических и социально-психологических (как на макро-, так и на микроуровне) медиаторов содержания социальной перцепции и не учитывает фактор когнитивной переработки информации, которая, по социально-психологическим данным, часто приводит к значительной модификации первоначального сообщения³. О влиянии (иногда решающем) указанных переменных говорит, в частности, социально-психологический механизм возникновения общественных слухов, которые иллюстрируют действие этих факторов на макросоциальном уровне. По мнению Ю. В. Шерковина и А. П. Назаретяна⁴, основной причиной возникновения и распространения слухов является неудовлетворенный интерес аудитории (интерес — дефицит надежной информации). Данная оговорка признается и основной массой советских исследователей. Как от-

¹ Научные основы партийного руководства идеологической работой. М., 1983; Общественное мнение и пропаганда. М., 1980.

² Общественное мнение и пропаганда, с. 53.

³ Allport G. W., Postman L. J. The basic psychology of rumor. — In: Readings in social psychology. New York. Henry Holt & company, 1947, pp. 547—558.

⁴ Шерковин Ю. А., Назаретян А. П. Слухи как социальное явление и как орудие психологической войны. — Психологический журнал, т. 5, 1984, с. 41 — 51.

мечает П. В. Поздняков, «под критериями эффективности пропаганды имеются в виду те отличительные признаки, по которым можно судить, *разумеется относительно* (курсив наш.—Л. Дж.), о ее достижениях в идейно-теоретическом образовании и воспитании людей, повышении их социальной активности»⁵.

Во-вторых, указанное допущение основывается на упрощенном понимании критериев эффективности идеологической работы, так как, по существу, игнорируется эмоциональный компонент рецептивного аспекта идеологической деятельности, соответственно и системность оценки ее эффективности. Дело в том, что при анализе проблемы пропаганды зачастую имеет место неоправданное сужение ее реальной природы — она представляется как сугубо рациональный процесс, без достаточного учета эмоционального пласта восприятия и переработки информации. Между тем, как показывают исследования⁶, эмоциональный фактор в перцепции пропагандистского сообщения зачастую может оказаться решающим условием ее продуктивности. Это отчетливо выступает в эмоциональных формах репрезентации пропагандистской коммуникации. Что касается системной оценки эффективности, то, понятно, при анализе такого сложного и многопланового вида деятельности, как идеологическая работа, ограничиваться одним или двумя критериями было бы по меньшей мере вульгаризацией реального положения вещей.

В-третьих, даже при адекватной регистрации относительного соответствия актуальных тенденций и направлений развития пропагандистской коммуникации общественному мнению (что, в свою очередь, представляет отдельную методическую проблему), вряд ли можно прийти к каким-либо обоснованным выводам о поведенческих коррелятах сформированной системы установок (общественного мнения). Достаточно вспомнить зна-

⁵ Поздняков П. В. Эффективность коммунистической пропаганды. М., 1975, с. 241.

⁶ Надирашвили Ш. А. Психология пропаганды. Тбилиси, 1978, с. 6.

менитые эксперименты В. Томаса и В. Знанецкого⁷, доказывающие качественные расхождения между установками и реальным поведением личности. Отсюда и вытекает следующий критерий эффективности идеологической работы.

2. *Актуализация определенных видов активности в определенном направлении или социальная активность субъектов идеологического воздействия.* В связи с этим возникает ряд теоретических и методических проблем.

Во-первых, какие виды активности или поведения следует считать проявлением усвоенной идейно-политической позиции.

Во-вторых, как верифицировать устанавливаемую связь между идеологическим воздействием и конкретным поведением. Иначе, предстоит еще решить проблему валидности предполагаемой зависимости.

Для выяснения первого вопроса, по-видимому, необходимо провести детальный содержательный анализ внутренних детерминант конкретных форм социального поведения личности. Однако даже при самом скрупулезном разборе и классификации всех возможных детерминант деятельности (что в психологии не является завершенной проблемой), мы не можем уверенно судить о прямой и однозначной зависимости пропагандистского воздействия и социальной активности. Для этого следовало бы, вопреки элементарным этическим принципам научного исследования, строго контролировать каналы социального воздействия на личность реципиента. Поэтому на данном этапе теоретической и методической разработки вопроса мы должны довольствоваться лишь гипотезами о предполагаемом наличии определенных тенденций. Что касается второй проблемы, то здесь, вероятно, огромную прикладную ценность могут иметь методы репликации — повторной администрации полученных зависимостей. Конечно, в данном случае тоже мы фактически будем действовать почти вслепую, без достаточного знания внутренних условий и механизмов поведенческих реакций, на уровне статистических закономерностей. Однако одним существенным преимуществом

⁷ Thomas W. I. and Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. (5 vols), Boston: Badger, 1918—1920.

этого положения по сравнению с предыдущим является то, что при накоплении репрезентативного количества обоснованных статистических закономерностей мы будем готовы к построению более обобщенной и целостной теории механизмов социального и, в частности, идеологического воздействия.

Разумеется, без соответствующего учета указанных соображений мы окажемся в плену у S—R прямолинейных бихевиористических квазизакономерностей (слово—дело).

Нетрудно заметить, что вышеупомянутые критерии эффективности идеологической работы представляют два основных аспекта проблемы: формирование или усвоение определенных установок (мнений, убеждений, ориентаций, ценностей и т. д.) и реализация усвоенных позиций. В этом смысле они составляют первичные критерии эффективности идеологической деятельности. Однако для достоверного изучения эффективности идеологической работы необходимо выделить ряд дополнительных, вторичных критериев.

3. *Социально-экономические условия пропаганды*, которые включают состояние торгового, бытового, медицинского, культурного и других видов обслуживания населения. Социально-экономические условия пропаганды опосредованно отражаются на весь процесс идеологической деятельности и значительно предопределяют ее эффективность. Здесь уместно вспомнить о фактах иерархической организации и внутреннего единства системы потребностей и мотивов личности и социальных групп. Излишне говорить, что без надлежащего удовлетворения элементарных нужд, запросов и вообще психофизиологических потребностей трудящихся, бессмысленно рассчитывать на полную эффективность идеологической работы. Косвенным показателем удовлетворенности трудящихся социально-экономическими условиями может выступать установка к непосредственному руководству. Будучи продуктом всего комплекса факторов социально-психологических взаимоотношений трудящихся и руководства, данный параметр может с определенной долей вероятности не только фиксировать, но и прогнозировать эффективность проводимой идеологической работы. Отсутствие или же неудовлетворительное обеспече-

ние указанных условий пропаганды на уровне обыденного сознания, как правило, отражается в формулировках типа «расхождение слов с делом» и имеет тенденцию к дальнейшей генерализации. Взаимозависимость социально-экономических условий пропаганды, установки к руководству и общей эффективности идеологической деятельности удалось эмпирически продемонстрировать в одном из проведенных нами исследований. Исследование проводилось в одном из районов Армении с целью исследования общей эффективности идеологической работы. В результате статистической обработки данных выяснилось, что общая удовлетворенность трудящихся социально-экономическими условиями пропаганды в процентном выражении составляет всего 56,5%. При этом были получены весьма низкие количественные показатели по бытовому обслуживанию (42,6%) и общественному питанию (43,4%). Индекс положительного отношения к непосредственному руководству составил 61%. Соответственно наблюдалось и качественное снижение эффективности идеологической работы: 59,8%. Другими словами, необеспеченность более чем 40% опрошенных соответствующими социально-бытовыми условиями естественным образом отрицательно сказывалась на отношении ко своему руководству и общей эффективности идеологической работы. Все вышеизложенное подтвердилось и корреляционным анализом: между тремя параметрами были обнаружены значимые положительные корреляции.

4. *Установка к источникам пропагандистской коммуникации*. Эффект установки аудитории к пропагандисту или передаваемому сообщению был замечен еще в древнегреческой школе риторики (Демосфен, Платон, Цицерон). В настоящее время благодаря интенсивным исследованиям проблемы установлены некоторые четкие закономерности действия установки в процессе идеологической деятельности. Ш. А. Надирашвили, анализируя данный аспект проблемы, классифицирует «...ту основную систему законов, которой подчиняется почти каждый пропагандистский эффект»⁸. Формально их можно

⁸ Надирашвили Ш. А. Указ. раб., с. 87.

представить в виде алгебраической системы правил умножения величин с различными знаками:

$$\begin{aligned} + \cdot + &= + \\ - \cdot + &= - \\ + \cdot - &= - \\ - \cdot - &= +, \end{aligned}$$

где первый знак представляет положительную (+) или отрицательную (—) установку слушателей к пропагандисту. Второй знак — положительное (+) или отрицательное (—) отношение самого пропагандиста к пропагандируемому им взгляду, а третий — результирующее отношение аудитории. Конечно, в реальной ситуации идеологической деятельности приходится сталкиваться с целым комплексом подобных законов и закономерностей действия установки⁹, многие из которых, видимо, еще предстоит раскрыть. Однако уже сейчас можно судить об огромной функциональной значимости установок в идеологической деятельности. Последнее предъясняет весьма серьезные требования к организации процесса пропаганды не только и не столько в пределах пропагандистской ситуации, но и вне ее, в плане формирования обобщенных установок ко всей системе идеологической деятельности и источникам пропагандистской коммуникации.

Разумеется, оценка эффективности идеологической работы должна производиться только в системе указанных критериев, поскольку игнорирование или же недостаточное признание одного из них может привести к поспешным, необоснованным выводам.

Предстоит еще решить следующий, не менее важный, вопрос: как же определить эффективность конкретной пропагандистской ситуации, с помощью каких конкретных эмпирических индикаторов? Иначе говоря, необходимо решить проблему операционализации и дальнейшей апробации вышеупомянутых критериев. Ниже, на основе результатов проведенных нами исследований,

⁹ Aronson E. The social animal. London, [Routledge & Kegan Paul, 1972.

мы постараемся представить примерную систему этих показателей для каждого из вышеуказанных критериев:

1. *Относительное соответствие актуальных тенденций и направлений развития пропагандистской коммуникации общественному мнению.* В качестве возможных показателей данного параметра могут выступить:

а) содержательный состав и тенденции развития некоторых социогенных потребностей;

б) установка к источникам пропагандистского сообщения;

в) установка к важнейшим социально-политическим и экономическим событиям страны и степень ее соответствия пропагандируемой точке зрения.

Заслуживает особого внимания первый из указанных индикаторов.

В 1982—1984 гг. мы провели социологическое исследование потребностей населения ряда районов республики. Статистическая обработка основных количественных данных позволила сделать важные практические выводы. Исходя из полученных результатов можно с определенной долей уверенности судить о наиболее доминантных потребностях, конкретных тактических путях их контроля и прогнозирования в управленческой и идеологической работе. В качестве иллюстрации можно привести следующие данные: интерпретация полученных количественных показателей выявила качественное несоответствие актуальной ориентации культурно-просветительной работы (которая является одной из важнейших форм идеологической работы) и тенденций развития потребностей населения. С целью устранения этой дисгармонии и, соответственно, повышения эффективности идеологической работы, были разработаны некоторые конкретные рекомендации, такие, как модификация общей ориентации методики работы культурно-просветительных учреждений, реорганизация состава и методики работы действующих кружков и групп, внедрение дискуссионных форм работы и т. д.

2. *Актуализация определенных видов активности в определенном направлении или социальная активность субъектов идеологического воздействия.*

В отличие от предыдущего, данный параметр легко поддается объективной фиксации и операционализиру-

ется в показателях затрат времени и средств (в психологическом смысле) на определенную форму деятельности. Однако, как было указано выше, все еще остаются открытыми проблемы конкретно-поведенческих проявлений усвоенных содержаний и валидности предполагаемой зависимости сформированной установки и реального поведения.

3. *Социально-экономические условия пропаганды* можно фиксировать посредством следующих индикаторов:

а) объективный анализ показателей роста фондов, предназначенных для улучшения социально-экономических условий трудящихся;

б) удовлетворенность трудящихся существующими социально-экономическими условиями;

в) установка к хозяйственной деятельности своего непосредственного руководства;

г) общая удовлетворенность работой.

4. *Установка к источникам пропагандистской коммуникации.* В качестве возможных показателей данного параметра можно предложить:

а) уровень читаемости и подписка на ведущие газеты (предпочитаемые разделы);

б) отношение к выступлениям пропагандистов, определенным радио- и телепередачам;

в) общая политическая информированность;

г) наличие в общей структуре доминантных интересов респондента идейно-политических элементов.

Для объективного измерения установки к источникам пропагандистской информации можно также применить методики шкалированной оценки суждений Терсто-на или Лайкерта. Однако следует признать, что некоторая трудоемкость применения этих методик может в значительной мере снизить оперативность оценки.

Вышеизложенные критерии и показатели эффективности идеологической деятельности были апробированы в ходе эмпирического исследования. Результаты апробации позволяют заключить о достаточной надежности примененной системы. Вычисление суммарного показателя индикаторов отдельных критериев выявило следующие процентные соотношения: по первому критерию было получено 56,3%, по второму — 59,5%, по третьему и чет-

вертому — 56,5 и 48,4 процентов, т. е. была установлена внутренняя устойчивость суммарных показателей, что подтвердилось и результатами корреляционного анализа. Это свидетельствует об операциональной валидности примененной системы критериев и показателей.

На основе приведенных данных была вычислена общая эффективность идеологической деятельности в изучаемом районе — 57,7%.

Разумеется, наш подход к квантификации данных является лишь одним из множества возможных. Думаем, что в ходе дальнейшей разработки проблемы будут предложены новые, более совершенные способы квантификации результатов.

В заключение следует особо подчеркнуть, что вышеизложенная система критериев и индикаторов эффективности идеологической работы вовсе не претендует на полноту и всесторонний охват вопроса. В этом смысле ее следует рассматривать лишь в качестве одной из попыток эмпирического осмысления проблемы. Полагаем, что ввиду огромной теоретической и практической значимости она станет предметом дальнейших интенсивных научных изысканий.

О. А. ОВСЕПЯН

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ ПОЛИТИКО- ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Беспрецедентное обострение мировоззренческого противоборства двух полярно противоположных общественно-экономических систем — капитализма и социализма — является особенностью наших дней.

В «психологической войне», которую ведут империалисты, используются самые оголтелые формы и методы идеологической агрессии: фальсификация, клевета, провокации, обман, угрозы, подкуп и другие низменные средства. Иначе говоря, как в свое время подчеркивал В. И. Ленин, классовые враги, не сумев выступить против нас с оружием в руках, прибегают к оружию угроз и фальсификации.

Идеологический враг пытается ослабить героический дух советских людей и их веру в свои силы, подорвать морально-политическое единство советского общества, настроить друг против друга братские народы и народности нашей страны, ослабить могущество советского общественного строя, расшатать нерушимое единство стран социалистического содружества.

Капиталистический мир, со своей идеологией и политикой гегемонизма, пытается «...любыми приемами приукрасить капитализм, приккрыть его природную античеловечность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни и культуры; всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких ценностей, как демократия, свобода, равенство, социальный прогресс»¹.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 87.

Широкомасштабность идеологической агрессии свидетельствует о возросшем влиянии марксистско-ленинского учения во всем мире. Остановить этот процесс, спасти капитализм от гибели — вот проблемы, которые во весь рост встали сегодня перед пропагандистами империализма.

В комплексной программе развязанной империализмом «психологической войны» значительное место отведено вопросам государства, права, политики, демократии, которые как в прошлом, так и в наши дни являются «фокусом... всех политических споров»².

Отвлекая внимание трудящихся от коренных вопросов общественной жизни, они продолжают выдвигать лживые и псевдонаучные теории о государстве, в которых восхваляют современные империалистические государства, преподнося их как надклассовые государства «всеобщего благоденствия», отрицают их эксплуататорскую сущность и стуживают реакционную внешнюю политику. Они утверждают, что государства капиталистического типа якобы более соответствуют биологической и социальной природе человека, чем социалистические. Таким образом, говоря словами В. И. Ленина, «вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом, и в практическом отношениях»³.

В западных странах настолько повысился интерес к социализму, к трудам К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, что только в 1979 г. в США, Канаде, Англии было защищено 204 докторские диссертации, направленных на опровержение марксистского учения. В период после 1970 г. антимарксистское, антисоветское наступление в США вылилось в 8-томную сравнительную энциклопедию «Марксизм, коммунизм и западное общество», в которой авторы возводят клевету на марксизм-ленинизм, фальсифицируют учение классиков марксизма-ленинизма, советскую действительность, конституционные права и обязанности советских граждан, их политические свободы и т. д.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 80.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 3.

«Советологи» на западе, в частности в США, усиленно выдвигают тезис о том, что в 70-е годы прошлого века К. Маркс и Ф. Энгельс якобы окончательно отказались от своих идей о социалистической революции и пролетарской диктатуре, так как они не соответствовали интересам людей. Советолог В. Лернхард в своей книге «Советская идеология» (1970) «обвиняет» советских ученых в том, что они, мол, неправильно поняли и «интерпретируют» понятие «пролетарская диктатура», сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как упомянутый, так и многочисленные другие авторы пытаются выявить противоречия между К. Марксом и В. И. Лениным. «Марксологи» пытаются доказать, что общество, построенное в СССР и других социалистических странах, не соответствует тому типу социализма, который представлял себе К. Маркс. Более того, некоторые из буржуазных социологов и историков пытаются даже придумать антагонистические противоречия между теорией К. Маркса и практикой современного социализма.

Далее в статьях советологов, марксологов и других авторов говорится о том, что якобы в вопросе о значении и сущности государства имеются противоречия между молодым и зрелым Марксом. Они пытаются отрицать положение Маркса о Парижской коммуне, как о новом типе государства. Продолжая свою мысль, эти фальсификаторы обвиняют К. Маркса в том, что он якобы не понимал роль и значение государства и поэтому считал его производным от экономики.

Буржуазные авторы пытаются опорочить социалистические государства. Этим особенно отличаются представители современной философской школы неоконсерватизма, установившие тесные связи с военно-промышленной монополистической буржуазией. Как и другие направления империалистической идеологии, неоконсерватизм пытается любыми средствами защитить капиталистический правопорядок.

Неоконсерваторы, с одной стороны, восхваляют капиталистическое государство, с другой — «компрометируют», «порочат» социалистический правопорядок. Сторонники этой теории видят в капиталистическом режиме проявление гуманизма, демократии, широких свобод, защиты национальных интересов и т. д. По их мнению, ка-

питализм в любое время, исходя из требований природы человека, может совершенствоваться. Неоконсерватизм пытается убедить в том, что социалистическая система является случайностью, отклонением в историческом развитии человеческого общества и потому она обречена на гибель. Что капиталистическое государство якобы единственное государство, которое смогло вместе с социально-политическими идеями свободы, равенства и братства реализовать и высокие принципы морали.

Для организации идеологической агрессии буржуазная пропаганда возрождает многие старые концепции. Так, например, концепция «государства всеобщего благоденствия» является чуть ли не ровесницей капитализма. До победы капитализма эта концепция выдвигала множество «прогрессивных» вариаций, чтобы убедить трудящихся в стремлении буржуазии создать государство всеобщего благоденствия. После завоевания власти буржуазией и особенно в период империалистического его развития эта концепция оказалась удобной для скрывать эксплуататорской сущности капиталистического государства и поэтому выдвинулась на передовые позиции. После образования системы социалистических государств концепция «государства всеобщего благоденствия» вновь оказалась удобной для ведения идеологической обработки трудящихся этих государств. Современные авторы этой концепции особый упор делают на то, что в США, Японии, ФРГ, Англии, Франции и других капиталистических странах государство оказывает трудящимся массам огромные экономические и социальные услуги. Если это правда, то чем объяснить, что именно в этих странах, по данным 1985 г., имеется 35 млн. безработных, из которых 8,77 млн. в США, 3 млн. в Англии, 2,8 млн. в Италии, 2,25 млн. в ФРГ, 2,1 млн. во Франции, 1,7 млн. в Японии и т. д. По расчетам ЮНЕСКО, подтвержденным данными журнала «ЮС ньюс энд уорлд рипорт», около одной трети граждан США в возрасте 17 лет не имеют аттестата зрелости, а по крайней мере 28 млн. американцев (1 из 5 взрослых) являются неграмотными. Разве для такого благоденствия было 210 лет тому назад создано американское государство? Чтобы оправдать эти, служащие «интересам

народа», государства, австрийские правоведы и экономисты в многочисленных трудах, посвященных проблемам государства и права, говорят о том, что капиталистические экономические кризисы периодически мешают благоденствию государства, вследствие чего государственные органы лишаются возможности полноценно служить трудящимся страны. Следовательно, если бы не экономические кризисы, то государство как таковое, утверждают они, всегда могло бы служить людям, безотносительно их имущественного ценза. Разве могут государственные органы США одинаково служить всем классам и слоям, проживающим в пресловутом «свободном мире», когда из 535 членов конгресса США 240 — юристы, руководители адвокатских контор, более 140 — банкиры и промышленники, около 60 — землевладельцы и ... ни одного рабочего или крестьянина. Разве может такое государство выступить за всеобщее благоденствие? Конечно, нет. Государство, борющееся за всеобщие интересы, должно иметь равноправных граждан. Однако о каких равных правах может идти речь между обладателем миллионов долларов и многомиллионной толпой безработных?

В 1984 г., когда США готовились к президентским выборам, как демократы, так и республиканцы для привлечения избирателей в своих речах давали трудящимся массам обещания о свободе, равенстве и материально обеспеченной жизни. Кандидат в президенты США от демократической партии Мондейл в своей речи на съезде демократической партии дал традиционные для этой партии предвыборные обещания: улучшение положения национальных меньшинств, увеличение налога с корпораций и богатых прослоек населения, помощь неимущим и т. п. По словам газеты «Нью-Йорк Таймс», он остался верен традиционным рецептам, пытаясь сплотить сторонников демократической партии и заручиться поддержкой независимых избирателей. Критикуя милитаристическую линию администрации Рейгана, демократы в то же время выступили за дальнейшее увеличение военных расходов, делая упор на необходимости решения международных вопросов с позиций военной силы и диктата.

Все буржуазные концепции и теории о государстве призваны активно защищать капиталистический государ-

ственный и правовой порядок, фальсифицировать и делать недоступным для простых людей понимание истинной сущности буржуазного государства. Вопрос о государстве «такой сложный и так запутан буржуазными учеными и писателями,— писал В. И. Ленин,— что к этому вопросу каждому человеку, который хочет его серьезно продумать и самостоятельно усвоить, необходимо подходить несколько раз, возвращаться к нему опять и опять, обдумывать вопрос с разных сторон, чтобы добиться ясного и твердого понимания»⁴.

В этом смысле «традиции» буржуазной науки продолжает развивать концепция «политического плюрализма», получившая сегодня широкое распространение. Она утверждает, что ныне для достижения политической власти соревнуются различные социальные группы и классы общества и это соревнование якобы гарантировано существующими порядками и демократизмом. Как видим, указанная концепция вроде бы противопоставляется тем идеологическим течениям, которые видят спасение капитализма в ужесточении наказующих функций государства, т. е. в ограничении «демократических свобод» капиталистического мира. Последние пытаются убедить трудящихся своих стран, что государство, исходя из интересов народа, в свое время передало народу отдельные свои функции, вследствие чего ослабло регулирование правовых отношений. Чтобы восстановить истинное положение вещей, они предлагают отобрать у народа эти, полагающиеся государству функции, применить их к тем гражданам, которые примкнули к коммунистическим идеям или привнесут с собой из социалистических стран «античеловеческие» нравы. Эти функции с большим успехом и выполняет крупнейший государственный орган США — ЦРУ. Идеология «политического плюрализма», защищая государственную правовую систему капитализма, фальсифицируя действительность, утверждает, что в США все группы населения, заинтересованные в достижении власти, под руководством своих партий и организаций участвуют в управлении государством. Следовательно, рабочие не нуждаются в борь-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 65.

бе за власть, так как в любое время через свои организации могут вмешаться в дела государства. Теория «политического плюрализма», подчеркивая «демократическое» поведение империалистических государств и основываясь на тезисе о многопартийной системе, предпринимает всякие теоретические манипуляции для оправдания капиталистического правопорядка. Однако теоретики «политического плюрализма», как и остальные авторы, избегают ответов на многие, волнующие людей вопросы. Так, например, они уходят от вопроса о том, какие изменения происходят в государственном управлении, когда власть в США переходит от демократов к республиканцам или наоборот. Далее, говоря о многопартийной системе капиталистического государства, многие обходят молчанием вопрос о том, чем же отличается демократическая партия от республиканской, за что борются и какие цели преследуют они и, наконец, какие программные отличия носят чисто второстепенный юридический характер.

«Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бессодержательных дуэлей двух буржуазных партий», — писал В. И. Ленин еще в 1912 г. в статье «Итоги и значения президентских выборов в Америке»⁵. Как бы ни старались сторонники «политического плюрализма», они не могут объяснить того факта, что в условиях многопартийной демократии американского государства президентами избираются только кандидаты, располагающие миллионами. В 1980 г. выборы президента США, а также членов конгресса, губернаторов и других должностных лиц обошлись примерно в 800 млн. долларов, а в 1984 г. более одного миллиарда. Во время выборов в ход идут насилие, подкуп, подлог, торговля голосами, которые увеличивают количество сторонников республиканской или демократической партии. О таких выборах в свое время очень метко высказался Ф. Энгельс: «... мы видим там две небогатые банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и

для самых грязных целей»⁶. Может ли американская коммунистическая партия прибегнуть к таким же методам? Может ли она потратить столько же денег? Конечно, не может. Следовательно, кому может принадлежать демократия в США — монополистам или трудящимся? Понятно, что последние не могут иметь демократических прав, не имея возможности конкурировать с капиталом.

Не путем демократических свобод, как в том пытаются убедить американцев буржуазные пропагандисты, а в результате конкуренции частных капиталов решается вопрос об избрании президента США.

Одним из главных объектов империалистической идеологической агрессии является однопартийная политическая система Советского Союза, против которой организован «крестовый поход». Буржуазные авторы особенно много пишут о «диктатуре» или «гегемонии» Коммунистической партии Советского Союза. Развивая эту тему, они начали утверждать, что в Советском Союзе однопартийность «уничтожила» демократию, «права личности», «свободу и равноправие» и т. д. и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие гласности, искажение социалистической демократии и других сторон нашей общественной жизни, которые были допущены за последние годы, очень ловко использовали буржуазные идеологи в своей пропаганде против СССР. Они спекулировали и еще продолжают спекулировать на проявлениях бюрократизма в работе государственных и общественных организаций. XXVII съезд КПСС, январский и июньский (1987) Пленумы ЦК КПСС потребовали усиления борьбы против негативных явлений. Их преодоление существенно повысит эффективность нашей идеологической борьбы, сделает еще более действенной нашу пропаганду.

Идеологи империализма, говоря о многопартийности капиталистической и однопартийности социалистической политической системы, не затрагивают самого главного вопроса — вопроса о сущности политической и государственной власти в обеих системах. Они старательно обходят этот вопрос, ясно понимая, что однопартийность

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 200.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

или многопартийность не меняют сути государственной власти. Буржуазные государства со своей многопартийностью выражают интересы эксплуататорских классов и являются антинародными. В социалистических же обществах — и с однопартийной системой, как в Советском Союзе, и с многопартийной системой, как в ГДР, ЧССР, СФРЮ, НРБ, — государство выражает интересы народа, так как власть принадлежит широким слоям трудящихся, объединенных и ведомых рабочим классом, ее авангардом — марксистско-ленинской партией.

В социалистических странах возникновение однопартийной или многопартийной системы всегда было обусловлено конкретно историческими условиями классовой борьбы в данной стране. И в будущем, при переходе той или иной капиталистической страны к социализму, вопрос о ее однопартийности или многопартийности также будет решаться в зависимости от конкретно-исторических условий данной страны. Передавая из поколения в поколение формы и методы фальсификаций, буржуазные идеологи совершенствовались и продолжают совершенствоваться, исходя из конкретных целей и задач развязанной ими «психологической войны». В этом отношении не остались в стороне и остатки армянской буржуазно-националистической партии дашнакцутюн, нашедшей приют в США, Франции, Ливане, Иране и других странах. Находясь на службе у империализма, представители этой партии сразу «усваивают» и через свои органы печати широко распространяют различные антисоветские измышления, псевдонаучные идеи о государстве и праве. Буржуазные идеологи со времен формирования своего класса и до настоящего времени восхваляли буржуазно-республиканскую форму государства как наиболее демократическую и общенародную. Эта затасканная идея, по мнению ряда авторов, в частности Б. Папазяна, звучит свежо и по-новому в статьях, опубликованных в номерах армянской буржуазной газеты «Алик» («Волна», Тегеран) в 1981—1982 гг. Так, например, упомянутый автор пишет, что в западных странах «избранные народом советники придают государствам народный характер», и далее, «в понимании демократического строя западного мира воля народа выражается через избранных им представителей, которые утвержда-

ют полезные и необходимые для страны и народа законы. И так как власть в этих государствах передается не по наследству, а сменяется по воле народа», то, заключает автор, эти государства «выражают интересы народа и управляются народом»⁷.

Антисоветизм, психологическая война и вся идеологическая агрессия, по мнению их вдохновителей, не смогут служить своей цели, если не взять под защиту реакционную сущность буржуазного правопорядка, не говорить о его «преимуществах». С этой точки зрения характерна теория государственного монополистического капитализма, в соответствии с которой капитализм в XX в., особенно после 50-х гг. якобы уже не тот, которым знало его человечество в XVIII—XIX вв. Современный капитализм, утверждают агенты этой теории, осуществит мирный переход к социализму без применения насилия в отношении частных собственников. Сторонники этой теории утверждают, что в период мирного развития капитализма увеличивается вмешательство государства в дела частных хозяйств, повышается контроль государства над частным сектором хозяйства страны, что создает возможность запретить злоупотребления капиталистов. Вместе с тем концентрация производства создает условия для слияния монополистов и государственного аппарата. Эта теория быстро исчерпала себя и устарела, так как и в США, и в Англии, и в других капиталистических странах трудящиеся вскоре убедились, что государство усиливает свое вмешательство в хозяйственную жизнь, не в интересах рабочих, а в угоду капиталистам, что концентрация производства служит более эффективному ограблению и эксплуатации рабочего класса. Тезис о том, что в условиях государственно-монополистического капитализма происходящее обобществление производства создает условия для перехода от капитализма к социализму, не соответствует действительности, так как концентрация производства не меняет социальной сущности капитализма. По В. И. Ленину, государствен-

⁷ См.: Папазян Б. Главным для Армянской Революционной партии Дашнакцутюн является народное государство. «Алик» (Тегеран), 13 января 1981 г., на арм. яз.

но-монополистический капитализм является лишь преддверием социализма. В. И. Ленин подчеркивал, что «... самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное»⁸.

Ряд буржуазных теоретиков объясняют пороки и кризис капитализма несовершенством его управления. Они сетуют на то, что государством управляют «политики» и для спасения буржуазного государства требуют передать власть «технократам». Сторонники этой точки зрения фактически оправдывают непосредственное и прямое подчинение государственного аппарата монополиям.

Одним из основных вопросов современной идеологической борьбы апологеты империализма считают вопрос о сущности прав человека во всей системе отношений между личностью и обществом, гражданином и государством. Во всех рассуждениях буржуазных пропагандистов по этим вопросам люди рассматриваются вне своих классов, общественных и производственных отношений. Получается, что в западном мире человек живет и работает, постоянно окруженный заботой капиталистической государственной власти, что ему, якобы предоставлены все необходимые условия жизни.

«Когда буржуазия по своему объективному историческому положению была передовым классом, передовой была и его интеллигенция», — писал С. Шаумян⁹. Это было тогда, когда буржуазия боролась против феодализма и стремилась к власти. Именно тогда она выдвинула лозунги о равенстве, свободе и братстве, во весь голос заговорила о широких правах личности и т. п. Однако она не могла реализовать их после прихода к власти, так как интересы укрепления государства требовали скорейшего уничтожения им же установленной «законности». Господствующие классы «...самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, их законность приходится сломать, прихо-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 68.

⁹ Шаумян С. Г. Избр. произв. т. 2, М., 1978, с. 31.

дится — во имя сохранения господства буржуазии»¹⁰, — писал В. И. Ленин. И сегодня, в условиях, когда по словам В. И. Ленина, буржуазия делает все, чтобы избавиться от ставшей ей ненавистой законности, можно ли говорить о правах и свободах человека, о неприкосновенности личности в буржуазном обществе? Конечно, нет. Однако буржуазным фальсификаторам ничто не помеха. Они старательно обходят и не рассматривают вопроса о материальной основе демократических свобод и прав личности.

Между тем социальные и политические права личности обусловлены материальными условиями его жизни. У рабочего нет капиталов и потому он не может воспользоваться своим правом быть избранным в парламент страны, доказывая тем самым сугубо формальный характер этого права. Следовательно, представители рабочего класса буржуазных стран не могут участвовать в управлении государством. А «политическая свобода, — как подчеркивал В. И. Ленин, — означает свободу народа распоряжаться своими общенародными, государственными делами»¹¹.

Что же касается демократических свобод рабочего, то он свободен лишь продавать свою рабочую силу, однако экономические кризисы и безработица грозят лишить рабочего даже этой последней свободы.

США, где более всего говорят о правах личности, в последние годы все чаще отказываются принимать участие в многочисленных международных мероприятиях, на которых широко обсуждаются вопросы о свободах и правах личности. На этих форумах осуждались правительства США, Италии, Англии, ФРГ и других капиталистических стран, в которых грубо попираются самые насущные права граждан — право на труд и на жизнь. Империализм лишает права на жизнь не только граждан своей страны, но и всего мира, развязывая многочисленные региональные конфликты, подняв на новый уровень гонку вооружений, вынашивая планы космических войн и т. д.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 16.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 134.

Щедро раздавая абстрактные права на свободу, равенство, буржуазия пытается скрыть от масс реакционную политику своих государств в вопросе обеспечения прав трудящихся.

Своими клеветническими нападками на демократию и права трудящихся в нашей стране империалистическая пропаганда в капиталистических странах пытается убедить своих граждан, что в социалистических государствах нет ни свобод, ни прав. Убедительным опровержением этих измышлений являются реальные конституционные свободы граждан СССР и других социалистических государств, их равные права в получении работы, квартиры, образования и т. д., широкое участие в управлении производством, борьба против тунеядства, пьянства и нарушений социалистической законности. С другой стороны, свидетельством отсутствия свободы и прав в США и других капиталистических государствах являются безработица, рост преступности, расовая и национальная дискриминация, углубляющаяся разобщенность между народами и национальностями, уничтожение мирного населения войсками США в разных странах и т. д. И авторы подобных «свобод» открыто заявляют всему миру, что намерены стереть с лица земли коммунизм, так как народы России в результате установления Советской власти якобы лишились широких демократических прав и свобод.

Пытаясь удержать подальше от социализма народы и нации развивающихся стран, вступивших на путь национально-освободительной борьбы, империалистическая идеология как никогда ранее связывает свои надежды с разжиганием национализма и фальсификацией решения национального вопроса в условиях социализма. Социализм при этом объявляется первым врагом национальной суверенности, развития национальной культуры и т. п. В своей пропагандистской работе по вопросам национальных отношений империализм США преследует следующие цели:

1. Защитить и поддержать националистически настроенные элементы социалистических стран и использовать их для ослабления власти трудящихся и интернационалистских отношений социалистических стран.

2. Придать размах социалистическому-оппортуни-

стическому течению, которое имеется в международном рабочем и коммунистическом движении.

3. Восстановить друг против друга основные силы международного революционного движения и, тем самым, дезорганизовать его.

Пытаясь реализовать эти цели, буржуазная идеология делает все, чтобы исказить ленинскую национальную политику, государственно-правовую форму решения национального вопроса в Советском Союзе. Идеологи империализма, например специалисты по государственному праву США, утверждают, что в Советском Союзе существует не федеративное государство, созданное на основе национальных государств, а централизованное. Для клеветников не имеет никакого значения тот факт, что Советское государство является федерацией, имеющей в своем составе 43 национальных государства и государственных образования, из коих 15 — суверенные национальные республики, 20 — автономные республики, 8 — автономные области и 10 — национальные округа. Такие народности, как эвенки, насчитывающие около 16 тыс., таймыры, ненцы, коряки, насчитывающие до 50 тыс. человек, имеют свои национальные государственные образования. Таким образом, более 100 наций и национальностей в Советском Союзе, объединившись в братской семье на равноправных принципах, строят и развивают свою государственность, тем самым строя и развивая свое советское федеративное государство. Как говорил 31 декабря 1922 г. М. И. Калинин на закрытии I Всесоюзного съезда Советов, тысячелетиями бились лучшие умы человечества, чтобы найти такую форму, которая позволила бы народам жить мирно, без войн, в дружбе, не враждуя. И сегодня это исполнилось.

Однако буржуазные пропагандисты иногда пользуются нашими ошибками в национальном вопросе. «Надо признать, что ошибки, допускаемые в области национальных отношений, привели к отрицательным последствиям», — говорил М. С. Горбачев на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС в докладе «О перестройке и кадровой политике партии»¹². Партия снова подтвердила свою-

¹² Материалы Пленума ЦК КПСС, 27—28 января 1987 г. М., Политиздат, с. 40.

решимость до конца осуществлять ленинские принципы национальных отношений. В традициях большевизма, — подчеркивал М. С. Горбачев, — принципиальная борьба против любых проявлений национальной ограниченности и кичливости, национализма и шовинизма в каких бы формах они не выступали»¹³.

Сегодня особое значение приобретает классовая закалка трудящихся и бескомпромиссная борьба против буржуазной идеологии. На это обращал серьезное внимание и XXVII съезд КПСС. В этой борьбе, в основе нашей контрпропагандистской работы лежат такие реальности, как исторические завоевания социализма, защита интересов трудящихся всего мира во внутренней и внешней политике социалистических общенародных государств, рост авторитета и влияния международного коммунистического и рабочего движения, прогрессивное развитие сбросивших колониальное ярмо стран, подъем национально-освободительной борьбы и огромная мощь антивоенного движения, которая оставляет все более и более глубокое воздействие на сознание народов всего мира. «Нужна наступательность — и в том, что касается разоблачения идеологических диверсий, и в доведении правдивой информации о реальных достижениях социализма, социалистического образа жизни» — подчеркнул М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.

«Социализм превратился в мощную, развивающуюся реальность. Именно Октябрь, именно Социализм указывают человечеству маршруты, ведущие в будущее, новые ценности и истинно человеческих отношений»¹⁴, — говорил М. С. Горбачев на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

¹³ Там же.

¹⁴ Правда, 1987, 3 ноября.

В. Г. ОСИПОВ

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Роль образования в современную эпоху — эпоху бурных социальных и политических преобразований, развертывающейся НТР — беспрецедентно возрастает, привлекая к себе самое пристальное внимание политиков, ученых, педагогов и широких слоев общественности. Как никогда ранее, каждый человек, проживающий в любых социально-политических и экономических условиях, ощущает, что материальное и духовное благополучие как его самого, так и всего общества в целом зависит от нормального функционирования всей образовательной системы и от правильного выбора стратегических путей ее развития. Складывается интересная ситуация, когда неграмотность, невежество, некомпетентность, даже недостаточная образованность по своим возможным последствиям могут обойтись в экономическом отношении обществу значительно дороже (в социальном плане — ущерб неизмерим), чем самое дорогое образование.

Образование сегодня — это, бесспорно, своего рода *conditio sine qua non* современной цивилизации, потенциально мощный фактор и агент научно-технического, социально-экономического и культурного прогресса. Нельзя не согласиться с теми учеными, которые считают, что образование утверждается в качестве реально всеобщей формы культурно-исторического становления и развития человека.

Проникая во все поры социального организма, беря на себя ответственное бремя воспитания подрастающих поколений, формирование личности нового типа, подготовку квалифицированных кадров для всех сфер общест-

венной жизнедеятельности, система образования вместе с тем испытывает существенное обратное воздействие со стороны производительных сил и производственных отношений, особенно через государственную образовательную политику. Все ее развитие, столь важное для судеб каждого конкретного общества и всего человечества в целом, в принципе определяется не имманентными, а экстерналиями — внешними по отношению к ней факторами и потребностями.

Перемены, вызванные внутренней логикой развития данного социального института, не могут идти ни в какое сравнение по темпам, масштабам, формам и значимости с инновациями, привносимыми извне «вторгающимся» обществом. Некоторый консерватизм, застойность и традиционализм, стабильность, содержательноструктурная малоподвижность, иначе говоря, «социальная гиподинамия» системы образования, ставшие притчей во языцех, постоянно подвергаются активно-преобразующему воздействию со стороны динамичных общественных структур, вносящих подчас радикальные перемены в размеренную жизнь системы. Многим системам образования присущ, по меткому выражению австралийского социолога К. Дьюка, «динамический консерватизм»¹. Суть этого явления заключается в том, что в результате внешнего воздействия система образования, конечно же, перестраивается, но сущность оказывается незатронутой. Инкорпорируются те нововведения, которые не противоречат ее прежнему существованию, и в той форме, которая наилучшим образом соответствует структуре. И все-таки, чем дальше, тем сила противодействия становится значительно меньше силы действия.

Разумеется, отнюдь не всегда такое вторжение оправданно, а воздействие может быть однозначно расценено как позитивное. Возросший ритм, динамизм эпохи, являющийся, пожалуй, наиболее существенной и выразительной ее характеристикой, делают систему образования особенно уязвимой, более того, даже беззащитной перед лицом изменений во всех социальных сферах. Мобильность, приобретаемая ценой утраты стабильности и

¹ См.: Duke C. Australian Perspectives on Lifelong Education. — Hawthorn (Vic.): ACER, 1976. p. 87.

относительной автономии, принципа стадияльной модификации, при определенных условиях легко может превратить (и зачастую превращает) систему образования в игрушку слепых, стихийных социальных сил и влияний. Тем самым, неизмеримо возрастает степень ответственности общества не только за состояние дел в системе образования, но и за любые политические и управленческие решения относительно проблем последней. Эти решения должны быть тщательно взвешенными, максимально реалистическими, исключаящими субъективизм и произвол.

Поскольку плановое развитие образовательной системы и внедрения инноваций в настоящее время, как правило, базируется (в равной мере как в методологическом, так и содержательном аспекте) на выработанных целым комплексом наук рекомендациях, то становится очевидным, что немалая доля ответственности лежит на ученых. Осмыслением наличного бытия образования, разработкой и «проигрыванием» прогностических моделей его развития, постановкой широкомасштабных социально-педагогических экспериментов, созданием концептуальных схем и теоретическими баталиями занята целая армия педагогов и философов, психологов и правоведов, социологов и экономистов, а также представителей десятков других наук.

Эти же причины выдвинули проблемы образования, особенно их социальные и философские аспекты, в центр идеологической борьбы. И не случайно поэтому, что даже вокруг на первый взгляд, казалось бы, сугубо педагогических, методических вопросов разгораются ожесточенные дискуссии ярко выраженного политического характера на международных конференциях и семинарах, на страницах периодики и монографий, поскольку то или иное решение этих вопросов, как выясняется, не только предопределяется социокультурным и политико-экономическим контекстом, но и может иметь далеко идущие, иногда непредвиденные и непредсказуемые — в том числе и нежелательные, социальные последствия.

Несмотря на то, что пока еще могут быть сферы и зоны преимущественного развития образования (для планирования оно всегда так и будет), приоритетным и

центральным направлением в стратегии сегодня, бесспорно, является непрерывное образование, которому суждено сыграть роль создателя новой образовательной парадигмы. Эта идея предполагает радикальное переосмысление самой концепции современного образования, перестройку его системы (структуры, форм, содержания, методов и т. д.), подключение к воспитательно-образовательному процессу новых источников и ресурсов. Выступая на январском (1987 г.) Пленуме, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев особо подчеркнул: «Создание государственной системы непрерывного образования XXVII съезд поставил как одну из важнейших задач, которую нам предстоит осуществить»².

Центральная идея непрерывного образования предельно ясна. Беспрецедентно стремительный рост научных знаний, быстрое обновление уклада техники, лежащего в основе материального способа производства, появление новых технологий, усложнение и диверсификация социальных ролей сделали невозможным ограничение образования каким-то одним, заранее определенным, возрастом, сроком и, тем более, уровнем. Чтобы человек мог полноценно функционировать в современном, все усложняющемся обществе, он должен постоянно пополнять и углублять свои знания, расширять кругозор и свое участие в делах общества, целенаправленно и активно заниматься самовоспитанием. Поэтому необходимо дать возможность всем членам общества (независимо от возраста, пола, социального происхождения и положения и других факторов) в любое удобное для них время и в удобной форме повышать свой образовательный и культурный уровень. Для этого же должны быть задействованы все наличные ресурсы общества. Непрерывное образование — императив как научно-технического, так и социального прогресса.

Так уж случилось, что приоритет в выдвижении и разработке концепции непрерывного образования принадлежит западной философской, социологической и педагогической мысли. Советские ученые стали постепен-

² Материалы Пленума ЦК КПСС, 27 — 28 января 1987 г. — М.: Политиздат, 1987, с. 57.

но включаться в разработку данной проблематики только с 70-х годов. При этом, естественно, основное внимание уделяется позитивному рассмотрению разных сторон концепции, но не менее важна и другая задача. Известный советский специалист в этой области В. Г. Онушкин подчеркивает необходимость комплексного критического анализа буржуазных теорий и практики непрерывного образования, чтобы в этой важной области вести наступательную идеологическую борьбу. Он также отмечает, что для разностороннего разбора этих буржуазных концепций нужна огромная работа³.

Такая работа проводится⁴, и она заметно активизировалась в последние годы, однако «белых пятен» остается еще немало.

Мы намеренно ограничиваем критический анализ исключительно аспектами, имеющими ярко выраженный социальный характер, оставляя в стороне собственно педагогические, дидактические, методические, а также финансово-экономические, организационные и другие аспекты. Последние тоже важны, и относительно их также имеется огромный материал, нуждающийся в серьезном критическом осмыслении.

Рамки статьи не позволяют охватить все многообразие буржуазных трактовок социальных проблем и коллизий, вытекающих из концепции непрерывного образования. Да такая задача и не под силу одному исследователю. Мы будем считать свою задачу выполненной, если удастся аргументированно развенчать несколько

³ См.: Онушкин В. Г. К критике современных буржуазных концепций непрерывного образования. — В кн.: Непрерывное образование взрослых. Л., 1979, с. 68, 73.

⁴ Кроме указанной статьи В. Г. Онушкина, посвященной некоторым методологическим проблемам критики, следует отметить также следующие публикации: Мячина А. В. Критический анализ социально-политического аспекта буржуазных теорий непрерывного образования. — В кн.: Социально-экономические проблемы образования взрослых. Л., 1980, с. 75 — 85; Филиппов Ф. Р. Социальные аспекты непрерывного образования. — Советская педагогика, 1982, № 6, с. 34 — 41; Левитская Е. Ю. Проблема непрерывного образования в буржуазной педагогике США. — В кн.: Сб. науч. тр. Моск. пед. ин-т иностр. яз., 1982, вып. 184, с. 117 — 129.

популярных, тщательно взлелеянных буржуазной идеологией мифов.

Сразу же следует оговориться, что критическое рассмотрение целого ряда точек зрения буржуазных ученых относительно различных аспектов непрерывного образования отнюдь не означает, будто бы мы с порога отвергаем все выдвигаемые ими положения, не желаем усматривать то в научном отношении ценное и объективное, что в них содержится. Буржуазные исследователи добились немалых позитивных результатов, особенно в рамках исследовательских программ, проводимых такими авторитетными международными организациями, как ЮНЕСКО, Европейский Совет, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). На их основе сформулированы многие положения пока все еще становящейся подлинно научной теории непрерывного образования, вносятся в нее серьезные уточнения. Более того, многие аргументы для критики искажений сущности, социальной роли и последствий непрерывного образования также содержатся в работах буржуазных ученых. Разумеется, такая «имманентная» критика облегчает, но ни в коем случае не отменяет марксистскую критику буржуазных интерпретаций концепции непрерывного образования.

Прежде всего следует отметить то обстоятельство, что у буржуазных ученых нет ясного, четкого, однозначного представления о сущности непрерывного образования. В результате «эластичность» понятия (согласно М. Блогу, даже «чрезмерная эластичность»⁵) приводит не только к терминологическому разнобою, но и к разнообразным, обычно ограничительным, «узким» трактовкам сущности феномена. Чаще всего непрерывное образование отождествляют с какой-либо одной его частью, к примеру, с программами «компенсирующего обучения», повышения квалификации, переподготовки кадров, «общественного» воспитания, профессионального обучения, самообразования и т. д. Наиболее часто

⁵ Stoikov V. The Economics of Recurrent Education and Training.— Geneva: ILO, 1975, p. 1; *Blaug M.* Education and the Employment in Developing Countries.— Geneva: ILO, 1973, p. 73.

встречается отождествление с образованием взрослых⁶. Это объясняется тем, что, во-первых, это самый большой и нетрадиционный элемент, а, во-вторых, как подчеркивает итальянский профессор Де Санктис, именно опыт, накопленный в образовании взрослых, явился источником появления самой идеи непрерывного образования⁷. Более того, подмеченная С. А. Тангяном тенденция абсолютизации в буржуазных концепциях непрерывного образования внешкольных форм образования взрослых⁸, выдает стремление ограничить перестройку неформальным компонентом без вторжения в институционализированные формы, в первую очередь базового образования.

Попытки преодолеть расхождения терминологического и понятийного характера, сблизить трактовки, придать концепции методологическую строгость вскрывают еще одну существенную грань проблемы. Так, английский специалист Г. Браун призывает придать непрерывному образованию более «открытый характер» и статус «международного понятия», описывающего способы максимально эффективного использования всех имеющихся в распоряжении у общества образовательных ресурсов. Ценность такого международного понятия,— продолжает он,— заключается в том, что оно может быть использовано людьми во всем мире, *безотносительно от того* (выделено нами — В. О.), принадлежат они к странам с высоким доходом или к развивающимся странам, к коммунистическим или капиталистическим обществам, к преимущественно религиозным или светским сообществам⁹. Это на первый взгляд разумное и обоснованное

⁶ См.: *Janne H.* Permanent Education, An Agent of Change.— In: Permanent Education. Strasbourg, 1970, p. 15—16; *Vaizey J., Clarke C.* Education. The State of the Debate [in America, Britain and Canada.— L. Duckworth, 1976, p. 100—115; *Hilton W.* Lifelong Learning.— In: The Future of Education. Beverly Hills; London, 1981, p. 195—196.

⁷ См.: *De Sanctis F. M.* Towards a "social university"?— Prospects, 1975, vol. V, № 3, p. 409.

⁸ См.: *Тангян С. А.* Образование и общественный прогресс в развивающихся странах. М.: Наука, 1975, с. 266.

⁹ *Brown G.* A Strategy for Lifelong Education.— Prospects, 1976, vol. VI, № 2, p. 283—284, 286.

предложение — унифицировать и универсализировать понятие, встречающееся в общественных науках, придать ему строгость и однозначность — объективно затушевывает социально-экономические и политические различия, пытается преодолеть (разумеется, безуспешно) ту грань, которая отделяет различные общества. Ведь за теоретико-методологическими различиями скрываются принципиальные, доходящие иногда до противоположности, различия в возможностях, намерениях и способах практического воплощения принципа.

Эту же функцию стирания грани, с тем чтобы «оторвать» непрерывное образование от социально-политического контекста, объективно (т. е. независимо от субъективных намерений авторов) призван выполнить и такой, казалось бы, второстепенный, социально нейтральный, «чисто» исторический вопрос о времени появления идеи. Общеизвестным стало решение этого вопроса в пользу глубокой древности. Так, индийский исследователь П. Щукла возводит ее к сакральному ведическому произведению «Шатапатха-Брахманы» (около 1000 г. до н. э.)¹⁰; французский социолог Ш. Родригес полагает, что эту идею выдвинул Платон¹¹; а австралийский ученый А. Кропли и индийский специалист Р. Дейв «вычитали» ее в писаниях Солона¹². Бывший генеральный директор ЮНЕСКО Амаду Махтар М' Боу в одном из своих выступлений по поводу непрерывного образования заявил, что идея эта встречается в Коране¹³. Среди «авторов» идеи фигурируют также Я. А. Коменский, Руссо, Вольтер и др.

Чтобы не возникал справедливый вопрос, а как же быть с утверждениями этих же авторов о том, что непре-

¹⁰ См.: *Shukla P. D. Life—Long Education.*— New Delhi: Orient Longman, 1971, p. 15.

¹¹ *Rodriguez Ch. L'éducation permanente.*— Document. et informat. pédagogiques. Bulletin du Bureau int. d'éd. P.— Gen., 1972, № 185, p. 17.

¹² См.: *Cropley A. J., Dave R. H. Lifelong Education and the Training of Teachers.*— Hamburg: UIE; Oxf. etc.: Pergamon, 1978, p. 1, 186.

¹³ См.: *M'Bow A.—M. Speech at the University of Sherbrooke (Canada).* 25 October 1975 (Unesco doc. DG/75/19).

рывное образование — порождение современного общества, в первую очередь изменений в сфере науки и техники, швейцарский представитель в ЮНЕСКО Ч. Гюммель проводит различие между концепцией и собственно феноменом непрерывного образования. Он утверждает, что если первое появилось лишь недавно и полную концептуальную оформленность и завершенность еще даже не получило, то второе существует столько же, сколько сам человек¹⁴. Так, идеологические установки приводят к элементарным теоретическим ошибкам. В данном случае ошибочные выводы проистекают из отождествления образования и развития личности, из растворения образования в социализации, а также из игнорирования специфики целенаправленного, сознательного воспитательного воздействия общества (особенно посредством институционализированных форм). Разумеется, феномен непрерывного образования порожден сущностными процессами и характерными чертами современного общества, о которых уже говорилось, а идея является продуктом их осмысления и первой, весьма приблизительной, прожективной оценкой стратегической перестройки существующего образования.

Вместе с тем одна из «теоретических находок» буржуазных идеологов, за которую они цепко держатся, — это идея о том, что непрерывное образование — прямое порождение «постиндустриального общества». Одно время при этом имплицитно предполагалось, что все необходимые для утверждения системы непрерывного образования социально-экономические и иные условия если еще и не созданы в развитых капиталистических странах, то вот-вот будут созданы. Так, согласно французскому социологу Б. Шварцу (1974 г.), общество 2000 г. должно было стать еще более открытым, социально интегрированным, одним словом — эгалитарным. Культурный плюрализм в таком обществе сочетается с плюрализмом политическим. В результате действия этих двух основных факторов с нетерпением ожидалось появление человека нового типа — автономного, критически мысля-

¹⁴ См.: *Hummel Ch. Education today for the world of tomorrow.*— Paris: Unesco, 1977, p. 32.

щего интеллектуала-неконформиста, но в то же время «социально сознательного» и «хорошо адаптировавшегося»¹⁵.

Вскоре, впрочем, эта очередная вспышка «социального оптимизма» как-то незаметно погасла, не выдержав столкновения с суровой буржуазной действительностью. Однако, видя неплодотворность и малую отдачу (а также нежелание правящих кругов демократизировать образование и серьезно заняться непрерывным образованием), некоторые из ученых разочаровались. Правда, вместо того, чтобы разочароваться в капиталистическом обществе, критически оценить его социальные возможности, они с присущей многим разочаровавшимся адептам эмоциональностью обрушили весь шквал своего негодования на непрерывное образование. Для наглядности вновь обратимся к Б. Шварцу. Так, спустя всего шесть лет (в 1980 г.), он пишет: «Непрерывное образование — доступное любому возрасту — может в действительности стать средством пассивной интеграции людей в негалитарную систему, основанную на конкуренции трудящихся и снижении их значимости, превращая их в смиренных винтиков производственной машины»¹⁶.

Интересно, что разочарованность от неудач находят самые разные выходы, осмысливается неоднозначно. У одних это перерастает в справедливую критику буржуазного строя (но их крайне мало), у других критика обращается на саму систему образования. Искаженное представление о социальной роли и возможностях системы образования даже приводит к тезису о том, что чем она хуже и чем менее развита и слабее укоренена в обществе, чем меньше у нее традиций, тем легче, будто бы, перейти к непрерывному образованию, осуществить радикальные реформы. Отсюда следует вывод, что легче и целесообразнее вводить непрерывное образование будет развивающимся странам¹⁷. Но выясняется, что пыш-

¹⁵ См.: *Schwartz B.* Permanent Education.— The Hague: M. Nijhoff, 1974, p. XIV—XV, 5—9.

¹⁶ *Janne H., Schwartz B.* The Development of Permanent Education in Europe.— Luxembourg: OОPEC, 1980, p. 6.

¹⁷ См.: *Cropley A. J., Dave R. H.* Op. cit., 1978, p. 207; *Hummel Ch.* Op. cit., p. 37.

но именуемые «образовательным ренессансом» эти мероприятия, на поверку, оборачиваются возвратом к архаичным методам и формам (но зато «самобытным» (!) образования их доколониального прошлого.

Эти идеи получили хождение и в самих развивающихся странах. Большинство ученых третьего мира увлекаются идеей непрерывного образования, так же некритически, как и их западные коллеги, переоценивают социальные и иные возможности образования. Их привлекает в непрерывном образовании дешевизна (так как они свели его к неформальному образованию), возможность лучше адаптироваться к местным условиям и потребностям, демократизм, радикализм и кажущаяся легкость в использовании этого образования в целях экономического и социального развития. Частично их увлеченность объясняется неэффективностью функционирования, громоздкостью, дороговизной и безнадежной отсталостью и косностью традиционных национальных систем образования, слепо копирующих формальные черты некоторых западных образовательных систем.

При этом, настаивает известный специалист М. Ахмед (Бангладеш), нужно радикально перестроить всю структуру образовательной системы, а не просто добавить программы неформального обучения как глазурь на поверхность «торта» формального образования¹⁸.

Образование, тем более непрерывное, разумеется, может служить одним из средств действенного, в том числе и революционного переустройства общества, но только в том случае, если оно дополняет собой политические и/или экономические преобразования. Без этого же часто высказываемые учеными стран третьего мира (например, Б. Сиссэ из Сенегала; Дж. Наик — из Индии; А. Корреа из Бразилии; Ф. Камарао из Филиппин, тот же М. Ахмед и др.) надежды, что непрерывное образование станет революционным феноменом, одним из оптимальных путей достижения развивающимися стра-

¹⁸ См.: *Ahmed M.* The Economics of Non-formal Education Resources, Costs and Benefits.— N. Y.: Praeger, 1975, p. 35.

нами своих стратегических целей¹⁹, останутся благими пожеланиями.

Тем самым, завышенные, нереалистические ожидания приводят к искаженной оценке непрерывного образования. Приписав ему не входящие в его компетенцию функции, наивно было бы ожидать их реализации. Помимо того, что подобным образом аксиологизированная позиция вызывает необоснованное разочарование в образовании (и приводит к его девальвации²⁰), наряду с другими дезориентирующими субъективистско-волюнтаристскими трактовками идеи непрерывного образования, извращающими ее суть и смысл, основное социокультурное содержание и навязывающими ей дополнительные семантические нагрузки, являют собой объективное основание и удобную мишень для разнообразной критики непрерывного образования.

Другое дело, что необходимо не забывать об удивительной, только на первый взгляд, «способности» буржуазной образовательной политики достигать эффекта,

¹⁹ См.: *Cissé B.* Education in Africa — from Dependency to Self-sufficiency. — Prospects, 1976, № 2, p. 193—194; *Corrêa A. L.* Permanent Education and Adult Education in Brazil. — Rio de Janeiro: MEC, 1974, p. 4—19; *Camarao F. S.* The Education Act of 1982: Its Implications for Vocational and Technical Education. — The Mindanao Journal of Industrial Education, 1983, vol. III, № 1, p. 40—45; *Naik J.* The Search for a National System of Education: The Indian Experience. — Prospects, 1976, № 2, p. 196—208; *Ахмед М.* Задачи неформального образования. — Перспективы, 1984, № 1, с. 41—51.

²⁰ А это не только не верно, но и недемократично, так как современное образование — если это, конечно, же, не пародия на него — при любых политических, социально-экономических условиях раздвигает интеллектуальные горизонты, развивает личность,вольно или невольно побуждает ее быть активной, знающей, деятельной и действующей. Даже учитывая серьезные негативные издержки и извращения, присущие образованию — особенно воспитательной, идейно-нравственной стороне — в антагонистическом обществе, нельзя не учитывать, что, тем не менее, даже такое образование лучше невежества. Образование — это одна из тех социокультурных ценностей, которых чем больше, тем лучше.

обратного желаемому (по крайней мере, декларируемому). Например, создание благоприятных условий и возможностей взрослым для получения базового или продолжения образования привело к еще большему разрыву (в образовательном, культурном, а в конечном итоге — и социальном отношении), поскольку наиболее обездоленные (в том числе и образовательной) не имеют материальных возможностей, достаточной мотивации и даже навыков к образованию.

Еще одно свидетельство — признание находим у английского экономиста Дж. Вэйзи. Он пришел к выводу, что денег на образование стали тратить все больше, а социально-классовый разрыв тем не менее нарастает²¹.

Такой поворот событий отнюдь не обескуражил большинство буржуазных идеологов. Подвергнув ревизии свои основные теоретические аргументы, перегруппировав силы, они выдвинули новый тезис — о «неисчерпаемых возможностях» непрерывного образования в плане не только экономического и научно-технического обновления общества, но и социального. Аргументы и цели у них разные. Одни идеологи прямо и непосредственно, не скрывая этого, выступают с апологией буржуазного строя. Другие исходят, вроде бы, из либерально-демократических принципов, но объективно также защищают свой общественно-экономический строй, пытаются его «подремонтировать» и «подретушировать».

Норвежец К. Эйде полагает, что в завтрашнем обществе будет превалировать не технологическая, а структурная безработица²². Непрерывное образование, по его мнению, является именно той «превентивной социальной мерой», которая поможет справиться с этой проблемой²³.

²¹ См.: *Vaizey J.* Social and Economic Policy. — In: *Lifelong Learning*/Ed. by F. W. Jessup. Oxford etc., 1969, p. 154.

²² Когда имеются свободные рабочие места, но нет квалифицированных специалистов для их занятия. Из имеющейся резервной армии безработных черпать кадры невозможно, так как она не содержит в себе людей, имеющих квалификацию и специальную подготовку для выполнения именно таких производственных функций.

²³ См.: *Eide K.* The Organization and Financing of Post-work Education. — IN: *Permanent Education*. Strasbourg, 1970, p. 133.

Даже если брать этот тезис только теоретически, отвлекшись от всего остального, то и в этом случае он верен лишь отчасти. Прежде всего, поскольку встает вопрос денежных средств. Не менее важно и другое обстоятельство: конъюнктурная ситуация на рынке труда резко меняется, спрос на квалифицированных специалистов — как в количественном, так и в качественном отношении — колеблется, что не поддаваясь точному прогнозу. Своевременный же адекватный экономическим потребностям прогноз спроса на кадры представляет собой критический по своей значимости фактор, так как подготовка (и переподготовка) кадров занимает определенное время. Нельзя сбрасывать со счетов и опасения людей, как бы вкладываемые ими деньги, усилия, время в свой профессионально-образовательный рост не пропали напрасно. Можно указать и на косвенные, но отнюдь не менее от этого важные, расходы: потеря потенциально возможной работы, которая могла бы подвергнуться за время учебы, а, следовательно, и потеря денег, которые могли бы быть заработаны. Но самое главное, что подрывает точку зрения Эйде, на наш взгляд, это то, что в условиях рыночной экономики нет никаких гарантий, что за то время, пока знания, навыки и умения, приобретенные в ходе учебы, не устарели и не утратили своей ценности, будет найдена работа в соответствии с квалификацией и тем самым (в числе прочего) будут покрыты издержки на непрерывное образование. Определенным аргументом в пользу точки зрения Эйде явилось бы введение бесплатной системы непрерывного образования, но ни у одной из самых высокоразвитых капиталистических стран даже в достаточно далекой исторической перспективе (речь, разумеется, идет о прогнозируемой перспективе на основе экстраполяции преобладающих тенденций) такого намерения и тем более средств для этого нет.

Не выдерживает критики и другой тезис К. Эйде — о том, что главной целью непрерывного образования является не столько помощь в адаптации к социальным изменениям, сколько предоставление возможности само-

стоятельно обуздать эти изменения²⁴. Здесь по сути произошло отождествление двух разных вещей. Из того обстоятельства, что образование расширяет кругозор человека, повышает его эрудицию, дает знания и тем самым помогает преодолевать различные социальные барьеры, вовсе не вытекает вывод, будто непрерывное образование само по себе может устранить все социальные барьеры.

Ряд американских авторов усматривает в непрерывном образовании средство, способствующее разворачиванию индустриальной демократии, а главное — преодолению разрыва между образованием и жизнью. При этом П. Ричардсон и ее исследовательская группа ставят акцент на развитие и раскрытие способностей человека²⁵, а Т. Хесбург с коллегами убежден, что дальнейшее отсутствие непрерывного образования усилит упадок городской среды, нищету среди богатства, расовые и межпоколенческие конфликты, безработицу (в том числе среди квалифицированных и высококвалифицированных специалистов)²⁶.

К ним тесно примыкает и известный французский ученый — теоретик непрерывного образования П. Лангран, также трактующий непрерывное образование как панацею если не от всех, то от многих социальных бед, критических проблем современной цивилизации. Но он идет дальше и утверждает, что оно приведет к дальнейшей трансформации социальных, экономических и даже политических структур, а в итоге — к принципиально новому типу общества²⁷.

Выдавая желаемое за действительное, буржуазные идеологи пишут даже о том, что непрерывное образование якобы поможет выйти за пределы «устаревших» рамок политических и идеологических представлений, подняться над такими разъединяющими символами, как

²⁴ См. там же, с. 120.

²⁵ См.: Lifelong Learning and Public Policy.— Wash. (D. C.): U. S. Dep. of Health, Educ. a. Welfare, 1978, p. 21—22.

²⁶ См.: Heshburg Th. M., Miller P. A., Wharton C. R. Patterns for Lifelong Learning.— San Francisco etc.: Jossey-Bass, 1974, p. 4.

²⁷ См.: Lengrand P. Introduction à l'éducation permanente.— Paris: Unesco, 1970, p. 50—51, 54, 78—81, 98 et al.

частное и общественное, либеральное и консервативное, город и деревня и т. п.²⁸

Не удивительно, что сами же буржуазные ученые критикуют Ланграна за абстрактное теоретизирование, идеализм и утопизм. Исторический опыт, а тем более особо наглядный опыт новейшей истории неоднократно доказывал, что образование — лишь надстроечный институт, переменная от более важной функции — системы общественных отношений. Последняя является детерминантом развития и трансформации, первой, а не наоборот. Что же касается «символов», то они, как и «рамки», — естественные и неизбежные проявления классово-антагонистической сущности буржуазного строя и могут быть преодолены только не образованием (даже непрерывным), а в результате перехода на более высокую ступень общественного развития.

Не менее идеологизированный, классовый, но вместе с тем более откровенный подход демонстрирует английский ученый О. Эшмор. Он призывает неформальное образование (именуемое им «непрерывным») даже уравнивать в правах с традиционным (институционализированным) образованием²⁹. То, что у других закамуфлировано антуражем пышной риторики, здесь выставлено напоказ. Класс буржуазии ценит идею непрерывного образования совсем не из-за тех возможностей, которые она открывает для развития личности, а чисто операционально — как новый, более тонкий и, возможно, более эффективный инструмент осуществления социальной политики, решения проблем капиталистической экономики и т. д.

Неизбежно извращая саму идею непрерывного образования, О. Эшмор вместе с тем пытается ответственность возложить на трудящихся: дескать, у них непомерно завышенные претензии и ожидания от образования. А это не может не вести к «креденциализму».

Креденциализм (иначе можно назвать «дипломоман-

²⁸ См.: *Hesburg Th. M., Miller P. A., Wharton C. R.* Op. cit., p. 47.

²⁹ См.: *Ashmore O.* University Adult Education.—In: *Continuing Education for the Post-Industrial Society*/Ed. by N. Costello, M. Richardson. Milton Keynes, 1982, p. 75—81.

ния») — это твердое убеждение в том, что получение диплома (аттестата, свидетельства) гарантирует определенное стабильное положение в обществе, работу, доход и другие преимущества. Ему обычно сопутствует и убеждение в том, что такой документ (а тем более ученая степень) венчает (и тем самым завершает) период активного получения образования.

Креденциализм — непосредственное порождение буржуазного общества, и виноваты в нем не трудящиеся. Их стремление к дипломам и т. п. понятно и оправдано, так как если даже получение их и не влечет за собой доступ к каким-либо привилегиям, то хотя бы спасает от дискриминации по образовательному признаку (при наличии документа о получении образования). Это — глубокая социальная проблема, но и ее, по мнению некоторых буржуазных ученых (например, Г. Уильямса)³⁰, способно решить непрерывное образование. Однако практика показывает, что даже демократизация все новых и более высоких форм и ступеней образования в антагонистическом обществе не «уничтожает» креденциализма. Наоборот, она усиливает и его, и дискриминацию тех, кто остался за бортом учебных заведений. Так оно есть, и иначе в принципе и быть не может, так как это еще один способ пути «наверх», выжить и победить в жестокой конкурентной борьбе.

Большая группа буржуазных ученых подходит к проблеме непрерывного образования с различных точек зрения адаптации личности. Г. Страйнер (США) убежден, что оно в состоянии преодолеть чувства фрустрации и беспокойства, порождаемые современной цивилизацией³¹. При этом он пытается убедить правящую верхушку в необходимости пойти на определенные социальные уступки, поделиться своими сверхприбылями (в данном случае — создать систему непрерывного образования для трудящихся, ввести стипендии, оплату учебы

³⁰ См.: *Williams G.* Towards Lifelong Education: A New Role for Higher Educ. Institutions.—P.: Unesco, 1977, p. 23—24.

³¹ См.: *Striner H.* Continuing Educ. as a National Capital Investment.—Kalamazoo, Wash.: The Upjohn Inst., 1972, p. 5.

и т. д.), чтобы не потерять всего. В противном случае он грозит такими последствиями политического характера, перед которыми поблекнут все экономические трудности и проблемы³².

Во введении к монографии «Непрерывное образование и ресурсы университетов»³³ указывается, что самая главная цель непрерывного образования — «преодолеть фрагментарность, разорванность и скрытую шизофрению, характерные для большинства сторон современной жизни». То же душевное спокойствие и равновесие личности находится в центре внимания А. Моля и Ф. Мюллера (Франция), которые именно в формировании уверенности в своих силах, чувства социальной защищенности видят программу-максимум непрерывного образования. Более того, по их мнению, оно послужит хорошим средством сублимации созидательных, творческих инстинктов. Иначе говоря, наряду с компенсаторной функцией оно будет выступать в качестве превентивной меры социально-психологической и даже физиологической терапии³⁴. То же вытекает и из рассуждений авторов доклада Международной организации труда³⁵.

Э. Голдринг (Великобритания) пошел еще дальше, утверждая, что благодаря непрерывному образованию человек сможет добиться nirваны — «того блаженного, парящего, неуловимого состояния, при котором труд, способности (и оплата, представляющаяся справедливой) находятся в гармонии и удерживаются в равновесии»³⁶. Понятно, что, будучи неспособным устранить

³² См. там же, с. 9 — 10.

³³ Lifelong Education and University Resources.— P.: Unesco а. о., 1978, p. 11.

³⁴ См.: Moles A., Muller F. Adult Motivations to Thought Structuralisation.— In: Permanent Educ. Strasbourg, 1970, p. 172—195—196.

³⁵ См.: Matching Employment Opportunities and Expectations: A programme of Action for Ceylon.— Geneva: ILO, 1971, p. 140—145.

³⁶ Goldring E. C. (Industrial Education). From the Industrial Viewpoint.— In: Lifelong Education. A Symposium on Continuing Education./Ed. by F. W. Jessup. Oxford etc., 1969, p. 83.

причины социальных коллизий и противоречий, непрерывное образование не в силах не то что упразднить, но даже сколь-нибудь существенно компенсировать их негативные, разрушающие последствия для человеческой психики. В общем-то это осознают и сами буржуазные авторы. Не случайно те же А. Моль и Ф. Мюллер, подводя итоги, неутешительно констатируют, что трудящимся, особенно менее образованным, никогда не пробиться наверх, несмотря ни на какие усилия, а элементы непрерывного образования не отвечают реальным потребностям³⁷. Они тем самым, по существу, признают сохранение источников нервно-психических расстройств, стрессов, потрясений.

Игнорирование социального контекста, порождающего, как подчеркивалось, стремление к образовательной гонке, к получению дополнительных преимуществ, приводит к тому, что некоторые буржуазные ученые утверждают прямо противоположное выводам Голдринга, Моля, Мюллера, Страйнера и др.: непрерывное образование гипертрофирует вынужденно нескончаемое стремление к успеху и карьере, приводит к непрекращающемуся нервному перенапряжению. Такова, например, точка зрения Я. Пена³⁸.

Тем не менее идея о непрерывном образовании как социальном преобразователе общества пользуется большой популярностью. П. Кирпал (Индия) полагает, что оно «сможет содействовать созданию, адаптации и контролю современными человеком технологии и социальной организации, соответствующих новому качеству жизни и осмысленному поиску более эффективных и подходящих духовных ценностей»³⁹. Ему вторит итальянец Ф. Боначина (непрерывное образование может и должно стать средством радикальных социальных изменений)⁴⁰ и бразилец А. Корреа (с введением непрерыв-

³⁷ См.: Moles A., Muller F. Op. cit., p. 191—192.

³⁸ См.: Pen J. Income Distribution.— L.: The Penguin Press, 1971, p. 409.

³⁹ Kirpal P. Historical Studies and the Foundations of Lifelong Education.— In: Foundations of Lifelong Educ. Oxf. etc., 1976, p. 98.

⁴⁰ См.: Bonacina F. Sociological Motivations and Cultural Prospects of Permanent Education.— In: Perm. Ed. Stras., 1970, p. 445.

ного образования удастся использовать недоиспользуемый сейчас интеллектуальный потенциал, особенно в слаборазвитых странах)⁴¹.

Разумеется, непрерывное образование может стать и непременно станет могучим фактором социального развития, решения социально-экономических и культурных проблем, поможет обрести новые адекватные духовные ценности и максимально развить и использовать интеллектуальный потенциал, но только при условии (разумеется, речь идет о капиталистических странах и странах третьего мира) предварительного радикального изменения общественных отношений, проведения экономических и политических преобразований.

Увлечение радикальным вариантом идеи непрерывного образования зачастую приводит к недооценке «формального» образования, т. е. системы образования, к призывам «упразднить монополию школы», даже совершенно отбросить ее⁴². Это, в свою очередь, в определенной степени дискредитирует саму идею и облегчает ее критику.

Мы уже отмечали некоторые основания для критики. Есть и объективные причины, корящиеся в самом научно-техническом прогрессе. Поскольку невозможно провести комплексную автоматизацию сразу и повсеместно, то неизбежно остаются «технические (и технологические) лакуны», не позволяющие «замкнуть цепь» — иначе говоря, полностью вывести субъект труда за пределы непосредственного производственного процесса. Поэтому необходимы постоянная подготовка и переподготовка кадров с упором на четко определенное выполнение какой-то конкретной функции. Это приводит к следующему искажению идеи непрерывного образования. Один из ведущих деятелей «Открытого университета» (Великобритания) Ритчи-Колдер пишет, что ряд американских ученых — авторов такого подхода — планируют каждому проходящему подготовку трудящемуся отдельное, изолированное учебное место и компьютерное программированное обучение для передачи и усовершен-

⁴¹ См.: *Corrêa A.* Op. cit., p. 5—6 а. о.

⁴² См.: *Naik J. P.* Op. cit., p. 202, 204; *Janne H.* Op. cit., p. 26—27.

ствования знаний и навыков. Они именуют это «отштамповкой» (imprinting). Затем такая «человеческая кассета» будет запущена в обезличенный, не до конца «совершенный» (т. е. не полностью автоматизированный) производственный процесс. Когда же этому конкретному работнику будет найден автомат-заменитель, тогда по принципу магнитной ленты старая «запись» будет стерта, а новая — произведена⁴³. Подобный подход как нельзя лучше демонстрирует истинную, антигуманную сущность буржуазного общества, капиталистического способа производства. Как всегда действительность являет разительный контраст умозрительным абстрактным рассуждением об обществе «всеобщего благоденствия», об обществе «полного удовлетворения духовных запросов и беспредельного развития личности».

Такая экстраполяция и абсолютизация отрицательных сторон нынешнего буржуазного образования на руку, прежде всего, небезызвестным дескулиторам (псевдогуманистам-леворадикалам) (И. Иллич, Э. Раймер, Э. Верн, Я. Листер, Дж. Олиджер и др.). Поскольку они вообще не приемлют школу, институционализированное образование, называя его «инструментом империалистического подавления» личности, «универсальной западной западной цивилизации», то сама мысль о том, что учиться придется на протяжении всей жизни, представляется им невыносимой. Поэтому, с их точки зрения, непрерывное образование — не что иное, как окончательная ловушка, в которую поймано современное общество, и для попыток его дескулизации⁴⁴. Дж. Олиджер опустил даже до личных выпадов против авторов доклада «Образование для истинного бытия. Мир образования сегодня и завтра» (Learning to Be) авторитетной международной комиссии ЮНЕСКО (под председатель-

⁴³ См.: *Ritchie—Calder.* Education for the Post—Industrial Society.— In: *Continuing Educ. for the Post—Industrial Society*, p. 14—15.

⁴⁴ См.: *Illich I., Verne E.* Le Piège de L'École à la Vie.— *Le Monde de l'Éducation*, 1975, Janvier, p. 11—14.

ством Э. Фора)⁴⁵, ратующих за проведение непрерывного образования в жизнь, демагогически обвинив их в «образовательном шовинизме», в том, что они стремятся к «нирване постоянно обучающегося общества», а по сути — к выдрессированному обществу, управляемому педагогами⁴⁶.

Говорить о том, что школа «монополизировала» образование так же нелепо, как, например, утверждать, что лечебные учреждения «монополизировали» здравоохранение. Тенденция к институционализации является разумным и неизбежным следствием научно-технического прогресса, усложнения социальной жизни, повышающих требования к компетентности работников. Необходимость профессионализма, глубоких и постоянно обновляющихся научных знаний приводит к длительной образовательной подготовке и периодической переподготовке.

Из того факта, что непрерывное образование может увеличить образовательное неравенство, совсем не следует, будто повинно в этом оно. Такая «направленность» воздействия непрерывного образования — результат проявления свойств буржуазной общественной системы.

Часто в абстрактно-гуманистических, псевдодемократических призывах растворяется классовая сущность образования, принципов его построения и организации, обеспечения доступа к нему и т. д. Вместо серьезного анализа причин отсутствия у взрослых (главным образом, обездоленных в образовательном плане, в свое время «выбракovaných» образовательной системой) желания и мотивов к получению образования выдвигается смехотворный тезис о том, что в деле образования (тем более непрерывного образования) не должно быть принуждения (!) Об этом говорится, например, в небезызвестном Манифесте Куэрнавака⁴⁷. Недвусмысленно ясны

⁴⁵ См.: Learning to Be. The World of Education Today and Tomorrow/Faure E. et al.— P: Unesco; L.: Harrap, 1972.—XXXIX, 313 p.

⁴⁶ См.: Ohliger J. Is Lifelong Adult Education a Guarantee of Permanent Inadequacy?— Convergence, 1974, vol. 7, № 2, p. 53.

⁴⁷ См.: Manifesto of Cuernavaca.— In: Freiheit zum Lernen/Eds. Danber H., Verne E.— Hamburg, 1976, p. 15—18.

истинные цели и классовая, мелкобуржуазная сущность проповеди У. Карпена (ФРГ) «права» не продолжать образования, даже «оставаться глупым»⁴⁸. Следовать таким призывам — значит только усугублять неравенство в области образования, убеждать лиц, объективно наиболее нуждающихся в образовании, отказаться от своего шанса, возможно, единственного.

Абстрактный гуманизм, псевдодемократизм и либерализм медленно, но верно приводят к консерватизму и антидемократизму. Складывается внешне парадоксальная, но по сути закономерная ситуация, когда стремление защитить право личности на самостоятельный выбор, внимательное отношение к ее потребностям и способностям оборачиваются по сути апологией углубления социально-классовой дифференциации, отказом от равенства возможностей в области образования, проповедью обскурантизма. Так, например, известный американский профессор Т. Грин подвергает резкой критике даже робкие попытки демократизации образования (в виде «равенства возможностей») за то, что они якобы угрожают «культурному плюрализму», целесообразности и эффективности образования. Он не только игнорирует то обстоятельство, что за культурно-образовательными различиями в конечном итоге скрываются социальные различия, но пытается даже «обосновать» «справедливость» социальных различий, вытекающих из различий культурно-образовательных. Отказ от них (социальных различий — В. О.) нанес бы, по его мнению, невосполнимый ущерб американскому обществу и его культуре. Не случайно совпадение с Карпеном даже в терминологии: получение образования — «должно стать вопросом выбора, а не принуждения»⁴⁹. А его ложно альтернативная постановка вопроса — «не легче ли, не более ли гуманно и желательно сделать мир более безопасным для неграмотных, чем добиваться полной грамотности всех его

⁴⁸ См.: Karpen U. Implementing Lifelong Education and the Law.— In: Towards a System of Lifelong Education, Some Practical Considerations. Oxf. etc.: UIE, Pergamon Press, 1980, p. 48.

⁴⁹ Грин Т. Мысли о равенстве и неравенстве.— Америка, 1981, № 299, с. 19.

обитателей»⁵⁰ — ярко свидетельствует не только о методологической беспомощности и теоретической несостоятельности, но и об откровенном антидемократизме подхода, о нежизнеспособности подобного «гуманизма».

Ближе к истине, разумеется, критика непрерывного образования как намеренного обмана в образовательной политике буржуазного государства, в результате которого неравенство не уменьшается, а увеличивается. Р. Тони, к примеру, пишет об «издевательской учтивости приглашения в адрес нежеланных гостей при полной уверенности, что обстоятельства помешают им принять его»⁵¹. Но опять-таки не следует впадать в крайности, поскольку виновато не непрерывное образование само по себе, а его буржуазное использование.

Неприемлем, на наш взгляд, и «облегченный» подход к непрерывному образованию, тоже дискредитирующий плодотворную идею. Так, М. Блог списывает ее в разряд очередных модных и несерьезных веяний, о которых поговорят, да и вскоре забудут⁵². А нидерландский ученый Г. Фрезе утверждает, что непрерывное образование — это приятная безвредная мечта, не лишняя, правда, доли мистификации, что-то вроде земного рая, слишком превосходная идея, чтобы быть реальностью. Это нечто наподобие образовательной страны чудес, продолжает он, сказочного футуристического мира⁵³. Видимо, имея в виду подобные настроения, Кропли и Дейв подчеркивали, что первый порыв энтузиазма спал, так что хватит витать в облаках абстракций и пора заняться практическими проблемами непрерывного образования⁵⁴.

Есть еще целый ряд существенных аспектов проблемы, которые не представляется возможным рассмотреть в настоящей статье. Это, в первую очередь, взаимные обвинения буржуазных ученых в превращении «чисто

педагогической» идеи в «идеологическую», демаггические противопоставления «детского» и «взрослого» компонентов в системе непрерывного образования, утверждения о готовности монополий способствовать непрерывному образованию трудящихся, о совместимости идеи с буржуазным строем и др. Представляет определенный интерес и такой утопический прожект на основе буржуазных интерпретаций непрерывного образования, как «постоянно обучающееся общество» («learning society») (см., например, статьи Э. Джелли «Век живи—век учись»⁵⁵ и Т. Хюсена «К обучающемуся обществу»⁵⁶; уже упоминавшийся доклад комиссии Э. Фора⁵⁷, работу Ж. Тома⁵⁸ и др.).

Подводя итоги, следует прежде всего отметить отсутствие единой четкой буржуазной концепции непрерывного образования. «Уклоны» в ту или иную сторону, очарованность идеей или разочарование в ее возможностях, акцент на те или иные ее аспекты зачастую основываются не столько на личной склонности или исследовательских задачах ученых, сколько зависят от уровня социального и экономического развития конкретной страны, от конъюнктурных соображений, от стратегических идеологических установок.

В целом отношение к этой идее у буржуазных идеологов двойственное. С одной стороны, это очень привлекательная, прогрессивная, демократичная (а, следовательно, и политически беспронигрышная) идея, отвечающая либеральным умонастроениям широких слоев общественности (в том числе и среднего класса), питающая их надежды на решение социальных проблем и конфликтов мирным путем — путем частичных реформ, паллиативных решений и компромиссов, без радикальной перестройки системы общественных отношений. (Так, Р. Кидд (Канада) именуется ее самой революционной и самой значительной образовательной идеей нашего сто-

⁵⁰ Там же, с. 22.

⁵¹ Цит. по Duke C. Op. cit., p. 79.

⁵² См.: Blaug M. Op. cit., p. 72.

⁵³ См.: Frese H. H. Permanent Education, A Strategy for Social Action. — In: Perm. Ed., Strasbourg, 1970, p. 455—456.

⁵⁴ См.: Cropley A. J., Dave R. H. Op. cit., p. 207.

⁵⁵ Курьер ЮНЕСКО, 1983, сентябрь, с. 4—7.

⁵⁶ Там же, июнь, с. 13—18.

⁵⁷ См.: Learning to Be, p. 163 a. o.

⁵⁸ См.: Thomas J. World Problems in Education. A Brief Analytical Survey. — Paris: The Unesco Press, 1975, p. 106—108.

летия⁵⁹, а Х. Шейн и М. Тэблер (США) убеждены, что она под стать грядущему тысячелетию⁶⁰). Тем более, что она хорошо вписывается в русло тенденций современного научно-технического прогресса.

С другой стороны, в среду буржуазных идеологов все больше проникает понимание того обстоятельства, что само выдвигание идеи непрерывного образования общественным развитием, а тем более последовательное проведение этой идеи в жизнь, не только предполагает и предопределяет наличие определенных благоприятных условий, но и — не находя их — приводит к обострению противоречий, к эскалации социальных конфликтов. Они вынуждены признать — хотя бы формально — после III Международной конференции по образованию взрослых (Токио, 1972 г.)⁶¹ неразрывную связь идеи непрерывного образования с идеями демократизма и функциональности. Отдавая себе отчет в том, что непрерывное образование — сильнодействующее социальное средство, буржуазные идеологи стремятся выхолостить потенциально революционизирующую и социально взрывоопасную идею. При этом они настойчиво рекомендуют правительству быть чрезмерно осторожным в данном вопросе. Дело в том, что задуманная вначале как эффективное средство утихомиривания и убаюкивания недовольных посредством социальной демагогии и т. д., эта идея в условиях буржуазного общества на поверку оказалась выпущенным из бутылки «образовательным джинном», давшим, по существу, эффект, обратный желаемому. Мифотворчество буржуазной идеологии вновь обращается против самого буржуазного общества.

Построение совершенной системы непрерывного образования в условиях капиталистического общества невозможно в силу действия рассмотренных выше социальных, экономических, политических и иных ограничений. Следует подчеркнуть также постоянное — из года в год —

⁵⁹ См.: Kidd R. Introduction.— In: Shukla. Op. cit., p. 9.

⁶⁰ См.: Shane H. E., Tabler M. B. *Educating for a New Millennium*.— Bloomington (Ind.): Phi Delta Kappa Educational Found., 1981, p. 5—6.

⁶¹ Третья международная конференция по образованию взрослых.— Токио, 25 июля — 7 августа 1972 г.— Париж: ЮНЕСКО, 1972, с. 17.

снижение затрат на социальные нужды (и в первую очередь на образование), растущую дисгармонию индивидуальных, общественных и монополистических интересов, ущемление демократии и др.

Любые педагогические и образовательные мероприятия, в том числе и введение непрерывного образования, обязательно должны быть включены в общую социальную политику, в комплекс мероприятий социального и экономического характера. В данном случае это подразумевает не только наличие определенных благоприятных социальных, политических и экономических условий и социально-психологического климата, но и специальное материальное, морально-психологическое, правовое обеспечение непрерывного образования.

Единая система непрерывного образования может быть создана только в социалистическом обществе. Преимущества социализма в этой области вынуждены признать даже буржуазные ученые. Так, Ф. Де Санктис отмечает, что наиболее благоприятные возможности и условия для непрерывного образования созданы в социалистическом обществе⁶². На это нацелена социальная политика социалистического государства и коммунистической партии. Более того, именно при социализме создание «системы непрерывного образования объективно совпадает с интересами широких народных масс»⁶³. И не случайно, что именно в нашей стране — XXVII съездом КПСС — впервые была выдвинута практическая задача создания единой системы непрерывного образования⁶⁴.

Предпринимаемая в свете съездовского решения перестройка среднего и высшего звеньев образовательной системы в сочетании с усилиями по совершенствованию деятельности системы повышения квалификации и переподготовки кадров служит дальнейшему улучшению постановки дела образования и воспитания — важнейшей сферы общественного бытия, от которой зависит благополучие нынешних и грядущих поколений советских людей.

⁶² См.: De Sanctis F. M. Op. cit., p. 408.

⁶³ Образование в современном мире. Состояние и тенденции развития. Под ред. М. И. Кондакова.— М.: Педагогика, 1986, с. 7.

⁶⁴ См.: Материалы XXVII съезда КПСС.— М.: Политиздат, 1986, с. 48, 106, 273.

Ц. В. ЧАЛОЯН

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВА В БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И ИСКУССТВЕ

Актуальность проблемы традиции и новаторства и в философии, и в искусстве определяется не только тем важным местом, которое она занимает в методологических исканиях современной буржуазной теории, но и причинами практически-идеологического характера, сложными обстоятельствами идейного противоборства двух общественных систем. В мире эстетики есть своя прочная традиция, свой драгоценный и способный к дальнейшему совершенствованию инструмент, который можно сломать или испортить. Никакого догматизма в защите этого инструмента нет. Но между тем необходимо препятствовать внесению в него новых т. н. «усовершенствований», которые периодически возникают в силу сложности современной истории и влияния новых поворотов буржуазной культуры. История искусства показала, насколько важно выяснить соотношение традиции и новаторства, поскольку от этого зависит понимание многих сложных проблем, касающихся художественного творчества, и наконец истории и теории. Разумеется, все это не всегда достаточно ясно. Заметнее связь между ложным новаторством и его реакционной исторической почвой, где формальные искания сливаются с последним словом буржуазной философии. Здесь новаторство отказывается от многих демократических идей во имя активности избранного меньшинства. Марксистская литература давно заметила и подчеркивала связь между буржуазной философией и ходом развития модернистского искусства. На философию необходимо смотреть с точки зрения социальной функции, постараться выявить ее объективное содержание, ее специфику

по сравнению с другими формами общественного сознания, прежде всего соотнести ее с наукой и искусством. Искусство же является и специфическим способом освоения и познания мира, однако его значение нельзя свести лишь к чисто познавательной функции. Прошлое искусства — это не отдельные ступени в познании людей, а ряд неповторимых образов, описаний, оценок, имеющих непреходящее значение. Гегель, рассматривая этот вопрос, отмечал, что наследование является душой каждого последующего поколения, его духовной субстанцией, ставшей чем-то привычным, его принципами, предрассудками и богатствами, и вместе с тем материалом, который подвергается обработке, обогащается и сохраняется¹.

С искусством философию сближает наличие особого «человеческого», «мироощущающего» момента, взгляда на мир сквозь призму места человека в мире, — ведь философия как форма научного познания опирается не только на науку, но и на всю совокупность духовной культуры, исследует наиболее общие основания и принципы человеческого поведения и познания, и, наконец, ставит проблемы человеческого существования. История развития философии и эстетики в целом свидетельствует о том, что они не были никогда нейтральны в отношении к актуальным социально-политическим и идеологическим проблемам. Именно поэтому целесообразно анализировать развитие и течения философских буржуазных направлений в их историческом аспекте, постараться выявить формы их воздействия на общественное сознание.

Буржуазная идеология в свой ранний период отличалась оптимизмом, сознанием интеллектуального восхождения, утверждением безграничности человеческого познания как залога осуществления гуманистических идеалов. Исходный тезис философии и эстетики буржуазного Просвещения — это человек со своими внутренними задатками и способностями как разумного существа, способного познать природный и общественный мир.

¹ См.: Гегель. Соч., т. 9, М., 1936, с. 11.

Однако уже в XIX в. в буржуазной философии и эстетике возникают антирационалистические тенденции, пытающиеся создать философско-эстетические концепции, исходящие из интересов индивида. С. Кьеркегор ставит под сомнение всякую рационалистическую систему и выдвигает в качестве критерия идеологии тесную связь с человеческим индивидом, его чувствами, настроениями, переживаниями и, наконец, той «безысходной» трагичностью человеческого существования, что уже в конце XIX в. становится господствующим стилем мышления. По меткому выражению П. Лафарга, идея социального прогресса теряет для идеологов буржуазии свою привлекательность.

Историк мировой эстетики В. Татаркевич писал, что история европейского искусства насчитывает 25 веков и распадается на два периода, каждый из которых имеет свою дефиницию искусства. В первый период (с V в. до н. э. до XVI в. н. э.) искусство понималось как творческая деятельность, которая подлежит определенным правилам. С 1500 г. до 1750 г., происходил процесс отмирания старого понятия искусства и рождения нового. Приблизительно к 1750 г. возникает современное понятие искусства. С этого времени искусство означает создание прекрасного. В. Татаркевич подчеркивает мысль, что в конце XIX в. появились сомнения в непогрешимости этой дефиниции, а с середины нашего столетия стало ясно, что она не верна².

Изменения, которые внесла в понятие искусства марксистско-ленинская эстетика, известны. Важно то, что, не отбрасывая мысли об искусстве как создании прекрасного, марксистско-ленинская эстетика существенно углубила представление о нем как форме общественного сознания, средстве реалистического отражения наиболее существенных, и не только прекрасных сторон действительности, способе выражения мыслей, чувств, эмоций личности. Проблема личности занимает особое место не только по своей значимости. Тема эта носит крестовой характер, так как в ней высвечиваются конкретные мировоззренческие позиции творца искусства.

² См.: Татаркевич В. Дефиниция искусства.— Вопросы философии, 1973, № 5, с. 68.

Именно поэтому разработка данной проблемы необходима в современной идеологической борьбе.

Современные буржуазные исследователи стремятся определить прежде всего свое отношение к традиции, т. е. к сложившимся уже представлениям о человеке, как разрабатывалась проблема личности тем или иным философским направлением, при этом формулируя новое, «новаторское», идущее от буржуазного мировоззрения. Плеханов ставит вопрос об оценке новаторства в зависимости от мировоззрения самих новаторов. Подобно Мерингу, он отвергал «удивительную смесь социализма с модернизмом, порожденным упадком буржуазии». Начало подобной переориентации было положено «философией жизни» и продолжено экзистенциализмом.

Если кратко формулировать отличительную особенность экзистенциального течения применительно к проблеме человека, то можно сказать, что оно выступило с заявкой на его специфически онтологическую интерориентацию в отличие от гносеологической по преимуществу трактовки этого вопроса в прежней рационалистической философии. Как утверждают буржуазные теоретики, многие проблемы философии переосмысливаются теперь в свете бытия человека, для понимания которого неприменимы прежние философские представления. Разумеется, подобный подход как движение от теории познания к вопросам человеческого существования расширил сферу борьбы мировоззренческих идей, придал ей большую актуальность и более очевидный социальный смысл.

Новая, по выражению экзистенциалистов, «фундаментальная» онтология претендовала на изменение не только теоретического аппарата философии, но и жизненной позиции человека. Известно, что многие мотивы современного экзистенциализма можно найти в философии и литературе прошлого. Еще до середины XIX в. все философские течения утверждали, что и у личности, и у общества есть своя цель. И только Шопенгауэр выдвигает новый мотив—у жизни нет цели вообще, что она бездумное движение, лишённое цели, а подлинная человеческая сила—это воля. Однако воля трансформируется в понятие иррациональное, метафизическое. Как онтологическая основа универсума, как слепой импульс,

воля действует безрассудно, без цели, без обоснования, вследствие чего человек не находит успокоения, его мучает беспокойство, неудовлетворенность, чувство страха. Система Шопенгауэра была сконструирована из учений Канта, Фихте, Шеллинга. Как и для них, для Шопенгауэра характерен перенос центра тяжести с теоретического на практический разум, выявление воли без этического содержания, так сказать «в чистом виде», т. е. рассмотрение ее как изначального жизненного импульса.

Шопенгауэр, как и ранний Шеллинг и романтики, «моделировал» философию по образцу художественного творчества: философия сливается с поэзией, превращаясь в нечто вроде «интеллектуальной» лирики. Тенденция эта будет подхвачена Р. Вагнером и Ницше.

Однако человек, избавившийся от миража «интеллектуальной» лирики, которая дает некоторое познавательно-этическое удовлетворение, еще сильнее сознает мучительность жизни. Облегчить эти страдания можно прежде всего созерцанием, что отвлекает человека от собственных переживаний. Но временное облегчение может привести лишь созерцание произведений искусства. Созерцание приостанавливает действие воли и погружение в красоту на какое-то время утешает людей.

Продолжая шопенгауэровский мотив трагедии человеческой души, молодой Ницше писал: «Нам надлежит познать, что все, что возникает, должно быть готово к страданиям и гибели: нас принуждает бросить взгляд в ужасы индивидуального существования³».

Можно назвать ряд преемников и подражателей подобных нравственных ценностей. Христианский философ Паскаль считал, что первым элементом познания является сомнение в силах рационализма, что столь характерно для современного экзистенциализма. А сомнение в силах рационализма рождает отчаяние. Отвергая разум, он пытается опереться на интуицию, однако, вступив на этот путь, особо подчеркивает всю трагичность судьбы человеческой, что ведет к утверждению бренности всего земного, низости тела, чья приверженность к злу препятствует победе высших духовных цен-

³ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки.— Полн. собр. соч., т. I, М., 1912, с. 118.

ностей. Человек сознает бренность того, что его окружает, и погружен в эту бренность. Еще один мотив в различных течениях экзистенциализма.

И опять мотив временного облегчения. Ницше, как и Шопенгауэр, предлагает утешить человека с помощью искусства, знания, философия, как компоненты иллюзии, как метафизическое утешение, которое «вырывает нас на миг из вихря изменяющихся образов»⁴, а художественная фантазия, подчеркивает он, черпает свою силу из мифологической картины мироздания.

Возвращение к источнику древней силы—мифам, вот что проповедует Ницше. Известно, что христианские мыслители во все времена усматривали и продолжают усматривать причину интеллектуального и нравственного хаоса в падении религиозного духа, ибо при ее отсутствии в душе человека внешний и внутренний мир превращается в бессмысленный и мрачный кошмар, а общество распадается на отдельные личности. Ницше разбивает эту тенденцию, считая, что атеистические убеждения—одно из основных проявлений будущего нигилизма. «То, что я рассказывал,—писал он,—это история ближайших столетий. Я описываю то, что грядет, что не может не прийти—восхождение нигилизма... Это будущее усматривается в сотне признаков, эта судьба возвещает повсюду, для этой музыки будущего открыты все уши. Вся наша европейская культура уже давно движется с мучительным напряжением, которое увеличивается с каждым десятилетием и развивает катастрофу»⁵.

И тема древних, античных мифов предлагается Ницше как единственный выход из нигилизма. «Миф вечного возвращения», проникнутый идеей судьбы, рока. Подобные умозаключения таят в себе иллюзии объективной истины, которые проникают в скрытую сущность человеческого существования, доступную лишь для особого «экзистенциального озарения» (Existenzerhellung, по Ясперсу, «герменевтики», экзистенциального психоанализа, по Сартру). В экзистенциализме, как никогда

⁴ См. там же, с. 118.

⁵ Цит. по: Zowith K. Von Hegel zu Nietzsche. Stuttgart, 1964, S. 207.

в идеалистической философии, особо подчеркивается спонтанный и абсолютно свободный и одиноко обреченный характер личности, характер его деятельности. Человек, в отличие от других живых существ, имеет свой «мир» и живет, как выражается Хайдеггер, в своем особом «экзистенциальном» пространстве. Непроясненности этого особого человеческого мира и его специфических измерений и приводит будто бы к искажению свойственных лишь человеку способов жизнедеятельности, а соответственно, и к утверждению неподлинных ценностей, установок, идеалов и т. д. В конечном итоге, в центре внимания оказывается субъективное бытие человека или природа человеческой субъективности как таковой, взятая как бы в ее истоках и рассмотренная как особый вид реальности. Однако человек, не умеющий интеллектуально и реально понять ту действительность, в которой он существует, и свою природу, где он порой путается в собственных внутренних противоречиях, стремится отчаянно к ясности, к иному, лучшему миру. Человек живет, действует, определяет себя на основе того представления, какое он имеет о себе и о мире. Человек не только сам создает свою историческую традицию, но и субъективно выдвигает структуру будущего. Экзистенциалисты, развивая идеи Ницше, подчеркивают тот факт, что каждая эпоха, создавая свои мифы, придает ей искусственную цельность. Мифы и идеалы порождают согласие человека с природой, создавая мир условных ценностей. Однако мифы, созданные экзистенциалистами, являются своеобразным продуктом философско-литературного творчества: обращаясь к образам античной мифологии, экзистенциалисты придают им новое идейное толкование. Сартр пьесой «Мухи», обрабатывая мифологический сюжет, уже послуживший основой для творений Эсхила и Софокла, не заботится о верности передачи его исторического содержания. Цель пьесы — призвать французов в условиях гитлеровской оккупации к гражданскому мужеству на примере античного героя Ореста. Однако подобный сартровский экзистенциалистский гуманизм еще крайне далек от научного решения и строится лишь на философской абстракции. Другой пример: «Боги обрекли Сизифа вечно вкатывать на вершину горы огромный камень, откуда он

под собственной тяжестью вновь и вновь низвергался обратно к подножию. Боги не без оснований полагали, что нет кары ужаснее, чем нескончаемая работа без всякой пользы и без надежды впереди»⁶. Итак, старое предание превращается в идею универсальной судьбы всего рода человеческого: находясь в трагическом положении, сознавая всю абсурдность своего бытия, человек лишь в безнадежной борьбе против судьбы может обрести свободу. Вся эта атмосфера рокового пессимизма более ясно выразилась в области философского мышления, чем на почве искусства. Своего рода модернизм философской мысли, начатый с влияния Шопенгауэра, наиболее тесно связан со славой Ницше. Он вводит в философскую мысль новую тему — тему интерпретации в широком смысле слова проблемы исследования субъективной освоенности мира как существенного и формирующего компонента человеческой реальности. Для Ницше бессмысленно все связанное с рационалистической философией о «мире в себе». Человек никогда не оперирует с реальностью в себе, ибо мир уже интерпретирован. В этом смысле, согласно Ницше, мы имеем дело с явлениями, но только в том смысле, что нет «сущности за явлениями». Это положение Ницше Сартр расценивает в «Бытии и Ничто» как одно из фундаментальных положений буржуазной философии. По мнению Сартра, «Ницше первый покончил с иллюзией сущности, как чего-то стоящего за явлениями»⁷.

Протестантский теолог экзистенциалистского мышления П. Тиллих основную проблему экзистенциализма определяет так: «Языческое сознание античности было обременено страхом перед судьбой, христианское мироощущение проникнуто боязнью греха, человек двадцатого века измучен глубокой тревогой перед «бездной абсурда», сознанием бессмысленности существования»⁸. Подобное чувство бессмысленности бытия и есть осно-

⁶ Камю А. Миф о Сизифе. — Вопросы литературы, 1980, № 2, с. 175.

⁷ Sartre J. — P. L'Être et le Néant. Essai ontologique phénoménologique. P. Gallimard, 1943, p. 12.

⁸ Barret W. and Aiken H. (ed.) Philosophy in the Twentieth century, vol. 2, New-York, 1962, p. 1662.

ва того нигилизма, против которого в прошлом веке выступили Кьеркегор и Ницше. Хайдеггер выдвигает вопрос о смысле бытия, который, по его мнению, совершенно выпал из кругозора всей европейской философской традиции со времен Сократа. В прошлом веке Кьеркегор по этому поводу изложил свою систему: нужно вернуться к методу Сократа, быть как и он «пробудителем душ». Люди обретут индивидуальное бытие и вновь обретут свободу, когда сумеют перешагнуть рубеж конечности человеческого существования посредством участия в мире вечных идей и ценностей. Существенной чертой всякого человеческого существования является тоска по абсолютному бытию, тоска по причастности к миру ценностей. Эта тоска, пишет Кьеркегор, и лишает человека активности, которая должна быть направлена на поиски подлинного бытия. Человек не может найти себя и в чувственном мире. Образ Дон Жуана у него—это судьба жаждущего большой любви и утомленного разочарованиями, образ, тоскующий по идеалу, а потому и трагичный и униженный. «Моя главная задача,—пишет Кьеркегор,—понять свое предназначение, узнать, что угодно богу, чтобы я делал. Дело в том, чтобы найти истину, которая является моей собственной истиной, найти идею, ради которой можно жить, за которую можно отдать жизнь»⁹. Подлинная жизнь, продолжает он,—это синтез прошлого, настоящего и будущего, проникнутый мыслью о вечности.

Скажем, что и Кьеркегор, и Ницше исходят из общей предпосылки, а именно—разложения религиозного сознания. Подобное различие между проповедником христианской веры и поклонником античной мифологии можно наблюдать и в современном экзистенциализме. Теперь же идеи Ницше мы читаем в философских трактатах Хайдеггера, а систему Кьеркегора излагают Г. Марсель и К. Ясперс. Хайдеггер ставит и решает проблему бытия в весьма нетрадиционной форме. Он постоянно озабочен тем, чтобы исключить все возможные ассоциации с традиционными концепциями бытия. Огромный период философии, начиная с Сократа и Платона и кончая современностью, которых Хайдеггер называет

«метафизической эпохой», представлял собой не что иное, как эпоху «забывания бытия». Хайдеггера волновал вопрос—«почему вообще существует что-то, а не ничто?» У Сартра есть еще один аспект этой проблемы—привнесение в мир вопроса, по другой формулировке и «ничто» не может изменить нашего представления о мире в целом. Мы должны говорить не только о бытии-в-себе и бытии-для-себя, собственно человеческой реальности, но и о том, возможен ли и каким образом синтез этих двух реальностей, имеет ли общее основание, каков характер этого синтеза и т. д. Но все эти «метафизические» вопросы, по Сартру, могут решаться лишь после того, как онтология скажет свое слово относительно характера и структуры человеческой реальности.

Современным экзистенциалистам удалось закрепить за собой отдельные слабости прошлых философских конструкций и поставить ряд проблем философии и искусства. Западногерманский теоретик К. Пфафф пишет, что искусство обретает экзистенциальную функцию, т. е. вместо внешних социальных связей искусство конструирует новый тип связей с человеком, где искусство обращено только на себя, вовнутрь, и именно в этой интроспекции оно находит новую для себя функцию. В рамках этого представления человек получает «новое отношение к искусству—как новому языку в пространстве новой цивилизации»¹⁰.

Для развития искусства в производственно-динамическом обществе, как пишет Пфафф, характерно освобождение от традиций, от моральных и идеологических притязаний. Эти процессы тесно связаны с эстетическим преобразованием социальной действительности.

Известно, что художественный авангард XIX в. неоднократно возвращался к теории романтической иллюзии, согласно которой искусство и творчество являются более тонким и пронизательным способом постижения сущности мира, чем понятный-логические формы познания. И не случайно философские основания романтической иллюзии модернисты искали у Шопенгауэра, подкрепляя их Ницше. Меринг по этому поводу пишет: «Поэтической школе необходимо для полного комплекта

⁹ Hirsch F. Kierkegaard—Studien, t. III, Gütersloh, 1933, S. 27.

¹⁰ Pfaff K. Kunst für die Zukunft. Köln, 1972, s. 39.

иметь и философа. У классиков были свой Кант и свой Фихте, у романтиков—свой Шеллинг, а для современного натурализма Ницше третьего периода подходит так же, как перчатка для руки»¹¹.

Шопенгауэр и Ницше исходили из того, что философу трудно соперничать с художником в возможностях познания объективных закономерностей. Средства постижения действительности, которыми располагает философия, считали они, во многом уступают художественному, творческому проникновению в сущность явлений. Философское познание, ориентированное на логические формы, сближает формально-рассудочные и собственно понятийные способы познания и осмысления действительности, а это приводит к тому, что философская мысль, занимая неадекватную позицию по отношению к истории, оказывается неспособной выявить ее подлинную природу. Отказываясь от традиционной философии, Ницше, как известно, стремился утвердить творческий произвол. Однако под «стихией творчества» установки в определенной традиции на самом деле оказались не менее укорененными, чем методы и способы философствования и мыслительных процедур, против которых он же выступал. Эта укорененность имела иной характер и не выражалась в формах самосознания европейской культуры. Согласно Ницше, философ должен уступить функцию осмысливания человеческой истории—художнику, который благодаря силе творческой интуиции свободен от предсказанных культурой схем действительности. Ведь мысль, продолжает он, уже закабалена существующей культурной традицией, поэтому человеческая субъективность может опереться только на свое творческое нутро, на интуицию художника, отстаивающего в культуре права своего свободного «я». Воззвания Ницше к интуитивному восприятию исторического процесса и человеческой личности трансформировались у обывателя в апологетику обыденного сознания с его привычными нормами и представлениями. А ведь Ницше и воевал против подобного уровня рассудка.

Итак, художественно-творческая позиция, защищае-

мая им, не оправдала надежд. Но к ней часто возвращались идеологи авангардизма, хотя трактовали ее по-своему, часто даже противоположно. Так, например, Адорно рассматривал художественно-творческое отношение к действительности как определенную позицию сознания, зашедшего в тупик западной цивилизации и пытающегося найти утраченную адекватность с самим собой. Модернизм, по Адорно, порывает с традицией старой культуры, и это означает по крайней мере переключение сознания в качественно иную плоскость.

Известно, что художественный мир, который традиционно противостоял рационально рассудочным интерпретациям и канонам творчества, ассимилировал новую информацию и новые культурные представления, возникшие на ее основе. Именно поэтому и в живописи, и в поэзии, и в музыке художественный авангард попытался низвергнуть такие традиционно-эстетические категории, как гармония, целостность, структурная и логическая завершенность художественного произведения. В традиционной эстетике творчество рассматривалось как проявление иррационального бессознательного начала. Однако это касалось акта творчества, но не произведения искусства. Подобный подход был обусловлен тем, что природа художественной спонтанности и творческого порыва не была достаточно изучена. Человеческая субстанциональность связывалась с рациональной деятельностью как норма культурного бытия. Художественная интуиция, за что ратует Ницше, хотя и не отвергалась, но не могла претендовать на общезначимость. Художественный авангард выступил с требованием иметь новые средства для формирования новой личности и новые ценностные установки.

Происходила переоценка всех ценностей, низвержение старых канонов как результат противоречий между разложением буржуазного общества и началом социального переворота нашего времени, требующего лишь новизну, построенную на высокой традиции мировой культуры.

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал, что фронт идейной борьбы изменился. Реакционные идеи направлены против абсолютного содержания человеческого сознания против убеждения в том,

¹¹ Меринг Ф. Литературно-критические статьи. I—II, 1934—1943, с. 509.

что оно отражает независимую действительность. Однако в прошлом веке Марксу и Энгельсу не приходилось с подобной настойчивостью подчеркивать этот великий принцип материалистического мировоззрения, ибо форма буржуазного мышления того времени крепко держалась за «вечные истины» культуры и прогресса классового общества. Либерализм XIX в. не обращался еще в такой степени к реакционной софистике, «зряшному», как писал Ленин, отрицанию, не отрекался от разума, не прибегал в широком масштабе к «распятию интеллекта», чтобы придать своим ложным идеям видимость революционного бунта против устаревшей цивилизации.

Н. С. ТОВМАСЯН

О НОВОМ ПРОЯВЛЕНИИ «МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ» В ЭПОХУ НТР

50—60-е годы нашего столетия ознаменовались современной научно-технической революцией, вызвавшей на начальных этапах своего развертывания определенный подъем капиталистической экономики. Этим обусловлен буржуазно-апологетический социальный оптимизм большинства созданных в этот период немарксистских социально-философских концепций, ориентированных на будущее. Инвариантным для этих концепций является убеждение в вечной, качественно непреходящей природе капитализма и вера в научно-технический прогресс как в панацею от всех бед капиталистического общества.

Однако по мере развертывания научно-технической революции с возрастающей очевидностью стало проявляться несоответствие социального содержания и генеральной линии развития НТР эксплуататорской сущности капитализма. Развертывание научно-технической революции обострило имманентные капитализму социально-экономические противоречия.

Оказавшись перед лицом все более углубляющегося и обостряющегося общего кризиса капиталистической системы, теоретики буржуазии вынуждены изобретать все новые методы убеждения широких масс в вечной, качественно непреходящей природе капиталистической формы социальной организации. Как указывал М. С. Горбачев, «буржуазная идеология—идеология обслуживания капитала и прибылей монополий, авантюризма и социального реванша, идеология общества без будущего. Ее установки очевидны: любыми приемами приукрасить капитализм, прикрыть его природную античеловеч-

ность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни и культуры...»¹ Для выполнения этого социально-классового заказа адепты буржуазии обращаются к средствам различных форм общественного сознания, от искусства до философии. Более того, они создают своеобразные симбиозы, сочетая в своих идеологических схемах и построениях черты и характеристики, присущие совершенно различным социально-культурным феноменам. В этом отношении симптоматична тенденция, наблюдаемая у некоторых представителей современной американской буржуазной социально-философской мысли. Как известно, всякое философское, в том числе и социально-философское, знание отличается определенной степенью интеллектуальной сложности и абстрактности и по этой причине оказывается доступным лишь на определенном уровне духовного развития личности. Имманентная эзотеричность социально-философского знания в значительной степени ограничивает аудиторию, к которой оно может быть обращено. Между тем основной целевой установкой современного буржуазного общественно-научного знания является активная апологетика в глазах широких масс мнимых достоинств и преимуществ капиталистической системы, а также обоснование непреходящей природы капитализма. Этими обстоятельствами обусловлены определенные существенные перемены, происшедшие в последние годы как в содержании, так и в форме некоторых современных буржуазных социологических концепций, тенденция к созданию открыто апологетических и приспособленных к пониманию на уровне обыденного сознания социально-философских доктрин. Доминантной характеристикой этих концепций является перенос центра тяжести с имманентно присущей всякому феномену культуры, в том числе и социально-философскому знанию, направленности на объективно истинное, адекватное постижение мира, на решение узкоклассовых, идейно-мировоззренческих и регулятивных задач, подсказанных своеобразными интересами господствующей элиты общества. В связи с указанной выше идеологической сверхзадачей эти концепции оказы-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1986, с. 87.

ваются в такой степени популяризированными и направленными на манипулирование идеологическим сознанием масс, что по существу они могут быть причислены не только и не столько к социально-философскому знанию, сколько продукции другого социально-культурного явления—феномена «массовой культуры».

Для выявления существенных характеристик и специфических особенностей указанных концепций целесообразно подробнее остановиться на общей характеристике существенных черт «массовой культуры».

Методологически оправданно характеристику существенных особенностей так называемой «массовой культуры» начать с характеристики понятия «масса» в трудах буржуазных теоретиков. Ряд исследователей выделяет три основных признака массы. Так, согласно авторам работы «Новый набросок принципов социологии», масса—это, во-первых, гетерогенное образование, состоящее из представителей различных социальных групп, профессиональной принадлежности и культурного уровня; во-вторых, масса обычно анонимна, ее представители не персонафицированы; в-третьих, массу отличает слабая связь между ее представителями, масса обычно парцеллирована, атомизирована².

И таким образом, теоретики массового общества прямо или косвенно противопоставляют понятие «масса» понятиям «социальная группа», «класс», «партия». Принятая в современной буржуазной социологии система характеристик «массы» вплотную сближает ее с понятием «толпа». Такой подход не случаен: он прямо вытекает из социальной сверхзадачи создателей этой теории—задачи противопоставления аморфной, дискретной, атомизированной категории массы представлению о классе, объединенном единством цели, интересов, задач и действий. На эту сторону понятия «масса» обращал внимание ряд западных исследователей. Так, Г. Арндт в своем труде «Происхождение тоталитаризма» в качестве характерных черт массы отмечает: отсутствие сознания общего интереса, классовой связанности общими целями, социальную нейтральность, политическую индиф-

² См.: Outline of the Principles of Sociology (Ed. by A. Lee) N.—Y., Barnes and Noble, 1951, p. 185—186.

ферентность, беспартийность³. Атомизированность, оторванность от социальных групп, к которым они принадлежат, утрата классового самосознания, хаос личных интересов—вот особенности представителей массы, согласно другому теоретику «массового общества»—Т. Корбету⁴.

Следует отметить, что общее для всех приведенных характеристик приписывание массам аморфности, политической индифферентности и дискретности представляет собой не столько адекватную действительности характеристику существенных черт феномена массы, сколько идеализированную модель, выражающую социально-классовые чаяния теоретиков буржуазии. Это скорее не реальная масса, а масса с такими социально-идеологическими качествами, которые хотелось бы видеть в этой социальной структуре теоретическим adeptам капитализма.

Советские исследователи справедливо отмечают генетическую связь понятий «массовое общество» и «массовая культура»⁵, указывая, что термин «массовое общество» представляет собой феноменологическое обозначение процесса и тенденций, присущих социальной системе современного государственно-монополистического капитализма, понятием же «массовая культура» фиксируется определенный тип буржуазной культуры, призванный специально выработанными методами добиться направленной социализации индивида в современном капиталистическом обществе, способ конформизации личности, приспособления ее к требованиям существующей социальной структуры. Иными словами, массовая культура представляет собой характерный для современного массового общества способ подчинения различных групп населения буржуазной идеологии. Как справедливо отмечал Г. К. Ашин, «массовая культура» ис-

³ См.: *Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.—Y., Harcourt, 1966, p. 305.*

⁴ См.: *Corbett Th. H. People of Masses; A Comparative Study of Political Theory.— Washington, 1970, p. 97.*

⁵ См.: *Ашин Г. К. Эволюция понятия «масса» в концепциях «массового общества».— В кн.: «Массовая культура» — иллюзии и действительность. М., 1975, с. 45.*

пользуется для того, чтобы навязать индивидууму систему ценностей и норм государственно-монополистического капитализма, элиминировать заряд революционности, если таковой имеется, заместив его иллюзорной ассоциацией с «организацией». Поскольку, с одной стороны, аудитория массовой культуры имеет гетерогенный профессионально-образовательный состав, а с другой—образовательная, познавательная функция массовой культуры носят подчиненный характер по отношению к идейно-мировоззренческой функции, постольку язык, используемый массовой культурой, оказывается в определенной степени популяризированным, усредненным, доступным людям, резко различающимся по образовательному и возрастному цензу, по профессиональной принадлежности.

Один из исследователей массовой культуры, видный представитель так называемой «Франкфуртской школы» Т. Адорно выделил два основных этапа исторической эволюции феномена массовой культуры. Первый этап ее развития Т. Адорно относит к XVII—XVIII вв. Возникнув, согласно Т. Адорно, в стране классического капитализма—в Англии—как одна из сторон художественной культуры, массовая культура в этот период охватывала лишь один из жанров художественной литературы—роман, а затем и танцевальный жанр музыки. Согласно Т. Адорно и английскому социологу Яну Уатту, генезис массовой культуры восходит к творчеству Дефо и Ричардсона, романы которых специально создавались для рынка, служили ему и, в конечном итоге, навязывали читателю свои идеи, свое видение мира. Второй этап развития массовой культуры Т. Адорно относит к концу XIX—началу XX вв., когда популярная, или массовая, культура складывается в самостоятельную цельную систему, ареал распространения которой включает в себя уже не отдельные жанры литературы и музыки, а всю область художественной продукции вообще. В этот период всякая форма элитарной художественной культуры приобретает соответствующие аналоги на уровне популярной массовой культуры⁶.

⁶ См.: *Adorno Th. W. Television and the Patterns of Mass Culture — In: Mass Culture. The popular Arts in America (Ed. by Rosenberg B. and White D. M.) — Ilencoe, 1958, p. 474—488.*

Можно спорить с Т. Адорно и Я. Уаттом о необходимости отнесения истоков массовой культуры к эпохе Дефо и Ричардсона. Однако нельзя отказать в определенной доле рациональности рассуждениям Т. Адорно о дифференциации этапов развития массовой культуры по расширению ареала охватываемых этим феноменом культурных реалий.

На наш взгляд, в настоящее время массовая культура переживает новый этап своего развития, характеризующийся дальнейшим расширением ее ареала, выходящего за рамки художественной культуры и распространяющегося на всю область культуры вообще. Соглашаясь с формулой Г. Ашина о том, что «массовая культура» — это не только произведения «массового искусства»⁷, добавим, что современная «массовая культура» — это еще и произведения «массовой философии», призванной дать массовому сознанию мировоззренческую ориентацию, адекватную социально-политическим целям и идеалам современного империализма. С этой точки зрения, в современном буржуазном общественном сознании намечаются черты совершенно нового течения, представляющего собой специфическую разновидность апологетического направления современной буржуазной социальной философии.

Это течение может быть охарактеризовано как «поп-философское» или «масс-философское», т. е. обладающее основными признаками популярной массовой «поп-культуры». На наш взгляд, основными чертами этого течения являются: непосредственная его направленность на манипуляцию сознанием широких народных масс; следующая отсюда адресуемость его содержания не партии, не классу, даже не социальной группе, а аморфной, гетерогенной массе; спекуляция на интересе широких масс к наиболее острым и злободневным социальным проблемам капиталистической действительности: попытка выхолащивания классовой сущности социальных проблем и придания им общечеловеческого характера.

Отметим, что анализ основных тенденций развития идеологии и культуры капитализма дает все основания

⁷ Ашин Г. К. Указ раб., с. 46.

полагать, что это течение, представленное сегодня лишь отдельными его представителями, в проекции на ближайшее будущее будет проявлять тенденцию к дальнейшему развитию, поскольку идеологи буржуазии чем дальше, тем более настойчиво пытаются воздействовать на формирование идейно-мировоззренческих убеждений широких масс. На наш взгляд, пока немногочисленные концепции, принадлежащие к этому течению современной буржуазной философии, с необходимостью должны подробно изучаться и разоблачаться исследователями-марксистами по следующим причинам: во-первых, вследствие того, что эти концепции несут сугубо политический характер, они откровенно пытаются превратить философию в непосредственный инструмент классовой политики, в ее теоретическое оружие; во-вторых, потому что эти концепции, в силу своей специфики сравнительно быстро завоевывают широкую популярность, становятся действительно массовыми и оказывают непосредственное воздействие на формирование идеологических ориентаций и мировоззрения — так называемого «среднего человека». В связи с указанными особенностями, превращающими это течение в одно из наиболее опасных течений современной буржуазной социальной философии, марксистская критика и последовательное разоблачение концепций, принадлежащих к этому течению, представляются необходимым в свете актуальной задачи, поставленной партией перед нашим идеологическим фронтом — задачи контрпропаганды.

К числу пионеров этого течения современной буржуазной социальной философии, наряду с канадским философом, социологом и публицистом М. Мак-Люэном⁸, мы относим прежде всего американского социолога и публициста А. Тоффлера.

Социально-философская концепция А. Тоффлера представляет собой яркий пример поп-философской теории. Начиная с первых же своих крупных работ, А. Тоффлер проявляет большую чуткость к любым изменениям

⁸ Содержательную характеристику поп-философской концепции М. Мак-Люэна см.: Григорян Г. П. О средствах коммуникации и судьбах человечества в поп-философии Маршала Мак-Люэна. — Вопросы философии, 1972, № 10, с. 151 — 155.

настроений и интересов широких масс, ловко приспособливая их к интересам своего класса и неизменно обращается к наиболее актуальным и злободневным проблемам современности. Так, в конце 60-х—начале 70-х годов, когда чрезвычайно велик был интерес широких масс к психологическим и аксиологическим проблемам научно-технической революции, к проблемам «качества жизни» и т. д., А. Тоффлер издает работу «Шок от столкновения с будущим»⁹, посвященную личностным и социально-психологическим аспектам научно-технического прогресса. В середине 70-х годов, когда бурное нарастание кризисных явлений в капиталистической экономике вызывает в широких массах прогрессирующую тревогу по поводу существующего экономического состояния, А. Тоффлер немедленно откликается на эти изменения в общественном настроении изданием «Доклада об эко-спазме»¹⁰. Наконец, в начале 80-х годов, когда, с одной стороны, беспрецедентно острый характер принимает глубокий структурный кризис капиталистической системы, с другой—возникает комплекс глобальных проблем современности, А. Тоффлер пишет книгу: «Третья волна»¹¹, представляющую собой синтетическую, обобщающую работу, по-прежнему непосредственно обращенную к наиболее животрепещущим вопросам современности. В этой работе, на фоне общей периодизации всего исторического развития цивилизации, А. Тоффлер предпринимает попытку обобщить существующий комплекс кризисных процессов и тенденций, а также предлагает определенные рецепты выхода из создавшегося положения. Таким образом, во всех крупных работах А. Тоффлера последовательно реализуется одна из базовых установок «поп-философии»—обращенность к широким массам, спекуляция на интересе широких масс к наиболее актуальным проблемам современности.

Все работы А. Тоффлера отвечают также другому требованию, предъявляемому к любой поп-философской концепции: требованию непосредственной направленности на манипулирование сознанием широких народных

⁹ *Toffler A. Future Shock.*—N.—Y., Bantam Books, 1972.

¹⁰ *Toffler A. Eco-Spason Report.*—Toronto: Bantam Book, 1975.

¹¹ *Toffler A. The Third Wave.*—N.—Y.: Morrow, 1980.

масс. Этому требованию полностью соответствуют как содержательные, так и формальные характеристики концепции А. Тоффлера. Так, для всех работ А. Тоффлера характерна не только обращенность к проблемам, в наибольшей степени волнующим «среднего человека», но и определенное заигрывание с его оценками и настроениями с целью завоевания доверия масс. Например, концепции А. Тоффлера несомненно присущ некий социальный критицизм. Осознавая, что откровенная и неприкрытая апологетика скомпрометировавшей себя капиталистической системы в современных условиях уже не может быть популярной среди широких масс, А. Тоффлер подвергает, подчас, резкой критике отдельные пороки и противоречия этой системы. Несмотря на то, что отмечаемые деструктивные явления экстраполируются американским социологом на характеристику всех индустриальных стран, в теории А. Тоффлера явно присутствует определенный элемент социального критицизма. Однако критицизм этот носит чрезвычайно поверхностный характер, затрагивает лишь второстепенные реалии капиталистической действительности и тщательно избегает всякого упоминания о сущностных, имманентных капитализму, социальных и экономических противоречиях. Предлагаемые А. Тоффлером меры сводятся лишь к «текущему ремонту» капиталистического общества; американский социолог ни словом не упоминает о необходимости его качественного изменения. Иными словами, критицизм, присущий концепции А. Тоффлера, в значительной степени представляет собой своеобразную идеологическую уловку, направленную на завоевание доверия широких народных масс с целью дальнейшей манипуляции их сознанием и свидетельствует, по крайней мере, о гибкости апологетической позиции американского социолога.

Другим свидетельством ориентированности поп-концепции А. Тоффлера на манипулирование сознанием масс является прямо-таки демонстративная популярность изложения, характерная для всех основных работ А. Тоффлера. Так, в «Докладе об эко-спазме» и в «Третьей волне», а также в статьях, посвященных социально-экономическому «проектированию будущего», А. Тоффлер не использует никаких элементов математи-

ческого моделирования, столь характерного для современных футурологических и прогностических исследований. Полное игнорирование детально разработанной специфической методики социального прогнозирования философом, претендующим на выявление отдаленных перспектив социально-экономического развития человечества, может быть объяснено лишь тем обстоятельством, что аудитория, к которой обращена и на которую рассчитана концепция А. Тоффлера, включает в себя не интеллектуальную элиту, не специалистов-экспертов, а представителей средних слоев современного западного общества, потребителей массовой культуры. Использование современного математического аппарата прогнозирования, придающее исследованию большую достоверность и убедительность в глазах специалистов, будет совершенно непонятным для так называемого «среднего человека». Поэтому применение современной методики не соответствует целевым установкам пропагандистской концепции А. Тоффлера. Более того, излишняя наукообразность может даже отпугнуть неразвитое мышление западного обывателя. В силу этого А. Тоффлер стремится лишить свои работы сциентистской изощренности, придать простоту и доступность, характерную для продукции массовой культуры.

Для концепции А. Тоффлера характерна также адресованность к нивелированной массе, что также соответствует установкам «поп-философии». Наконец, в концепции А. Тоффлера осуществляется предписываемая такого рода теориям попытка выхолащивания классовой сущности социальных проблем и придания им общечеловеческого характера. Это требование реализуется прежде всего посредством чрезвычайно характерной для всего творчества А. Тоффлера конвергентной тенденции.

Таким образом, концепция Тоффлера полностью удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к «масс-философии» как мировоззренческому проявлению феномена массовой культуры.

Следует отметить также наигранный оптимизм теории А. Тоффлера, являющийся, на наш взгляд, качеством, характерным для продукции массовой культуры.

Так, констатируя неразрешенные кризисные противоречия капиталистической системы, Тоффлер с нарочитой наивностью и навязчивым упорством называет их временными трудностями роста, с преодолением которых якобы наступит ренессанс капитализма на новом уровне. Подобная позиция представляет собой специфическое проявление буржуазно-апологетического социального оптимизма, социологическую ипостась принципа хеппи-энда, чрезвычайно характерного для массовой культуры.

Специфической особенностью творчества А. Тоффлера является не столько выдвижение оригинальной философской концепции, принципиально отличной от других современных буржуазных социально-философских учений, сколько попытка создания популярной, доступной на уровне обывденного сознания теоретической конструкции, отражающей интересы правящего класса современного американского общества.

В этой связи симптоматично высказывание директора Центра комплексных исследований при Школе современной технологии США Дж. Мак-Хейла. Он отмечает, что книга Тоффлера «Шок от столкновения с будущим», «тираж которой составлял три миллиона экземпляров, оказала громадное воздействие на формирование представлений о будущем у широких масс»¹².

Таким образом, если представителя поп-философии М. Мак-Люэна на Западе называют наиболее цитируемым автором в современной американской культурной жизни¹³, то тиражи книг другого представителя этого направления—А. Тоффлера—позволяют назвать его наиболее читаемым социальным философом США.

Обобщая сказанное выше, отметим, что для современного буржуазного общественнознания характерны мучительные поиски новых идеологических форм приспособления к негативным явлениям, порождаемым научнотехнической революцией в условиях капитализма. Едва ли не наиболее специфической формой этого приспособ-

¹² McHalle J. The Changing Pattern of Futures Research in the USA.—Futures: 1973, NG (June), p. 269.

¹³ См.: Григорян Г. П. Указ. раб., с. 151.

ления является создание концепций, непосредственно направленных на мировоззренческую манипуляцию идеологическим сознанием масс путем трансформации социально-философских абстракций в формы «массовой культуры».

Специфические черты «масс-философских» доктрин обуславливают особую идеологическую и политическую опасность этого нового детища западной теоретической мысли, а также особую актуальность аргументированного критического анализа его с позиций марксистско-ленинской, научной методологии.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
<i>Борзунов В. Ф.</i> Актуальные проблемы современной идеологической борьбы	10
<i>Алексеева Т. А.</i> Научно-техническая революция и идеологическая экспансия империализма	21
<i>Гарибджанян Б. Г.</i> Проблема кризиса политической системы капитализма в современных буржуазных концепциях демократии	35
<i>Кульчик Ю. Г.</i> Две модели общественного развития: идеологический аспект	50
<i>Джрназян Л. Н.</i> Эмпирические критерии и индикаторы эффективности идеологической деятельности	71
<i>Овсебян О. А.</i> Критический анализ некоторых современных буржуазных политико-правовых концепций	82
<i>Осипов В. Г.</i> Критика буржуазных интерпретаций непрерывного образования	97
<i>Чалоян Ц. В.</i> Проблема традиции и новаторства в буржуазной философии и искусстве	124
<i>Товмасян Н. С.</i> О новом проявлении «массовой культуры» в эпоху НТР	137

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сборник статей

Редактор издательства *Р. А. Багдасарян*
Худ. редактор *Г. Н. Горцакалян*
Тех. редактор *А. Г. Амаякян*
Корректор *Н. Р. Амирджанян*

ИБ № 1457

Сдано в набор 26.09.1987 г. Подписано к печати 19.01.1988 г.
ВФ 05302, Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Шрифт литературный.
Высокая печать. Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 7,98. Учетно-изд. л. 7,4.
Тираж 600. Зак. № 675. Изд. № 7219. Цена 95 коп.

ИБ № 1457

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР, 375019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24.